

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А.С. ПУШКИНА

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ АКСИОСФЕРА: СЕМАНТИКА И ПРАГМАТИКА ИДЕНТИЧНОСТИ

Сборник материалов
II Международной научной конференции
27–28 октября 2022 г.

Москва
2023

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. А. С. ПУШКИНА

Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности

Сборник материалов
II Международной научной конференции
27–28 октября 2022 г.

Москва
2023

УДК 821.161.1 + 124.5

ББК 84 (2) + 87.5

С 56

*Рекомендовано к изданию Редакционно-издательским советом
Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина.
Протокол № 6 от 23 апреля 2021 года.*

Рецензенты:

Шаповалова Т. Е., доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой современного русского языка им. профессора П. А. Леканта, Московский государственный областной университет

Маринова Е. В., доктор филологических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова

*Статьи печатаются в авторской редакции. Ответственность за содержание
и корректность заимствований несут авторы статей.*

С 56 Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности. Сборник материалов II Международной научной конференции 27–28 октября 2022 г. [Электронное издание] / ред. кол.: М.С. Милованова (отв. редактор), Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, С.В. Ионова, В.И. Карасик, П.А. Катышев, Э.А. Китанина, А.Н. Матрусова, Ю.В. Роговнева, Л.Н. Саакян, Р.Е. Тельпов, Р.Р. Шамсутдинова (отв. секретарь), Е.А. Юрина. – Москва : Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2023. – 236, [1] с.

ISBN 978-5-98269-306-8

Сборник статей по материалам II Международной научной конференции «Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности» посвящен осмыслению вопросов состояния современного языка и коммуникации. Мир оценок и ценностей современного человека изменяется под влиянием внешних факторов. Человек оценивающий декларирует свою позицию – язык фиксирует любое движение мысли. Результаты наблюдений и лингвистического анализа фактов сканированного «языка текущего момента» представлены в настоящем издании.

УДК 821.161.1 + 124.5

ББК 84 (2) + 87.5

ISBN 978-5-98269-306-8

© Коллектив авторов, 2023

© Государственный институт русского
языка им. А. С. Пушкина, 2023

Содержание

<i>Предисловие</i>	9
--------------------------	---

Круглый стол. «Реальный виртуальный мир: революция или естественное обновление?» (28 октября 2022 г.). Тезисы	11
---	----

СЕКЦИЯ 1.

Аксиологические параметры актуальной языковой картины мира

Абакумова Ольга Борисовна

Аксиологическая составляющая русского пословичного концепта «правда»	36
---	----

Воркачев Сергей Григорьевич

Оценка, ценность и аксиологическая двойственность лингвокультурных смыслов	43
---	----

Карасик Владимир Ильич

Лингвокультурные сюжеты как объект аксиологической лингвистики.	49
--	----

Крюкова Лариса Борисовна, Хизниченко Анна Владимировна

Семантика восприятия и оценки в художественной картине мира поэтов Серебряного века	59
--	----

Лазариди Милана Исааковна

О полевом подходе к составлению словаря психических состояний (на примере номинативно-функционального поля «боязнь»)	67
---	----

Мандрикова Галина Михайловна, Кузнецова Надежда Сергеевна

Аксиологический потенциал прозвища (на примере данных социолингвистического эксперимента)	74
--	----

Маринова Елена Вячеславовна

Оппозиция «человек – машина» в цифровом обществе и ее метафорическое переосмысление в современной прозе	80
--	----

Матрусова Александра Николаевна,

Цитрикова Анастасия Андреевна

Аксиологический потенциал прецедентных имен

(на основе анализа прецедентных имен советской эстрады) 84

Смирнова Екатерина Дмитриевна,

Смирнова Ирина Валерьевна

Негативизация и криминальная эксплуатация

концепта «материнство» как проблема лингвобезопасности 90

Су Хэцин

Слово-концепт *любовь* в туристическом дискурсе 97

Тельпов Роман Евгеньевич

Архаичные семантические элементы в названии традиционного

народного блюда *калина* (на материале воронежских говоров) 102

Тельпов Роман Евгеньевич, М Фазил М Сабит

Иерархия названий внутригородских объектов Кабула и Москвы

в сопоставительном аспекте 107

Уржа Анастасия Викторовна

Неопределенно-личность и оценочность: диалектика взаимодействия . . . 113

Цай Ли

Антропонимы как идентифицирующие фрагменты

языковой картины мира 119

Чижова Лариса Алексеевна

Соотношение ценностных констант русской культуры

в разных частях логосферы – признаки устойчивости и нестабильности . . . 123

СЕКЦИЯ 2.

Аксиологический потенциал языковых категорий и единиц в эпоху цифрового мышления

Ватина Анастасия Евгеньевна

Субъект оценки в бисубстантивных предложениях. 130

Кязимов Кямран Шахверан оглу,

Агаев Мугаддин Иманверди

Связанные словосочетания, оформленные при помощи
двойных (расчлененных) сочинительных союзов135

Лушпей Анастасия Александровна

Аксиологический потенциал словообразовательной ниши
(на материале диалектных дериватов с формантом *-уш/а*).141

Маркова Елена Михайловна

Аксиологическая составляющая глагольных новообразований
в современном русском языке146

Милованова Мария Станиславовна,

Коваленко Светлана Марковна

Семантический потенциал лексемы «радужно»
и ее функционирование в современном русском языке153

Саакян Левон Николаевич,

Северская Ольга Игоревна

Аксиологический потенциал
эвфемизирующей/дисфемизирующей паронимической аттракции158

Сарайкин Иван Валерьевич

О статистических методах в лингвистических исследованиях.....162

Хуан Яньюй

Аксиологический потенциал
предикативных предложно-падежных форм существительного166

Юрина Елена Андреевна,

Балдова Анастасия Вячеславовна

Аксиологические доминанты признаковой пищевой метафоры
в русской лингвокультуре.....172

СЕКЦИЯ 3.

Аксиологические характеристики современных типов дискурсов***Белей Мария Александровна***

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания» Б. Вербера
как аксиологический постмодернистский шифр-код
жанра французского научно-фантастического романа 178

Богуславская Вера Васильевна,***Ратникова Альбертина Германовна***

Ценностные ориентиры в медиадискурсе о семье
российских и западноевропейских СМИ 183

Боженкова Наталья Александровна,***Ван Жань***

Лингвоаксиологические характеристики инаугурационного
дискурса в России (на материале выступлений В. В. Путина) 187

Дацко Дарья Александровна

Аксиологические доминанты
немецкоязычного поэтического дискурса XXI века 194

Игнатьева Татьяна Викторовна

Формирование жанровой структуры речи 200

Калякина Мария Валерьевна

Анализ политических ценностей российского общества
в начале 90-х годов 204

Китанина Элла Анатольевна,***Цзоу Тяньци***

Формирование национального образа Китая
на российском бизнес-телеканале РБК 212

Киуру Константин Валерьевич,***Линьков Сергей Владимирович***

Модный бренд как символический репрезентант
ценностей женщины в нарративе фильмов Педро Альмодовара. 216

Соловьева Юлия Олеговна

Образ полиции в современном российском дискурсе
правового просвещения 220

Такташева Динара Алиевна

Национальные ценности современного российского общества,
отраженные в юридической рекламе 226

Федосеева Лариса Николаевна,***Алексеева Татьяна Евгеньевна***

Слово на службе у маркетинга: способы и виды положительной
оценки в рекламно-этикеточном дискурсе 231

Язык – это всепригодное орудие. Язык дает то, что нам необходимо
В. Г. Костомаров

Научная конференция, посвященная вопросам языка и коммуникации, имела целью выявить возможные изменения в *аксиологическом* сознании современника в новую эпоху – эпоху цифровой цивилизации.

Семантика оценки, обозначенная в лингвистических работах 80-х годов XX века, определила новое направление исследовательской мысли – *лингвоаксиологии* (Е. М. Вольф, Н. Д. Арутюнова)¹. Изучение семантики оценки прогнозирует следующий этап в развитии лингвоаксиологии – изучение ценностей. Таким образом, современное содержание понятия *лингвоаксиология* подразумевает изучение средств языка, декларирующих оценочную позицию говорящего, его ценностные ориентиры и способы представления оценок и ценностей в речи.

В коллективной монографии «Общая и русская лингвоаксиология»² (2022) была предпринята попытка сформулировать современное представление о структуре лингвоаксиологии и выделить основные ее компоненты³:

- Аксиологическая семантика лексических единиц, некоторые из которых *дорастают* до имени концепта.
- Аксиологическая семантика синтаксических единиц, представленных в речи в виде *ценностно-оценочных комплексов* (К. Я. Сигал).
- Аксиологическая семантика форм, ценностно-оценочный потенциал которых реализуется в синтаксических моделях.
- Аксиологическая семантика текста-дискурса, формируемая средствами предыдущих уровней и интерпретируемая слушающим – адресатом сообщения/текста. Интерпретационное направление в исследовании текста-дискурса через призму анализа представлений о системе традиционных человеческих ценностей разрабатывается В. И. Карасиком, и это направление определяется автором как *аксиологическая лингвистика*⁴.

¹ Арутюнова Н.Д. Аксиология в механизмах языка и речи // Проблемы структурной лингвистики – 1982. М.: Наука, 1984. С. 5–23. Арутюнова Н.Д. Об объекте общей оценки // Вопросы языкознания. 1985. № 3. С. 13–24. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.

² Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.). М.: Российская академия наук, Институт языкознания: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М., 2022. 390 с.

³ Милованова М.С. Предисловие // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.). М.: Российская академия наук, Институт языкознания: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. М., 2022. С. 7–13.

⁴ Карасик В.И. Аксиологическая лингвистика: лингвокультурные типы: Сборник научных трудов / под ред. В.И. Карасика. Волгоград: Парадигма, 2005.

Отмеченные направления современной исследовательской лингвоаксиологической мысли в несколько измененном и соответствующем формату конференции виде находят отражение в формулировках названий секций и разделов настоящего издания:

Аксиологические параметры актуальной языковой картины мира.

Аксиологический потенциал языковых категорий и единиц в эпоху цифрового мышления.

Аксиологические характеристики современных типов дискурса.

Если говорить о факторах, влияющих на жизнь современного человека, можно выделить два основных – *техногенный* (Интернет и все связанное с ним) и *социогенный* (идеология потребления⁵). Как показывают результаты обсуждения в рамках круглого стола тезиса «Реальный виртуальный мир: революция или естественное обновление?», в изменившейся мировой и российской действительности существуют две активные идеи, организующие жизнь человека: идея виртуального общения / виртуальной среды обитания и идея потребления – новая идея для российского общества, активная в последние 20 лет.

В данных новых условиях мысль об оценке выходит на первый план: важно сформировать отношение к актуальным ценностям и понять, как традиционные и привычные ценности вписываются в изменившуюся систему координат.

Современный человек – человек оценивающий – декларирует свою позицию, оценка имеет характер *утилитарный* или, напротив, *онтологический*. Эти представления находят отражение в языке: в меняющейся семантике лексических единиц и обновленном содержании концептов, в новых связях, обусловленных появлением новых жанров речи и новых приемов коммуникации.

Язык фиксирует движение мысли. Результаты наблюдений и анализа фактов сканированного «языка текущего момента» представлены в настоящем издании.

⁵ Интересно и афористично сформулирована эта мысль профессором Л.Д. Беднарской: «С развитием цифровой цивилизации индивидуальное, а тем более личностное, все более отодвигается с первых планов, *цель познания направлена не на понимание, а на обладание*» (Беднарская Л.Д. Художественный образ. Смыслы и формы. Монография. М.: Флинта, 2022. С. 70.).

Реальный виртуальный мир: революция или естественное обновление? (28 октября 2022 г.)

Тезисы

Модераторы:

Слышкин Геннадий Геннадьевич, доктор филологических наук, профессор, руководитель научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, главный научный сотрудник Национального НИИ общественного здоровья им. Н. А. Семашко

Милованова Мария Станиславовна, доктор филологических наук, профессор Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина

Участники круглого стола:

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Наталья Александровна Боженкова

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Любовь Марковна Гончарова

кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и естественнонаучных дисциплин Западного филиала РАНХиГС

Дарья Александровна Дацко

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Светлана Валентиновна Ионова

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Владимир Ильич Карасик

доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Павел Алексеевич Катышев

доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и массовых коммуникаций ЧелГУ

Константин Валерьевич Киуру

доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории «Лингвобезопасность и психология информационного воздействия» Института права и национальной безопасности РАНХиГС

Лидия Евгеньевна Малыгина

аспирант кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

М Фазил М Сабит

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник отдела корпусной лингвистики Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, доцент кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Ольга Игоревна Северская

ст. преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности РАНХиГС

Екатерина Дмитриевна Смирнова

ст. преподаватель Центра лингвистики и профессиональной коммуникации Института права и национальной безопасности РАНХиГС

Ирина Валерьевна Смирнова

кандидат филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Роман Евгеньевич Тельпов

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Дорогие коллеги! Начало нашего круглого стола знаменует тот момент, что, с одной стороны, виртуальное общение дало нам очень много с точки зрения сближения технических возможностей, участия тех, кто находится от нас далеко. С другой стороны, мы с вами понимаем, что техника несовершенна и что в ситуации виртуального общения перед нами встают новые задачи, новые проблемы, новые коммуникативные барьеры. Коммуникативные барьеры – это, на самом деле, прекрасно, потому что их наличие повышает востребованность в специалистах по их преодолению, в том числе лингвистов. Давайте поговорим, что хорошего и что плохого нам дает виртуальная коммуникация. Сейчас мы уже можем говорить об этом абсолютно обоснованно, потому что это не нечто новое. Еще каких-нибудь 30 лет тому назад мы писали о новом языке, языке Интернета. Теперь мы смело можем сказать, что

электронная коммуникация стала прототипической коммуникацией, которая определяет всю остальную. То есть это не Интернет строит новые средства общения, это традиционная коммуникация – и устная, и письменная – заимствует из электронной сферы грамматику, стиль общения, новую лексику и так далее. Так чем же хороша и чем плоха эта новая коммуникация, этот «дивный новый мир»? Владимир Ильич.

Владимир Ильич Карасик:

– Спасибо, Геннадий Геннадьевич. Коллеги, суммировать – это всегда дело немного спорное, и вполне возможно, что то, что я сейчас предложу в качестве плюсов и минусов нашего нового мира, в котором мы оказались, виртуального мира, вызовет возражения, здесь я не претендую на полноту. Итак, что мы можем сказать. Достоинства виртуального мира. Первое – это умножение реальности: реальность, с которой мы сталкиваемся, умножается как минимум вдвое, и в таком случае мы становимся богаче. Теперь нам нужно для себя определить, чем отличается виртуальная реальность от потенциального существования. Очень часто люди это путают и отождествляют как практически единое. Здесь нужно сразу же сказать, что потенциальное – это то, чего нет в актуальном, то, что может быть, было или было бы. В языке, кстати, это совершенно четко отражено. Вопрос к нам, лингвистам, такой: есть ли сослагательность, которая связана с потенциальным миром, всякими контрфактическими вещами, есть ли языковое обозначение виртуального? А что такое виртуальное в таком противопоставлении? Виртуальное – это кажущееся. Это то, что воздействует на наши органы чувств, как будто бы это было реально здесь и сейчас. И в отличие от потенциального, фактор времени тут абсолютно не важен. Мы обогащаемся, получая какую-то информацию здесь и сейчас. По всем нашим (пока что по двум) органам чувств – это зрение и слух, но в перспективе все пять будут работать – это обогащение. Второе – это тиражирование. Таким образом виртуальный мир дает нам доступ к тому, что Вернадский называл «ноосфера». Легкий выход в ноосферу. Пожалуйста, каждый из нас может сейчас быстро выйти в любую библиотеку, в любой музей или связаться с кем-то. На мой взгляд, это бесспорный плюс такого общения. И третий плюс – сложный, но тем не менее – это новая этика отношений. Мы понимаем, что в виртуальном общении действуют иные, несколько измененные нормы взаимодействия, есть свои запреты, есть свои предписания, которые в ряде случаев заставляют людей вести себя более ответственно, более осознанно. Так или иначе возрастание степени ответственности у ряда пользователей Интернета – это плюс.

Минусы. Первый минус вытекает из первого плюса: новая реальность оказывается агрессивной, она начинает вытеснять прежнюю реальность. Отсюда и изменения в нашем общении, и в общем-то доведенный до пре-

дела момент аутизма. В какой-то мере виртуальное общение толкает людей на специфический аутизм, в том плане что общение есть, но это не совсем общение с людьми – это общение с воображаемыми сущностями. Второй минус: нет гарантии того, что этот выход в огромный мир возможностей надежен. Какая угодно техническая поломка или сбой в работе сети – есть предел с точки зрения технических возможностей. Возьмем, к примеру, наш институт: не так давно у нас случилась неприятность с сервером. И что же? А представим себе такую же вещь в планетарном масштабе, и тогда все это виртуальное богатство превращается в ноль. А третье – это, конечно, новая этика, в рамках которой появляются какие-то другие вещи, гораздо более опасные и сложные, гораздо более опасные сферы воздействия, или, как Павел Алексеевич Катышев четко подмечает, разные виды вовлечения/вовлеченности в интернет-среду. А там – особенно для подрастающего поколения – могут быть определенные риски. Ответственность – да, но и риски – тоже да. Я вижу три таких плюса и три минуса. Повторю, я не настаиваю на том, что я перечислил все.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Владимир Ильич, если бы Вы закрыли тему полностью, то на этом мы могли бы попрощаться и сказать: «Все, благодарю, спасибо. Круглый стол окончен». Однако Владимир Ильич задал нам схему анализа. Давайте посмотрим, каким образом это новое – и при этом старое – отражается на основных социальных институтах. В определенный момент у нас была иллюзия того, что этот «дивный новый мир» будет миром свободы, свободы самовыражения, коммуникации без границ. Но прошло время, и оказалось, что все не так гладко, особенно в политическом плане. Одной из первых жертв стал на тот момент действующий президент Соединенных Штатов Америки Дональд Трамп. И мы очень четко увидели, что технические возможности, помимо того, о чем говорил Владимир Ильич, то есть помимо техногенной катастрофы, – это прекрасный шанс у того, кто контролирует провод, в определенный момент тебе его перекрыть, нажать кнопку и лишить тебя права голоса в современном мире. Могли бы мы раньше вообще вообразить, что президент доминирующего государства простым нажатием кнопки лишается права голоса? Помните выступление в Сенате одного из республиканцев, который потом задавал вопрос владельцам социальных сетей: «Да вас-то кто выбрал? Какое вы имели право?!». Задавать вопросы и махать шашками после боя можно сколько угодно, но мы понимаем, что идея цифрового концлагеря, как и многие теории заговора, она, конечно, бредовая, но какой-то смысл в ней есть. Константин Валерьевич, что Вы думаете об изменениях границ нашей свободы, связанных с воцарением этой новой сферы, новой модели общения?

Константин Валерьевич Киуру:

– Если мы говорим о свободе личной, то вся виртуализация нашей реальности приводит к очень серьезной проблеме. Это видеотизация нашей повседневной жизни. Это та проблема, которая уже очень эффективно разрабатывается в научном плане. Что такое видеотизация повседневной жизни? Мы сознательно выкладываем в социальные сети все, что происходит с нами. Вчера я выступил на конференции, тут же написал пост о том, с какой темой я выступил, опубликовал фотографии, и в ответ люди уже начинают комментировать, делиться и так далее, и так далее, и так далее. И ладно – я пишу про конференцию, но другие пишут совсем про другое. Так любая часть нашей повседневной жизни, нашей частной жизни, наших социальных отношений, наших близких отношений становится частью виртуального мира. Люди могут за этим следить, кто-то – просто следить, а кто-то может в ответ предпринимать какие-то действия. Это могут быть какие-то реакции, это может быть и хейт, это может быть и буллинг, это может быть и stalking, и многие другие не совсем приятные для человека, транслирующего свою жизнь, вещи. Таким образом, мы говорим об отсутствии границ: мы открываем свой мир для всеобщего доступа – и в результате мы ни от кого не защищены, любой может нарушить наши границы.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– И даже если не открываем...

Константин Валерьевич Киуру:

– Да, мы все равно не защищены от этого. В этом мне видится очень большая проблема, очень серьезная проблема для исследования. Как эти границы человек сам выставляет вокруг своей частной жизни? Как эти границы нарушаются? По каким технологиям нарушаются? И как противодействовать этому нарушению?

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Вопросы прекрасные. А есть ли на них какие-то ответы, учитывая то, что мы находимся в рамках образовательного дискурса? Чему мы должны учить своих студентов в этом плане?

Константин Валерьевич Киуру:

– Я не готов ответить на вопрос, чему мы должны учить.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– У нас есть человек, который готов. Лидия Евгеньевна Малыгина, автор одной из первых отечественных диссертаций, посвященных языку и общению цифровой молодежи. Коллеги, мы все с вами тоже молодежь, разумеется.

Константин Валерьевич Киуру:

– Цифровая – точно.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Точно. Ну вот, Лидия Евгеньевна, расскажите нам про нас.

Лидия Евгеньевна Малыгина:

– Благодарю, Геннадий Геннадьевич, за представление и, Константин Валерьевич, за интересный доклад. Мне кажется, здесь мы тоже имеем дело с определенной модой. Эта мода на видеотизацию повседневной жизни, может быть, в скором времени пройдет, потому что мода требует постоянного обновления – как это связано с одеждой. Реалии современной жизни таковы, что мужчины уже больше не публикуют геолокацию, особенно молодые мужчины, в том числе студенты, не публикуют, где они находятся, для того чтобы не пострадать. И это постоянное обновление, свойственное моде, касается в том числе и видеотизации повседневной жизни. То есть если сначала нужно было постить фотографии в социальных сетях, отмечать других людей и геолокацию, то сейчас наоборот – интрига, противоположный тренд, да: я не отмечаю, с кем я на фотографии, где я нахожусь, мои перемещения. Такое молчание в медиапространстве, и в пространстве соцсетей тоже, – это определенный, очень значимый коммуникативный акт. Молчание, исчезновение из соцсетей и цифровой детокс, когда мы должны ничего не постить, отдыхать и набираться цифровой загадочности.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Спасибо, Лидия Евгеньевна! Коллеги, одна из реалий нашего общения – это несколько рискованный, но тем не менее интересный, смешанный характер проведения мероприятия. Мы с вами физически находимся здесь, но в виртуальной реальности с нами находятся наши коллеги, находящиеся не только в других локациях, но может быть, даже в других странах. Мне хотелось бы понять, насколько они с нами находятся, слышат ли они нас, и можем ли мы услышать их. Ирина Валерьевна Смирнова, подайте, пожалуйста, голос.

Ирина Валерьевна Смирнова:

– Добрый день, коллеги! Я с вами, как же иначе.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Ирина Валерьевна Смирнова – ведущий эксперт нашей лаборатории лингвобезопасности, специалист по мошенничеству, специалист-теоретик. Ирина Валерьевна, проинформируйте нас о том, чего нам, цифровой молодежи, ожидать и опасаться.

Александр Олегович Спиридонов:

– А может ли Ирина Валерьевна включить веб-камеру?

Ирина Валерьевна Смирнова:

– Она попробует. Я как раз хотела привести это в качестве примера. Когда мы не только не видим и не слышим, с кем мы разговариваем по сети, будь то телефон или Интернет, когда мы общаемся в социальных сетях – на другой стороне может быть кто угодно. Сейчас вы меня не видите, я не со всеми знакома, соответственно, не знаю, как вы меня себе представляете. А вот, вот она я. Я включила камеру, и в данном случае мошенничества нет, это действительно я. Мы рассматриваем мошенничество как языковую категорию, правоведы его рассматривают с точки зрения права. И с таких точек зрения эти категории абсолютно не совпадают. То, что мы понимаем в бытовом плане под мошенничеством, правоведы рассматривают как вымогательство, как кражу, как непосредственно мошенничество по статье 159 Уголовного кодекса. Для нас же ведущей характеристикой будет обман и воздействие на коммуниканта при его помощи. Самой важной частью этого обмана является идентификация. Вы меня видите и примерно представляете себе, кто я, а человек может общаться с кем-то, кто представляется, скажем, покупателем на интернет-аукционе. Самый частый способ, который я в моем исследовании обнаружила, это граждане, представляющиеся сотрудниками правоохранительных органов либо сотрудниками банковской системы в той или иной ипостаси. Проверить в момент коммуникации эту информацию довольно сложно, потому что рамки и временной промежуток очень ограничены, а с другой стороны, это опять же может быть кто угодно. Человек, представляющийся сотрудником правоохранительных органов либо сотрудником какой-то банковской системы, использует определенные методы воздействия – воздействия при помощи эмоций, как мы описываем это в нашем исследовании. Схемы и сценарии примерно одинаковые, поэтому нам удалось выделить три группы эмоций, которые использует мошенник при воздействии на свою потенциальную жертву. Он воздействует при помощи страха: напугать человека довольно легко, успокоить сложно. Также это может быть радость и другие положительные эмоции. Третья группа – это воздействие при помощи каких-то рутинных характеристик, когда эмоции, напротив, пытаются не использовать, не выделять их каким-то образом.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Давайте кратенько про страх – страх всегда всех интересует, поэтому пару слов, пару стратегий, которые используются мошенниками, работающими на страхе.

Ирина Валерьевна Смирнова:

– При воздействии через страх самое главное – как хорошо напугать человека. Это возможно сделать, например, в неурочное время. «Товарищи майоры» звонят своей потенциальной жертве ночью, днем, то есть в то время, когда деловая активность отсутствует. Человек не знает, что делать, старается как-то быстро избавиться от этой ситуации и чаще всего перечисляет деньги тем, кто ему звонит. Мы выделяем следующие тактики воздействия через страх. Во-первых, это может быть воздействие через сообщение о том, что вас пытаются обокрасть (сейчас вы буквально лишитесь денег); во-вторых, когда кто-то из ваших родственников «попал в беду». Здесь может быть очень интересный компонент с использованием интонаций: нашему «товарищу» нужно очень постараться, чтобы подстроиться так, чтобы поверили, что мама, я сбил человека, но сейчас товарищ майор нас выручит. Как я уже сказала, воздействие через деньги, воздействие через страх за какого-то близкого родственника и третья группа – это воздействие через страх за свою репутацию: люди все-таки еще чего-то боятся, несмотря на то, что Интернет предоставляет полную свободу выкладывать там свои фотографии или какие-то данные о себе. Это те три группы, которые нам удалось выделить именно в этой стратегии.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Итак, страх за близкого, страх утраты денег, страх утраты репутации. Области вечные.

Ирина Валерьевна Смирнова:

– Да.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Спасибо, Ирина Валерьевна. Немножко раскрою карты. В своих исследованиях Ирина Валерьевна обратила внимание на то, что, когда мошенник действует от лица квазипредставителя финансовых институтов, он употребляет какие-то термины, которые мы опять же первоначально определили как квазитермины, плюс названия каких-то организаций, которые не существуют. А потом провели более подробный анализ, и Ирина Валерьевна выяснила, что и термины существуют, и организации существуют, только они не российские, они украинские. Сразу становится понятно, что мошенничество с использованием электронных средств – это уже надгосударственное образование. И тот враг, как сказал Константин Валерьевич, тот самый враг, с которым может столкнуться простой интернет-пользователь или пользователь мобильной сети, – мало того, что это уже не индивид, это государственная машина, но это может быть еще и чужая государственная машина, и это абсолютно непредсказуемо. Но тем не менее в интернет-коммуникации есть, наверное,

и какие-то светлые стороны, в том числе связанные с образованием. Для того чтобы вывести нас из этого мрачного направления, мы попросим Светлану Валентиновну рассказать, что же хорошего нам дал Интернет и виртуальная коммуникация в плане образования, тем более что Институт русского языка имени А. С. Пушкина был именно той образовательной организацией, которая столкнулась с тем, что в период локдауна целый ряд студентов оказался очень и очень далеко, однако образовательный процесс успешно шел, как свидетельствуют результаты выпускных квалификационных экзаменов и тот факт, что защиты выпускных квалификационных работ шли на высоком уровне. Итак, что же хорошего?

Светлана Валентиновна Ионова:

– Как руководитель образовательной программы и как сотрудник института я абсолютно согласна с Геннадием Геннадьевичем в том, что развитие и распространение технологий виртуальной коммуникации в образовательном процессе несет много позитивного для преподавателей и студентов. По официальным данным (отчетам руководства нашей образовательной организации), охват обучающихся из разных стран на нашем портале «Образование на русском» за последние годы вырос на порядок, охват аудитории, знакомящейся с нашими курсами через Интернет, сегодня беспрецедентен, что было бы невозможно без применения возможностей информационных технологий. Это главное достоинство цифровизации в сфере образования, потому что такого массового способа воздействия на аудиторию, такого масштаба воздействия раньше не было. Сейчас мы разговариваем здесь, а наши аспиранты, которые находятся в разных странах, выполняют наши задания, выходят на связь онлайн и даже участвуют в нашей дискуссии. Это огромный плюс. С другой стороны, тот же критерий – масштаб, охват аудитории – это не всегда плюс. Здесь уже говорилось о мошенничестве, о возможности воздействовать на большое число участников виртуальной коммуникации для достижения негативных целей. И, к сожалению, это тоже массовое явление. Конечно, в указанных механизмах психологического воздействия ничего нового нет, потому что эмоциональные механизмы, которые используются в нелегитимных формах коммуникации, стары как мир. Они эксплуатируются с античности, даже в риторике эмоция страха – это одна из главных эмоций, которые использует оратор в своих речах для воздействия на слушателей. Однако сегодня эти механизмы имеют огромный размах и меняют нашу повседневную реальность. Те же самые ловушки становятся очень опасными и очень страшными, потому что количество тех, кто попался на эту удочку, можно невероятно масштабировать. Но если вернуться к положительным аспектам виртуальной коммуникации, я бы сказала о том, что у нас появился доступ ко многим ранее недоступным

для всех сферам. Например, мы можем попасть в виртуальные музеи мира. Скажем, буквально летом мы были с белорусской делегацией в Третьяковке, и сотрудники предложили просто подписаться на виртуальные экскурсии новых экспозиций, что ребята из Белоруссии и сделали. Масштаб и доступность – вот это неоценимые, на мой взгляд, стороны виртуализации. И хотя Владимир Ильич сказал, что вроде бы она есть, эта виртуальная реальность, но ее как бы и нет, она – такая мерцающая. Однако факты говорят о том, что все-таки виртуальная коммуникативная реальность есть, даже несмотря на то, что она может в любой момент оборваться по каким-то техническим причинам. Виртуальная реальность вполне реальна, мы в этом убеждены, и неслучайно данный вопрос заявлен в названии нашего круглого стола. Например, сетевое общение протекает в виртуальном пространстве, а масса случаев депрессивных состояний у детей, конфликты представителей разных поколений, преступления и убийства происходят в реальности.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Что самое страшное, эти разборки были и в образовательной сфере. Вспомним убийство из-за общения в родительском чате.

Светлана Валентиновна Ионова:

– Я описала в статье один случай, когда девушка из-за сообщения в школьном чате вышла на улицу и совершила самоубийство. Но самое печальное, что это не первый и не единственный случай, это массовое явление в стране, есть огромное количество таких материалов. Если человек общается виртуально, то, на мой взгляд, невероятно возрастает значимость эмоций, значимость знаковых систем, разрастание этих знаковых систем. То, что в реальной коммуникации ситуативно, в сетевом общении требует добавления новых знаков. Перевод мысли в электронный вид заставляет учитывать определенные интернет-фильтры, а они строятся таким образом, что, для того чтобы перенести реальное на монитор, для того чтобы передать интенцию говорящего, надо добавить огромное количество новых знаков. Это тоже важное дополнение. Ну и конечно, как человек, занимающийся текстами, не могу не вернуться к проблеме «смерти автора» в сетях, которая приобретает все больший и больший размах. Как автор научных статей я нахожу свои тексты среди работ «с потерянным авторством», откуда студенты берут их без ссылок. Я также могу взять чью-то работу и не найти ее начала и конца, указания на авторов и ответственное издательство. Получается, что виртуальная коммуникация становится достаточно ограниченной, почти анонимной, она становится очень небрежной и некачественной, и меня это очень сильно волнует. Отсюда серьезность проблемы соотношения виртуального и реального общения. Еще недавно мы сидели в сетях каждый день: если наш

институт не в сети, то его как бы не существует – из обычной реальности мы переходили в сетевую. Сегодня наметилась иная тенденция: стремление человека оградить себя от вовлечения в бесконечный, виртуальный, круглосуточный цифровой мир, в котором ты везде должен участвовать. И умение выйти из него, оградить свое пространство – все это считается приметой элитарной жизни. Элитарны аналоговые формы фильмов, книг, научных текстов. Реальное образование рассматривается как качественное, элитарное образование, в отличие от обезличенного виртуального взаимодействия. Этот процесс намечен, мы видим его достаточно хорошо, и, думаю, мы к нему придем уже очень скоро.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Спасибо большое, Светлана Валентиновна! Вы очень технично отошли от предложенной Вам роли оптимиста. Давайте попытаемся кому-то другому предложить эту сложную роль. Наталья Александровна, Вы, я так понимаю, социальный оптимист, расскажите нам, что все-таки хорошего дает нам интернет-коммуникация и современные средства общения.

Наталья Александровна Боженкова:

– Постараюсь, Геннадий Геннадьевич! Как человек, отсутствующий в социальных сетях, я хорошо ощутила то, чего я лишена (в двух смыслах) – в «хорошем прочтении», то есть от чего я ограждена, но и в исконном своем понимании – то, чего я лишена. Поэтому вернусь к словам Владимира Ильича о трех плюсах и о трех минусах интернет-коммуникации. Мне кажется, Владимир Ильич не назвал одну важную составляющую интернет-пространства и, в определенной мере, типологическую характеристику интернет-коммуникации. Это развлекательность, которая, безусловно, проникла во все виды дискурса, и даже в самый (в широком смысле) «классический», стабильный, ритуализированный и невозможный, казалось бы, к изменению – дискурс религии. И даже здесь, в религиозном дискурсе, воспроизведенном в интернет-пространстве, мы можем фиксировать включение несоответствующих «духу» религии иностранных слов и – шире – элементы геймификации, что прослеживается и в виртуальности (доходящей до сказочности), и в возможности игры (языковой и не только), и в возможности управлять этим пространством, и в возможности в любой момент, по желанию играющего автора, эту игру остановить. Здесь, с моей точки зрения, важно следующее. Я считаю, что это, бесспорно, реальность, и даже не мерцающая реальность, это реальность, которая абсолютно заместила все остальное. Если вспомнить, что язык – это действительность 2 по отношению к действительности 1, то есть материальному, природному миру (иначе – созданное, «конвенционально вымышленное» и реальное), то интернет-пространство оказывается дейст-

вительностью 3, которая существует, именно существует, по отношению и к действительности 1, и к действительности 2. Вопросы аутизма связаны как раз с этим, с социальным изменением психологического трактования эгоцентрической сущности человека. Мы понимаем, что человеческое эго, которое направлено всегда на (в психологическом понимании термина) ощущение себя в мире, удобство себя в этом мире, нахождение какой-то ниши, заполнение собой этой ниши и «неотпускание» этой ниши дальше, – это эго в пространстве, когда нами «завладел» Интернет, тоже изменилось. Почему мы с такой легкостью впустили эти устройства и допустили все эти изменения? То, что вы говорили, Владимир Ильич, что сейчас оборвется сигнал и мы окажемся вообще вне жизни, – это, безусловно, реальность для нас, мы так это ощущаем. Но дело в том, что нас устраивает это. Кто из нас сейчас знает номера телефона наизусть? Все зрелые люди, помним прекрасно – у многих дома и телефона-то не было, а номера своих близких знали все. Это было жизненно необходимо, а сейчас мы с такой легкостью переключаемся со значимых и знаковых моментов своей жизни на вспомогательные, мы с такой легкостью их от себя отталкиваем! Вот за мной гаджет номер 1, а вот за мной гаджет номер 2, третий, четвертый, пятый, а себя я освобожу – скажем, для игры, ведь так хочется вернуться в детство. Даже такие радикальные вещи, как мошенничество, это ведь тоже примеривание ролей, примеривание возможностей использования той детской стратегии. Понятно, что ни один мошенник – да, он хочет получить выгоду – точно не говорит о том, что совершает противоправное действие. Ты «купился» на его игру, ты захотел в эту игру вступить! А если не захотел – так положи трубку и не общайся (ну или «скинь нам деньги»). Все это есть и некий ответ на вопрос, который сегодня совершенно справедливо задал Константин Валерьевич на секционном заседании, когда мы обсуждали парфюмизированный мир – парфюмерные продукты, косметические продукты: почему мы с такой легкостью «ведемся» на красивые этикетки, на, по большому счету, несодержательные компоненты? Именно потому, что мы внутри себя хотим в это сыграть. Хорошо это или плохо, я оценить не могу (это к реплике Геннадия Геннадьевича о интернет-пессимизме и оптимизме). В продолжение: как утверждают нейробиологи, последние исследования говорят о том, что у представителей поколения Z (это 2003 год рождения и позже) изменилась проекция правой руки в коре головного мозга. Вы понимаете, что это значит для человека, когда первый палец, поддерживающий, «оттянул» на себя функцию второго пальца, указательного? А функция четвертого пальца «оттягивается» мизинцем, который раньше не выполнял эту роль. Причина очевидна – бесконечное «общение» с телефонами и др. Это и есть абсолютная реальность интернет-коммуникации. Вместе с тем мне кажется, что это наше внутреннее изменение еще не «отфлексировано» в полной мере, хотя бы по

той причине, что наукой занимаются зрелые люди, которые не видят этих изменений по отношению к самим себе. Вот когда в науку придет молодое поколение, совсем молодое сегодня, они смогут в полной мере оценить все плюсы и минусы. Возвращаясь к позитивным тенденциям, хочу закончить следующим образом. Как преподаватель я много общаюсь с молодыми людьми и всегда задаю вопрос: что вы прочитали на прошлой неделе/летом/на каникулах? И знаете, все больше и больше студентов поднимают руки. Понятно, что это провокационный вопрос, сказать можно все что угодно. Но следом я задаю вопрос: а в каком виде вы читали? В электронном или «живом», взяв книгу в руки? Их ответ – конечно, в «живом», по-другому же читать нельзя, говорят студенты! Добавляют: одно дело, когда ты к занятиям готовишься, а чтобы получить полное представление о произведении, чтение должно быть настоящим. И завершая свой долгий спич: ничто никогда в этом мире не бывает случайным (и новая реальность тоже!). Сегодня на секции выступала заведующая кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова Лариса Алексеевна Чижова. Коллеги к юбилею Ю. В. Рождественского выпустили сборник статей. В своей работе Лариса Алексеевна обращается к концепции Юрия Владимировича о типологии текстов, которую он разрабатывал в 80-е годы XX века, – время, когда мы ни о каких гаджетах и их использовании в коммуникации вообще не говорили. Типология включает шесть параметров, которые систематизирует Лариса Алексеевна: типы отправителей, типы получателей, правила социального функционирования, а дальше – влияние фактора использования различных технологий, тип трансляции текста и главное – учет сферы ответственности. Про степень ответственности мы с вами сегодня сказали, а вот сфера ответственности за формирование коммуникативного акта со стороны адресата – вот к этому параметру любому автору, вероятно, нужно постоянно возвращаться. Отсюда, я предполагаю, Геннадий Геннадьевич, и вытекает Ваш прозвучавший ранее вопрос: чему учить, как учить, на что обращать внимание, потому что наша сфера требует высочайшей ответственности – и в тематическом отборе, и в коммуникативных стратегиях, и в употреблении социальных маркеров, и в «расстановке» аксиологических доминант. Именно над этим нужно работать, к осмыслению этого нужно идти, это в самих себе нужно «переструктурировать», тогда и реальность будет оптимистичной. Спасибо!

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Спасибо, Наталья Александровна! Для меня самым оптимистичным моментом выступления было то, что мы старое поколение, а потом все-таки придет молодое. Это очень важно. Думаю, все помнят ситуацию из 90-х, когда в том же самом Институте языкознания во время симпозиума понима-

ешь, что в первом ряду сидят аксакалы, в конце сидят аспиранты, которым надо по понятным причинам защититься, причем доминируют среди них мальчишки, а в середине – никого, вообще никого. Сейчас ситуация изменилась. Обсудим федеральный закон, который все связывают с запретом на иностранные слова. Вчера я как раз прокомментировал этот закон в прессе: на мой взгляд, туда нужно внести то, что он запрещает журналистам комментировать законопроекты, не прочитав их. Кстати, федеральный закон о языке, где норма, связанная с употреблением иностранных слов, есть. Однако есть гораздо более важные моменты для нас лингвистов – это ответственность государственных органов за составление и содержание электронных ресурсов, которые развивают и пропагандируют нормы русского языка. Государственная программа по созданию электронных ресурсов, если она будет, это действительно возможность выйти как отечественной лингвистике, так и русскоговорящему социуму на качественно новый уровень. Поэтому в поисках социального оптимизма, я собираюсь использовать свое право ведущего и спросить, а что же хорошего эта новая реальность дает лингвистам, какие инструменты мы получаем в свои жадные исследовательские руки. Павел Алексеевич, прошу Вас!

Павел Алексеевич Катышев:

– Спасибо! Что касается инструментов, у нас есть Роман Евгеньевич, и он как раз в рамках магистратуры занимается вопросами, связанными с корпусной лингвистикой. Для меня все-таки Интернет – это в большей степени материал, та среда, которая нам дает пищу для размышлений и материал для работы. Тут, мне кажется, Роман Евгеньевич поможет нам разобраться, поскольку он больше продвинут. Итак, во-первых, да, должна быть у государства языковая политика, несомненно, и в общем-то попытка предотвратить какой-то поток бесконечных заимствований должна быть, но мне кажется, она не столь продуктивна нежели та, которая была связана с поддержанием духа и вообще возможностей русского языка, те конституционные программы, касающиеся того, как передать это не только у нас в стране, но и по всему миру. Мне кажется, это более важная составляющая, чем та, о которой постоянно думают депутаты, учитывая то, что они могут использовать такие слова, которые в дальнейшем просто невозможно анализировать, аналитически с ними работать. Тот же самый запрет мата и использование этого слова в законных актах уже создает целую проблему и для правоприменителя, и для его иска, поскольку, кажется, это не совсем термин. В этом случае, когда мы говорим о заимствованиях, которые, конечно же, проникают также и благодаря Интернету, поскольку его активные пользователи – это во многом люди мира, владеющие разными языками, открытые для разных новых событий, вещей, и естественно, не остановишь проявление себя через другие языки,

их творческое переосмысление, использование. Я понимаю, что там речь идет, прежде всего, о русском языке как государственном, национальном, это всегда подразумевает некое культивирование, кодифицирование, в том числе и на законодательном уровне. Но тем не менее нередко благодаря журналистам эта информация приобретает некоторые зловещие очертания: что теперь будут бороться с заимствованиями, всем запрещать. Это иногда создает немного негативные эмоциональные вещи в обществе. И в этом плане языковая политика тоже должна быть соответствующая. Я помню прекрасно тот скандал, когда приводились словари (рекомендованные и не-рекомендованные) и потом была целая дискуссия – как так, все остальные нельзя использовать. Благодаря Интернету и журналистам эта информация была представлена в некотором искаженном виде. Это создает ненужные обсуждения в обществе.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Заявление так и не было отклонено. Вы совершенно правы: скандал-то был, но постановление висит как действующее.

Павел Алексеевич Катышев:

– Да-да, хотя там проблема то ли полулегализации, то ли отдельных понятий, это как раз об этом. Мы находимся в том пространстве, когда действительно вдруг появляется постановление, в котором часть элементов, часть понятий просто не определено, опять же юридически.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– А что там постановление – федеральные законы такие.

Павел Алексеевич Катышев:

– Федеральные, да-да, это несомненно. И даже тот факт, что есть другой закон, который запрещает, условно говоря, писать законы размыто в целях того, чтобы предотвратить различные злоупотребления законами, он даже тут не помогает, потому что, конечно же, нет людей-специалистов, которые бы сервисно это все обслуживали. Не всегда у государства и соответствующих органов бюджет заточен под то, чтобы еще и привлекать специалистов для того, чтобы они проверяли тексты, как-то их анализировали.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Важнейший момент того самого федерального закона, о котором мы говорим, это еще и четкая прописанная в законе обязанность государственных органов привлекать специалистов, то есть лингвистов, для проверки всех проектов нормативно-правовых актов на предмет соответствия нормам русского языка.

Павел Алексеевич Катышев:

— Нет, здесь должны быть специалисты не чисто лингвисты, а специалисты, которые еще обучены. Они должны владеть корпусами, устанавливать интертекстовые связи.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

— И психолингвисты, которые должны прогнозировать понимаемость, воспринимаемость и возможные побочные эффекты той или иной формулировки. Полностью с Вами согласен.

Павел Алексеевич Катышев:

— Да, и этот элемент частичной или полной юридизации он в общем-то здесь имеет место. Мне кажется, любой закон или любой термин, входящий в этот закон как элемент естественного языка, действительно живет естественной же жизнью, и это нужно понимать и корректировать эту систему, для того чтобы у авторов, находящихся в правовом поле, было по крайней мере одинаковое понимание сути вещей. Это, конечно, идеал, к которому нужно стремиться, и наверное, говоря о правовом регулировании, мы об этом не должны забывать. Я, пожалуй, на этом остановлюсь. Я с удовольствием послушал предыдущих ораторов, потому что больше, чем они, я не могу пока сказать. Но хочу к Роману Евгеньевичу обратиться.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

— Я уже заметил этот момент, я не забыл это. Я как раз оценил то, что в самом начале выступления Павел Алексеевич сделал изящный пас и с нашей стороны было бы безнравственно его проигнорировать. Роман Евгеньевич, прошу Вас. Какие новые инструменты дал нам, лингвистам, новый дискурс, новые возможности общения? Кстати, обращаю ваше внимание, да, конечно, Интернет — это центр, это прототип современной коммуникации, но тем не менее виртуальное общение только к традиционному Интернету не сводится.

Роман Евгеньевич Тельпов:

— Если говорить об инструментах, то я не считаю их виртуальной реальностью, потому что даже ZOOM, даже Skype — это всего лишь средства связи, так же, как и Национальный корпус русского языка, это всего лишь программы, позволяющие быстро находить нужные слова — инструменты, которые, на мой взгляд, не совсем подходят под определение «виртуальная реальность». Я мало вижу в этом поводов для каких-либо философских обобщений. В философском аспекте для меня представляет интерес, прежде всего, постоянно ощущаемая потенциальная возможность фиксации в виртуальном пространстве любого твоего слова или жеста, даже в тех случаях, когда ты этого не хочешь — данный

аспект для меня является очень серьезным сдвигом в отношении современного человека к себе и миру. Зафиксированным в виртуальной среде может быть все, что угодно, и противостоять этому крайне сложно. Хотя и это уже в какой-то степени пройденный этап, потому что все, что снято и размещено в виртуальной среде, может на самом деле оказаться фейком. Как показали последние события, возможности технологий создания фейков абсолютно безграничны. Ситуация с виртуальной реальностью сейчас напоминает ситуацию в рассказе Станислава Лема, в котором оказывается, что наращивание объема информации способно достигать критической массы, после которой вся эта информация в мире исчезает и мир возвращается к почти первобытному строю. Думаю, понятие «фейк», являющееся, на мой взгляд, одним из ключевых понятий на данной стадии информатизации общества, является отражением этого переизбытка информации, возможно, уже достигшей своей критической массы. Что же касается отличия восприятия молодых и не очень, то можно сказать о последних событиях, о том, как виртуальная реальность меняет это восприятие. Те, кто старше, находят аналогии с историческими событиями, а более молодые находят аналогии с компьютерными играми, неизвестными тем, кто старше. Эти аналогии очень странные, в какой-то степени даже пугающие. Например, удивительно, что действие некоторых «постапокалиптических» игр происходит на постсоветском пространстве, одна из игр, разработанная еще в 2019 году, получила название Day Z. Это тоже взаимопроникновение нашей и виртуальной реальности, механизмы и последствия которого мы пока не можем оценить...

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Да-да-да, я оказался в, не побоюсь этого слова, гнезде социальных пессимистов. Я так понял, что единственные социальные оптимисты у нас прозвучали в начале, и остальных потенциальных оптимистов мы еще прибережем напоследок.

Светлана Валентиновна Ионова:

– Я добавлю. Если говорить о том, что это дает лингвистам в исследовании, можно это называть средством, а можно считать нашей отраженной речью, это языковой узус. Если раньше, чтобы овладеть полной информацией о материале исследования, нам нужно было либо проводить опрос, либо готовить карточки, прототипы. Сбор материала для филолога превращался в длительный процесс – было странно за год собрать материал. Сегодня это вполне можно сделать. Когда нужно было в рамках судебной экспертизы доказать, что выражение «ментовский беспредел» не является оскорбительным в адрес правоохранительных органов, по поисковым запросам я нашла огромное количество материалов, которые демонстрируют вхождение этого

выражения в разговорный узу и даже в язык СМИ. Более того, на сайте МВД РФ был раздел, который был назван «ментовский беспредел»: там собирали материал о негативных случаях практики работы внутренних органов. И если тогда такое доказательство не очень принималось, то сегодня и прокураторы, и суды вполне лояльно относятся к такому доказательству.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Я согласен, единственный момент, Интернет – он открывает и закрывает потворство в этом плане. Еще недавно «Яндекс» можно было использовать, по сути, как корпус. Сейчас я прекрасно знаю, что то, что будет выдано на мой поисковый запрос, это не то, что будет выдано другому человеку: это связано с тем, что я запрашивал раньше, с имеющейся информацией о том, что я покупаю на «Яндекс.Маркете», и местами, которые я посещаю на «Яндекс.Картах», и так далее. Эти прекрасные первоначальные возможности, открытые Интернетом, они постепенно закрываются. Я уже подчеркивал как оптимист, это прекраснотушние проходит, теперь мы начинаем ясно осознавать грядущие политические ситуации, теперь те привычные инструменты, которые мы воспринимали как расширение наших возможностей, это «Википедия» как неисчерпаемый источник информации, это «Ютуб» как источник видеофайлов, они по большому счету не то чтобы не совсем наши, они совсем не наши. Впервые за много лет у меня опять появились примеры (как из давно ушедшего прошлого), такие как элемент манипуляции, манипуляция словарным обозначением. Я четко вижу, что в англоязычной «Википедии» и русскоязычной Википедии даются разные определения того или иного понятия, и идеологическая составляющая очень четко видна.

Любовь Марковна Гончарова:

– Я бы хотела высказаться в продолжение в некоторой степени того, что говорила Светлана Валентиновна и Вы. Интернет нам сейчас показал разделение социума по интересам. Он настолько развел нас по тематическим группам, по предпочтительности тех или иных блогеров, по тематическим форумам, что с одной стороны, мы действительно стали показывать, что у нас есть предпочтения, которые проявляются еще и в наших отзывах. Даже не будучи в соцсетях, отзывы мы пишем. Мы появляемся в тех или иных тематических группах, может быть, мы их читаем, эта поликомментарийность и полиинтерпретативность коммуникацию расширяет до невозможности. Это бесконечная коммуникация расширяется, расширяется до бесконечности как вселенная, пока не произойдет, наверное, какой-то взрыв сверхновой, пока не засосет всех в черную дыру. Это действительно может быть бесконечно, что приводит потом либо к конфликтам, либо, наоборот, к созданию какого-то сообщества, где уже общаются единомышленники.

А что для нас это дает? Для нас это дает очень много, это материал. Я веду социолингвистику и говорю студентам: надо же, лингвисты – страшные люди, умудряются собрать все, классифицировать и показать в концентрированном виде. Казалось бы, совершенно безобидное явление, скажем, какой-нибудь мамский язык – язык беби-блогеров. Эти девушки, безобидные мамочки, на своих тематических форумах общаются, но когда это все собирается, классифицируется и переосмысливаются – ты понимаешь, что да, это уже языковое явление, это материал, материал для исследования, который мы уже фактически берем в концентрированном виде. Мне кажется, что это разделение социума. Сначала это было массмедиа, сначала телевидение, каждый смотрел свой канал, слушал радиостанции, которые ему нравятся, а сейчас к этому настолько активно присоединился Интернет, что мы уже знаем, что посмотреть, мы советуем друг другу то или иное в зависимости от наших пристрастий и интересов. И это наша жизнь.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Спасибо, Любовь Марковна! Я планировал спросить Любовь Марковну о том, какие новшества пришли в сферу научных СМИ, поскольку Любовь Марковна руководит журналом, в котором мы все комплектуемся и, по-моему, даже местами злоупотребляем этой возможностью. Спасибо, Любовь Марковна! А относительно мамского языка и мамских форумов кратенько, очень кратенько – тоже эксперт нашей лаборатории Смирнова Екатерина Дмитриевна: о новой лексике и новых словообразовательных моделях, которые приходят из виртуальной среды. Екатерина Дмитриевна, Вы с нами?

Екатерина Дмитриевна Смирнова:

– Да, я с вами, добрый вечер, коллеги! Если мы говорим про образование новой лексики, то здесь Интернет нужно поблагодарить, потому что благодаря регулярному и активному общению пользователей в нем новая лексика продуцируется достаточно быстро и достаточно быстро распространяется. Благодарю коллегу за пас: возьмем пока еще выражение «я ж мать». Первоначально в сети Интернет появляется запрос публики на выражение пейоративных нарративов, связанных с матерью, не желающей выполнять функции относительно своего ребенка в общепринятом выражении и желающей оправдать свои действия статусом материнства. Для начала выражение существует исключительно в формате предложения, существует нарратив, с которым связывается данное выражение, затем появляется необходимость искать истории, связанные с материнством и способные отражать негативные категории этого явления и этого концепта. Таким образом выражение начинает приобретать новую функцию, функцию дескриптора или же хештега. Использовать хештег, в котором отображена будет исключительно лексема «мать»,

является невозможным, потому как в таком случае по поиску в Интернете будут выпадать истории, которые отражают все особенности этого явления: позитивные, негативные, вторичные с ним связанные – абсолютно все. Для того чтобы конкретизировать поиск нужно выражение, способное отвечать пейоративному запросу. Так выражение «я ж мать» соединяется в лексему методом сращения, получается нетипичное для русского языка сращение из трех слов, более того, одна из этих частей, одна из частей этого дескриптора, этой лексемы, это частица-усилитель, что совершенно несвойственно нам. Частица-усилитель, которая существует для того, чтобы подсказать читателю, использующему дескриптор для поиска, что лексема выражает негативную эмоцию, подчеркивает ее.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– А что дальше? Мы дошли до дескриптора и лексемы, а что происходит дальше?

Екатерина Дмитриевна Смирнова:

– Дальше происходит приобретение самостоятельной функции, самостоятельного значения и переход из состояния лексемы в состояние лексикализованного предложения, что еще более нетипично для русского языка. Мы можем встретить примеры лексикализованных предложений в английском языке, но для русского языка это нехарактерно. Что еще более важно, «я ж мать» становится источником для многочисленных дериватов, причем для дериватов как однокоренных – *яжмачочка*, *яжмамский* и так далее, так и образованных по сходной форме, где меняется местоимение и меняется существительное в конце выражения.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Коллеги, это уже новая словообразовательная модель.

Екатерина Дмитриевна Смирнова:

– Да, абсолютно точно.

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Спасибо, спасибо, спасибо, Екатерина Дмитриевна. Ну что ж коллеги, мы должны дать возможность выступить тем, у кого такой возможности не было, и я, к сожалению, не вижу все имена. Кто-то из коллег, присутствующих виртуально, хочет что-то кратко добавить?

Александр Олегович Спиридонов:

– Тут в чате участница по имени Полина Сергиенко написала: «Мы не виртуальные!»

Геннадий Геннадьевич Слышкин:

– Прекрасно, замечательно, коллеги, тем более, что в определенный момент к конференциям будут подключаться чат-боты, которые будут имитировать свое личное общение.

Мария Станиславовна Милованова:

– Ольга Игоревна Северская присоединится к нам заочно – по видео. Мы сейчас посмотрим.

Ольга Игоревна Северская:

– Дорогие коллеги, приветствую вас! Спасибо за приглашение выступить на этом круглом столе. Виртуальная реальность – хотим мы того или нет – сегодня это наш второй дом, после того как мир сузился до масштабов экрана смартфона, а его медиакартина заменила сам мир. Дигитализация – перевод всех видов информации (текстовой, аудиовизуальной) в цифровую форму – сменилась цифровизацией – внедрением современных цифровых технологий в различные сферы жизни и производства. На первом этапе мы ходили в Интернет, как в библиотеку, а сайты читали, как книги, на втором мы столкнулись с тем, что цифровая система может действовать независимо и сама обладает аналитическими и прогностическими функциями, то есть она может делать выбор за человека. Нельзя не заметить, что на язык и коммуникацию цифровизация влияет весьма существенно. Во-первых, меняется само понимание коммуникации: если в конце XX века коммуникация определялась как общение – от латинского *communicatio* ‘делаю общим, связываю’ (цитирую Лингвистический энциклопедический словарь 1990 г. под редакцией В. Н. Ярцевой), то в начале XXI века она становится передачей информации и выделяются уже другие компоненты значения – ‘передаю, сообщаю’ (цитирую Словарь методических терминов Э. Г. Азимова, А. Н. Щукина, 2009 г.). И потери в коммуникации при переходе от общения к передаче информации тоже ощутимы: кванты информации передаются, а вот связь и связность, а вместе с ними и адекватное понимание порой теряются. Привычка общаться друг с другом по Ватсапу, по переписке порождает не только гибридную письменную разговорность, но и проблемы с аудированием: все труднее нашим современникам воспринимать информацию на слух. Общение имеет сегодня модульный, шаблонный характер: все, что выходит за рамки шаблона, может поставить собеседника в тупик. Например, если вы закажете черный кофе, вас спросят, нужно ли добавить сливок или молока, заказывая столик в кафе на троих, вы почти наверняка услышите вопрос: а сколько вас будет? Возникает и тенденция к свертыванию речи, не только за счет пропуска знаков препинания, пробелов, гласных, использования аббревиатур, но и за счет выбора среди синонимов слов с меньшим количеством

букв и меньшим набором сем значения – это следствие перехода от текста к текстингу. Пример: абсолютно все, о чем сегодня идет речь, можно заменить словом «история», в ходу слова-стикеры, обозначающие семантические классы и заменяющие целые синонимические ряды, из-за чего пропадают нюансы и регистры смыслов, например, все вопросы у нас сегодня – тяжелые, а люди – великие. Шестисмайловый набор знаков эмоций дополнился пятисмайловым набором знаков вежливости: здравствуйте, до свидания, можно, пожалуйста, спасибо, извините – достаточно этих слов, обещают интернет-коучи, чтобы пришли успех, богатство и процветание. Активные ссылки и хештеги усиливают тенденцию к аналитизму. В соцсетях молодой человек пишет, что он в отношениях с @alina_koshechka, а девушка принимает предложение руки и сердца от @moy_geroy. На улице уже довольно часто можно услышать, что кто-то делает покупки в «Перекресток», кто-то едет в аэропорт не на такси, а на аэроэкспресс. Наконец, популярная качественная газета пишет сегодня о не слишком корректных словах польского премьера Анджея Дуда, хотя по закону о русском языке как государственном обязана соблюдать норму и цитировать Анджея Дуду. В пору слова песни менять: Стою на полустаночек, в цветастом полупалочек... Мозг работает как Т9: делает предиктивный выбор из активного словаря по первым звукам слов. Так появляется альбатрос вместо альбиноса, ветеринар вместо ветерана, инцест вместо инцидента, олень вместо Олег, и люди ничтоже сумняшеся пишут эпиляциянные жалобы вместо апелляции. И самое главное: цифровизация, переход в виртуальность очень меняют восприятие другого. Увы, сегодня адресат для адресанта часто виртуальный персонаж, нечто вроде покемона или тамагочи, которого в случае опасности или летального исхода можно перезапустить. Себя же адресат ощущает человеком во плоти и потому отвечает повышенной эмоциональностью и обидчивостью на своем полюсе при смене коммуникативных ролей. В общем, есть, коллеги, о чем подумать и что обсудить. Уверена, дискуссия будет жаркой!

Мария Станиславовна Милованова:

– Я бы хотела передать пас нашим коллегам – представителям молодого поколения. Дело в том, что как бы мы ни старались, мы продемонстрировали взгляд людей взрослых. Если вы позволите, может, мы попросим молодых людей? Ваш взгляд изнутри, потому что вы в ней живете, как вы смотрите на нашу виртуальность, которая сочетается, а может быть, и не вполне с реальностью?

М Фазил М Сабит:

– Спасибо! Я хотел бы привести метафору. Мы можем приготовить язык – как блюдо. Самая хорошая еда – это язык, самая плохая еда – это тоже язык,

потому что ты можешь говорить самые хорошие, самые красивые слова и самые плохие слова. Почему я это сказал? Я думаю, что к Интернету это тоже относится: если Интернет мы используем правильно, это хорошо, а если используем по-другому, то как в новой поговорке: сколько сидишь в соцсетях, столько тупеешь. Это для молодых ребят. В Ватсапе раньше можно было только отправить сообщение, получить, потом там появились другие функции, сейчас еще больше. Я думаю, что со временем этих функций станет еще больше, и даже когда не отвечаешь никому, отвлекаешься.

Мария Станиславовна Милованова:

– Спасибо! Золотые слова! Я очень поддерживаю Вас. Дарья Александровна Дацко, кандидат филологических наук, доцент Западного филиала РАНХиГС.

Дарья Александровна Дацко:

– Я до сих пор не определилась, на какой стороне я: против или за, потому что в принципе я по обе стороны баррикад, преподаю и получаю образование. Я могу сказать, что я учусь заочно, полностью дистанционно, то есть будучи студентом я ни разу не посетила учебное заведение вживую – все делается исключительно дистанционно. С одной стороны, это удобно, потому что не нужно тратить время на дорогу. С другой стороны, если рассматривать, насколько образование действительно качественное – как мое первое, я бы не сказала, что я слишком довольна. Но нужно развиваться глобально, и в таком случае да, это хорошая возможность. Далее как лингвист отмечу технические возможности. Это, конечно, онлайн-словари: сейчас лезть в большие словари, искать, листать – это неудобно. Еще один интересный момент для лингвиста – очень удобно найти носителя языка в любой точке мира. Если тебе нужно пообщаться или что-то проверить – легко найти собеседников и коллег из других стран. Это второй плюс. Третий момент заключается в том, что, какая бы коммуникация ни была, в современном мире она протекает виртуально, и вот здесь отмечается скорее деградация общения. Конечно, много возможностей – можно встречаться виртуально, учиться виртуально. Но в конце круглого стола я все-таки понимаю: гораздо приятнее общаться вживую. Как говорят переводчики: нам нужно соблюдать eye contact – зрительный контакт при восприятии, но когда ты общаешься только в соцсетях, не включая камеру, и вообще не видишь, есть там кто или нет – это тяжело. Поэтому, наверное, интернет-коммуникация в какой-то степени это и благо, и изъян.

Мария Станиславовна Милованова:

– Спасибо! Теперь можно завершать нашу встречу. Знаете, когда я формулировала проблему нашего круглого стола, я просто обозначила оппозицию,

которая бы организовала дискуссию. А сейчас, наблюдая за наблюдателями, поняла для себя, что это реальность. Я не пессимист, и я не оптимист в этом вопросе, скорее, я реалист. Мы так воспринимаем действительность, но главное – мы ее изучаем. Для нас как лингвистов, наверное, сейчас очень много пищи для размышлений, для наблюдений, для упорядочивания, как сказала Любовь Марковна. И между прочим, отлично, Павел Алексеевич, мне очень понравилось сочетание – интертекстовые связи: они у нас сейчас везде.

Павел Алексеевич Катышев:

– Я бы хотел чуть дополнить. Реальность не упрощается, наоборот, усложняется, потому что мы сталкиваемся с проблемой выбора.

Мария Станиславовна Милованова:

– Да, проблема выбора. Мы говорим, что все быстро меняется, и можно надеяться на лучшее. Но на самом деле тут нужна другая перегруппировка: тот, который воспринимает реальность как инструмент – это один взгляд, и есть тот, кто воспринимает как развлечение. Я за то, чтобы мы с вами стали формировать сообщество единомышленников, воспринимать как инструмент и изучать эти инструменты. Я подумала для себя, что то, что сейчас происходит, та смена времен – это смена сознания. В моем представлении это так. И значит, мы с вами в этом смысле абсолютные оптимисты: мы живем, наблюдаем, изучаем и обобщаем. И ищем единомышленников. Как любой факт, любое событие, мы воспринимаем это с двух сторон. Конфликты, возникающие в чате, выходят за рамки и переходят в жизнь, но точно так же когда мы были с вами в дистанте и заблокированы, то в этой виртуальности возникали другие связи. Сейчас нас объединяют эмоции, связанные с тем, что это перспектива нашего общения. На мой взгляд, все мы можем двигаться дальше и, кажется, с новым представлением о реальной виртуальной действительности. Я очень всех благодарю, мы очень всех благодарим. Потому что мысли о ценности очень связаны с этой проблемой, которую мы обсуждали, потому что проблема ценностей, как сказал Павел Алексеевич, проблема выбора, и Владимир Ильич, который в общем-то теоретически осмыслил проблему ценностей и вчера, и сегодня, конечно же, определял направление нашей мысли. Коллеги, спасибо всем! Коллеги, подключившиеся к нам, очень надеемся, что вам было интересно!

Секция 1.
Аксиологические параметры
актуальной языковой
картины мира

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОГО ПОСЛОВИЧНОГО КОНЦЕПТА «ПРАВДА»

Аннотация. Статья посвящена выявлению и описанию аксиологических признаков пословичного концепта «правда», представленного в русских пословицах данной тематической группы, входящих в русский паремический дискурс о правде. Использован метод семантических ролей с применением роли «квалитатив», который дает возможность описать как универсальное, так и специфическое в пословицах.

Ключевые слова: пословица, пословичный концепт, аксиологические признаки, правда.

Становление национальной языковой личности связано с усвоением когнитивной базы данного лингвокультурного сообщества, которая включает прецедентные феномены и стереотипы. Пословицы и поговорки относятся современными исследователями к прецедентным феноменам (см. работы [7; 5] и др.), в них находят выражение и национальные стереотипы. Рассматривая ценности как стержневые концепты паремий, Л. Б. Савенкова построила классификацию пословиц по этому принципу, и в рейтинге ценностей русской культуры ценность «правда» получила почетное второе место после «семьи» [8]. Важность подобных ориентаций в жизни этноса обусловило их «кодирование» в системе национального языка, которое осуществляется средствами лингвокультурных кодов. В лингвокультурологии культурный код в широком смысле может рассматриваться как «специфический для каждой культуры набор способов социальной практики, свод ценностей и правил игры коллективного существования, выработанная людьми система нормативных и оценочных критериев, сквозь которые народ постигает мир» [6: 3]. Пословицы сами по себе предстают как своеобразные «коды» культуры [9: 219].

В данной статье хотелось бы описать аксиологическую составляющую пословиц, репрезентирующих русский пословичный концепт-стереотип «правда» на фоне других признаков концепта. Пословичный концепт-стереотип можно выявить в пословичных предложениях-высказываниях одной тематики, фиксированных в словарях, построенных по тематическому принципу и отражающих национальные дискурсивные практики обсуждения культурных ценностей в лингвокультурных сообществах в условиях бытового общения. Мы различаем два пословичных концепта. Под пословичным

концептом 1 (ПК1) (национально-культурным, коллективным, лингвокультурным концептом) понимается концепт-стереотип, отражающий культурное представление о ценности, названной данным абстрактным именем. Это целостная ментальная единица, конфигурация культурно значимых признаков, онтологических, аксиологических, модальных, функциональных, выявить которые можно через анализ семантических ролей, выполняемых именем в пословичных текстах, представляющих типовые ситуации (фреймы). Национальную специфику такого концепта составят специфические для данной культуры (качественно или количественно) семантические роли абстрактного имени в типовых ситуациях-фреймах. Пословичный концепт 2 (ПК2) (индивидуальный, конкретно-ситуативный концепт) имеет в большой степени индивидуальную природу, так как использование пословицы является в данном случае результатом оценки ситуации, как референтной, так и коммуникативной, и может послужить средством его коммуникативной стратегии. Такой пословичный концепт больше напоминает реализуемый замысел говорящего (ср. понимание концепта как «зародыша», «источника», «зачатия»), в котором соединяются его коммуникативная стратегия и тактика, обобщенная оценка ситуации, которую говорящий хочет передать или внушить слушающему в определенном контексте общения, и иллокутивная сила высказывания, связанная с намерением говорящего [1: 18]. Вслед за Н. Норриком [10] мы считаем пословичное высказывание косвенным речевым актом.

Расширенный аппарат падежной грамматики, в первую очередь семантический падеж «квалитатив», дающий характеристику объекту через семантику предиката и второго актанта и/или сирконстанта [1; 2], дает возможность описать универсальные и национально специфические свойства сопоставляемых явлений в разных лингвокультурах. Опираясь на данные русских и английских словарей, мы выявили около 600 русских пословиц, репрезентирующих концепт ПРАВДА/TRUTH в русском пословичном фонде и паремическом дискурсе. Применив к ним аппарат семантических падежей, мы выявили онтологические, аксиологические, гносеологические и модальные признаки концептов. Метод семантических ролей помогает обнаружить типовые тематические фреймы, отражающие стереотипные ситуации, представленные во внутренней форме пословиц, осмысление которых связано с системой ценностей данной культуры.

Онтологические признаки концепта «правда» представлены следующими падежными категориями.

Квалитатив вечности, неизменности представляет ситуацию, в центре которой находится явление, существующее вне времени и никогда не меняющее своих свойств. Речь идет о высшем Принципе, Законе существования, который неизменен.

Все минется, одна правда останется. Правда есть, так правда и будет. Правда не стареет.

Квалитатив единственности связан с ситуацией, где представлен объект, который характеризуется своей уникальностью, поскольку отражает единственное реально имевшее место положение дел, реальные факты.

Двух правд не бывает. Правда одна, а на всех ее хватает. Лжи много, а правда одна.

Квалитатив сокровенности отражает такое свойство объекта, которое указывает на его скрытое существование, на необходимость усилий для его обнаружения.

Всяк правду знает, да не всяк ее бает. Правда всегда наружу выйдет. Все тайное становится явным.

Русский пословичный концепт раскрывает диалектичность явления и выявляет в нем и такие противоположные указанным характеристики, которые не отражаются в пословицах других народов, например, в английских, и представляют национальную специфику русского концепта:

Квалитатив изменчивости представляет ситуацию, центральный элемент которой меняет свои качества в разных обстоятельствах.

Была когда-то правда, а ныне стала кривда. И ложь правдою статься может. Чья сила, того и правда.

Квалитатив множественности выявляется в ситуациях, где речь идет о субъективности интерпретации фактов в зависимости от того, кто их сообщает.

И твоя правда, и моя правда, и везде правда – а где она?

Квалитатив открытости, простоты представляет ситуации, отражающие очевидность существования описываемого явления.

Правда не боится света. Правда не речиста. Правду не спрячешь.

Эта падежная категория занимает промежуточное положение между онтологическими и аксиологическими признаками, здесь мы уже наблюдаем приписывание абстрактному явлению чисто человеческих характеристик: прямоты, храбрости, прямолинейности через использование аллегории.

Аксиологические признаки, содержащие оценку исследуемого явления в русской лингвокультуре на фоне присущей ей системы ценностей, представлены следующими падежными категориями.

Квалитатив (высшей) ценности, который представляет ситуацию, в центре которой находится высоко оцениваемый объект, причем в русских пословицах преобладает эмоциональная оценка.

Правда – свет разума. Правда да вера светлее солнца. Правда дороже золота. На правду цены нет.

В русском паремическом дискурсе, в отличие от английского, например, фиксируется падежная категория с противоположным значением: **квалитатив бесполезности, ненужности**, который характеризует объект в рамках отрицательно оцениваемой проблемной ситуации в связи с неуверенностью говорящего в ее положительном разрешении.

Хороша святая правда, да в люди не годится. Правдою богат не будешь.

Среди других аксиологических признаков необходимо выделить **квалитатив силы, могущества**. Фрейм представляет проблемную ситуацию, положительно оцениваемую говорящим в связи с его уверенностью в торжестве справедливости, оптимистичным взглядом на жизнь.

Правда в огне не горит и в воде не тонет. Правда 12 цепей разорвет. Правда, как масло: везде наверх всплывает. Правда силу родит. Правда свое возьмет.

Русские поговорки опять проявляют свою специфику в наличии категории с противоположным значением – **квалитатив слабости, беззащитности, бесполезности**.

Фрейм низкой качественной оценки объекта, которая опять связана с неверием субъекта оценки в возможность положительного решения проблемы.

Правда истомилась, лжи покорилась. Не всякая правда напролом бьет. И правда тонет, когда деньги всплывают. Правдой ни молотить, ни веять.

Третья важная аксиологическая категория – **квалитатив опасности, нежелательности** – является одной из самых представительных в англоязычном пословицном фонде, но она выявляется и в русских пословицах: фрейм объективного описания положения дел, рациональной оценки объекта как реально существующего, влияние которого необходимо учитывать.

За правду-матку ссылают на Камчатку. За правду да на смерть что на солнце: во все глаза не взглянешь. Правда глаза колет.

Квалитатив странности, необычности. Описывается нестандартная ситуация, в которой разрушаются стереотипные представления об объекте, его свойствах и возможностях.

И то бывает, что овца волка съедает.

Квалитатив справедливости выявляется в ситуациях, где говорящий объективно-положительно оценивает обстоятельства (рациональная оценка), фиксирует причинно-следственные связи между явлениями или действиями и указывает слушающему на его ошибки или комментирует промахи третьего лица.

Сам заварил кашу, сам и расхлебывай. За ушко, да на солнышко. Любишь кататься, люби и саночки возить. Не бей Фому за Еремину вину. Чужое добро ребром выпрет.

Квалитатив отсутствия справедливости показывает отношение пессимистически настроенного говорящего, отчаявшегося в решении своих проблем.

Не всяк судит по праву, иной и по криву. Руки согрешат, а спина виновата. Как бедняку жениться, так и ночь коротка. Правда, что у мизгира в тенетах шмель пробьется, а муха увязнет.

Наиболее представительной и значимой для русского языка является группа **модальных признаков**, где «прескриптив нравственного поведения» берет верх над «квалитативом необходимости существования»:

Прескриптив нравственного поведения описывает ситуацию прямого воздействия говорящего на слушающего, где дидактическая функция пословиц реализуется эксплицитно. Это самая большая в количественном отношении русскоязычная категория.

Чего себе не хочешь, того и другим не твори. Неправдою свет пройдеши да назад не воротишься. Хлеб-соль ешь, а правду режь. Не рой под людьми яму, сам ввалишься. Каково аукнешь, таково и откликнется. Люби ездить, люби и саночки возить.

Квалитатив необходимости существования наблюдается в ситуациях с объективной оценкой событий, где говорящий призывает к нравственному поведению, но уже в имплицитной форме.

Без правды века не изживешь. Без правды не житье, а вытье. Красота лучше, а правда нужнее. Кто правдой живет, тот добро наживет. Лучшие горькая правда друга, чем лесть врага.

Национальная специфика русского концепта проявилась и в падежной категории русских пословиц – **квалитатив адаптивного поведения**, которая выявляется в ситуациях, где люди стремятся приспособиться к существующему положению дел, не выступая открыто в защиту своих интересов. В этом фрейме, как ни в каком другом, проявляется социальная принадлежность русского концепта бесправному классу крестьянства.

Не плачь по правде, обживайся с кривдой. Правда свята, а мы люди грешные. Всяк человек ложь, и мы тож. Умная ложь лучше глупой правды. Не обманешь – не продашь.

Национальная специфика пословичных концептов проявилась и на уровне **гносеологических** признаков. В русском языке национально специфическими оказались следующие **источники правды – квалитатив принадлежности высшим силам**: *За правду Бог и добрые люди; Правда свята на небо взята; Правда живет у Бога, а кривда на земле; Правда Божья, а воля царская*, а также доступность через ссору и наказание (*Мошенники повздорили – и правда наружу; Кнут не дьявол, а правду сыщет; Не скажешь подлинную, так скажешь подноготную*), через письмо (*Письмо не товарищ, а правду скажет*), через пение (*Песня – правда, сказка (басня) – ложь*), через ощущение счастья (*Где правда, там и счастье*).

Качественную специфику русского концепта представляет **отрицательный локатив**. Говорящий отрицательно оценивает ситуацию, не верит в социальную справедливость.

Нет правды на свете. Ищи ветра в поле, а правду – на дне морском. Была правда у Петра и Павла. Была правда, да в лес ушла. Была правда, да в разноевску вся вышла.

Наш анализ показал, что в ядре русского пословичного стереотипа онтологические признаки уступают место аксиологическим, преобладает эмоциональная оценка: факты и закон жизни вытесняются стремлением к идеалу, высшей ценности, порядку, основанному на справедливости, честности. Русская правда – это Истина, которая познается через веру, откровение, и Этика, в центре которой стоит человек, живущий в обществе, с его материальными нуждами и потребностями. Доказательством этому служат две падежных категории ядерных аксиологических признаков, так же противопоставленных друг другу, как и все остальные в русском паремическом дискурсе: квалитатив справедливости и квалитатив отсутствия справедливости.

Наш материал подтверждает определение *правды* у В. И. Даля, который считал, что вернее будет понимать под словом «правда» правдивость, справедливость, правосудие, правоту. Например: *Правду молвишь, правду и чини. За правду не судись, скинь шапку да поклонись. Кто за правду стоит, того Бог наградит*. В данных пословичных высказываниях реализуется позиция Куратора-Верующего, если использовать понятийный аппарат, предлагаемый В. И. Карасиком [4]. Нормативная мотивация в данном случае определяется христианскими ценностями, которые учат человека смирению. Но приведенные тексты допускают и другую интерпретацию норм. В классификации В. И. Карасика это утилитарные нормы, или нормы реализма (*следует полагаться на себя*), русский человек не верит, что на земле есть правда (ср.: *На Бога надейся, а сам не плошай; Нет правды на земле*). Правда для русских существует или в прошлом, или в будущем, но не здесь и не сейчас (*И наша правда будет, да нас тогда не будет*). Обращение за правдой к Богу только подтверждает это положение. Проведенное С. Г. Воркачевым исследование показало, что каждый десятый молодой человек в России не верит в возможность торжества справедливости в мире и в своей стране [3: 370].

Анализ аксиологической составляющей русского пословичного концепта «правда» показал национальную специфику ядра концепта, куда входит идея социальной справедливости, которая, видимо, недостижима на нашей грешной земле.

Литература

1. Абакумова О.Б. Использование падежной и референциально-ролевой грамматики в описании семантики пословиц // Актуальные проблемы теории и методологии науки о языке. – СПб: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2008. – С. 148–153.
2. Абакумова О.Б. Пословичные концепты в паремическом дискурсе: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Орел, 2013. – 46 с.
3. Воркачев С.Г. «Молодое сердце всегда ближе к правде»: идея справедливости в русском языковом сознании // Дискурс, текст, когниция: коллек-

42 | тивная монография / отв. ред. М.Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСПА, 2010б. – С. 360–376.

4. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М.: Гнозис, 2004. – 475 с.

5. Ковшова М.Л., Гудков Д.Б. Словарь лингвокультурологических терминов. – М.: Гнозис, 2017. – 192 с.

6. Маслова В.А., Пименова М.В. Коды лингвокультуры. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 180 с.

7. Павликова С.К. Русские и английские прецедентные высказывания (сравнительный анализ): дис. ... канд. филол. наук. – М.: ИЯ РАН, 2005. – 172 с.

8. Савенкова Л.Б. Русская паремиология: семантический и лингвокультурологический аспекты. – Ростов-на-Дону: РостГУ, 2002. – 239 с.

9. Телия В.Н. Русская фразеология. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

10. Norrick N. Proverbial Perlocutions: How to Do Things with Proverbs // Wise Words: Essays on the Proverb. – New York: Garland Publishing, 1994. – P. 143–157.

Abstract. The paper is devoted to identifying and describing the axiological features of the proverbial concept *Pravda*, presented in Russian proverbs of this thematic group. The method of semantic roles was applied with the use of the role of “qualitative”, which makes it possible to describe both the universal and the specific in proverbs.

Keywords: proverb, proverbial concept, axiological features, Truth.

ОЦЕНКА, ЦЕННОСТЬ И АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ДВОЙСТВЕННОСТЬ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ СМЫСЛОВ

Аннотация. Описываются оценочные свойства аксиологически отмеченных вербализованных культурных смыслов (счастье, любовь, родина, тщеславие, мздоимство). Устанавливается, что метаоценка – это оценка оценки, где особый интерес представляет несовпадение аксиологического знака оценки и метаоценки, когда общепризнанная ценность/антиценность в глазах субъекта метаоценки получает противоположную оценку.

Ключевые слова: аксиология, оценка, метаоценка, ценность, лингвокультурный смысл, счастье, любовь, родина, тщеславие, мздоимство.

В философской традиции под оценкой понимается способ установления значимости оцениваемого предмета для субъекта оценивания (см.: [16: 502]), а под ценностью, соответственно, – результат такого установления: значение предмета или явления в аспекте добра и зла, истины и лжи, красоты и уродства, пользы и вреда и пр. (см.: [20: 765]). По большому счету значение семантически эквивалентно смыслу (см.: [18: 618]) как отражению отношения какого-либо действия к его мотиву при осознании цели этого действия (см.: [15: 115–118, 154]), и совсем не случайно, например, «смысл жизни» в английском языке выглядит как *meaning of life*, а во французском – *raison d'être*, в русском же языке до появления «Дневников» Л. Н. Толстого в середине XIX века здесь употреблялись словосочетания «цель жизни» и «цель бытия». Любое действие человека как-то мотивировано, имеет свою причину – обусловлено какой-то потребностью, и в понимание ценности, очевидно, должно входить представление о способности предмета удовлетворять либо препятствовать (антиценность) удовлетворению какой-либо потребности субъекта.

Аксиология (от греч. *axia* – ценность и *logos* – учение, слово) как отдельная философская дисциплина, предметом которой выступают «смыслообразующие основания человеческого бытия, задающие направленность и мотивированность человеческой жизни» [1: 15], – ценности, получила свое сегодняшнее имя в начале XX века в работах сторонника аксиологической концепции культуры французского философа Поля Лапи (Paul Lapie), вытеснив термин «тимология» (от греч. *τιμή* – цена). В то же самое время с точки зрения позитивистов-представителей школы аналитической философии аксиология

44 философской дисциплиной не является, поскольку не имеет своего автономного предмета: проблемы, которыми она занимается, имеют вненаучный характер и представляют собой форму мировосприятия, реального референта ни в субъекте, ни в объекте оценки не существует и ценности не поддаются научному анализу (см.: [1: 15]). По мнению позитивистов, в действительности существует лишь сам факт вынесения ценностного суждения, и изучаться он должен психологией и лингвистикой в рамках метааксиологии, поскольку оценочные суждения лишь выражают определенные эмоции (см.: [2: 67]).

Позитивистская концепция метааксиологии в лингвистической интерпретации структуру оценки по существу удваивает: в ней появляется еще один субъект – наблюдатель, который выносит оценочное суждение относительно первого субъекта, что позволяет рассматривать метааксиологию как оценку оценки. В структуре метааксиологической оценки оценочное суждение первого уровня выступает основанием для вынесения оценки второго уровня – уже относительно в том числе и личностных свойств субъекта первого оценочного суждения: «Х считает нечто хорошим/плохим, и это его самого характеризует положительно или отрицательно».

Аксиологический знак метаоценочного суждения зависит от мировоззренческих установок наблюдателя, от его жизненной позиции, что сопоставимо с «субъектным оценочным позиционированием» (см.: [12: 16–25]), реализуемым преимущественно в области вербализованных культурных смыслов – лингвокультурных концептов, имеющих изначально в языковом сознании общепризнанный статус ценности: счастье, любовь, патриотизм, родина, народ, справедливость и пр. Эксплицитная формула метааксиологической оценки в суждениях о ценности в обыденной речи присутствует, конечно, имплицитно и может быть выявлена лишь в результате достаточно сложного анализа семантики и контекстов употребления имени соответствующего лингвокультурного смысла. К тому же признаковое наполнение лингвоконцептов со временем эволюционирует вместе с эволюцией культуры – меняет свое семантическое содержание, включая оценку. Совпадение аксиологического знака оценки и метаоценки, когда общезначимая ценность/антиценность в качестве именно такой и признается, – явление в достаточной мере тривиальное и особого внимания, очевидно, не заслуживает. Гораздо интереснее, как представляется, несовпадение аксиологического знака оценки и метаоценки, когда общепризнанная ценность/антиценность в глазах субъекта метаоценки получает противоположную оценку.

Рассмотрим несовпадение оценки и метаоценки на примере таких значимых для русского языкового сознания культурных смыслов, как *счастье, любовь, родина, тщеславие и мздоимство*.

Если психологически в самом общем виде счастье – это обоснованное удовлетворение жизнью в целом (см.: [19: 42; 3: 42]), а особенностью «рус-

ского счастья» является острое переживание последнего в самые сложные и трудные, «стрессовые» моменты жизни, то в зависимости от фелицитарной концепции (см.: [4: 62–77]), которую разделяет субъект метаоценки, «мещанское счастье», оно же эпикурейское, как отсутствие несчастья в глазах романтика и пассионария превращается в свою противоположность («Потоки солнца плещут, на полу, / И по дивану слоники гуляют, / Размеренное обещаю счастье. / Мне в жизни ненавистно это счастье» – В. Луговской; «За мною / Огромный опыт бедственного счастья, / Разлук, тревог. Покоя нет на свете» – В. Луговской). Здесь достаточно вспомнить героя пьесы А. Островского актера-трагика Геннадия Несчастливцева, которому в отсутствии неприятностей «удавиться хочется». Однако «новое русское счастье», похоже, мало-помалу утрачивает свою «пассионарность» и сводится к вечернему «консумерическому» походу с женой в супермаркет.

Казалось бы, безусловная положительная ценность, «совокупность совершенств» (Кол. 3: 14) – *любовь* в ходе «культурной эволюции» может получить отрицательную метаоценку: романтическое чувство, которому совсем недавно поклонялись и которое обожествлялось, рассматривается как «психопатологическое расстройство» [Пушкарев], нейробиологические механизмы которого подобны механизмам наркотической зависимости (см.: Короленко), а феминистки считают, что романтическая любовь способствует мужскому насилию в отношениях полов. Это высокое и интимное чувство мало-помалу физиологизируется и превращается в любовь одноразовую – «конфлуэнтную» [10: 83]. Кстати, «патологическая метафора» – уподобление эротической любви болезни и страданию (см.: [5: 97–98, 277]) явление достаточно распространенное в любовной лирике («Но узнаю по всем приметам / Болезнь любви в душе моей» – А. Пушкин; «Ах, я возненавидела любовь – / Болезнь, которой все у нас подвластно» – Н. Гумилев; «Я не знал, что любовь – зараза, / Я не знал, что любовь – чума» – С. Есенин) и в афористике («Любовь – как прилипчивая болезнь: чем больше ее боишься, тем скорее подхватишь» – Н. Шамфор; «Любовь подобна кори: чем позже она приходит, тем опаснее» – Х. Джебран; «Что такое любовь? Это – зубная боль в сердце» – Г. Гейне).

Патриотизм – это еще одна культурно значимая разновидность любви, любви к своей стране, и любовь эта в общественном сознании преимущественно рассматривается как положительная ценность, хотя нередко и получает отрицательную метаоценку: «Любовь к родине разделяет народы, питает национальную ненависть и подчас одевает землю в траур» (П. Чаадаев); «Самые же ужасные злодеяния – шпионства, поборы с народа и ужасные смертоубийства, войны – совершаются людьми ради патриотизма, и совершающие их гордятся этими злодеяниями» (Л. Н. Толстой); «Никогда не будет

в мире покоя, пока вы не выколотите патриотизм из человеческого рода» (Б. Шоу); «Патриотизм – последнее прибежище негодяя» (С. Джонсон).

Базовый концепт идеи патриотизма – *родина* как предел расширения «личной сферы» человека, «духовное сокровище» [11: 274] уже включает в себя любовь: «иметь родину значит любить ее» [11: 272]. Слово «родина», чуть ли не табуировавшееся в русской языковой культуре последние четверть века, сегодня уже «реабилитировано». Однако за это время у него появился метаоценочный прагмоантоним «эта страна», в семантику которой «встроена» уже нелюбовь к родине – это «своя страна, которую мы не любим» (см.: [6]).

Тщеславие как недостойное стремление к известности, казалось бы, изначально предстает в языковом сознании как антиценность – античность знает антигероя-тщеславца Герострата, уничтожившего ради славы храм Артемиды, в восточном христианстве тщеславие было включено в перечень «смертных грехов» (см.: [14]). Однако сегодня с появлением Интернета, бесконечно расширившего возможности саморекламы и популяризации действительных и мнимых достижений, тщеславие практически утратило свою «ауру» антиценности и получает преимущественно положительную метаоценку. Более того, в лексической системе русского языка возникли его частичные синонимы «гламур» и «пафос», которые большинством их «пользователей» оцениваются положительно (см.: [7]) и в которых, как и в тщеславии, отражено чрезмерное стремление показать свою значимость и как-то выделиться из ряда.

Мздоимство, оно же взяточничество, несмотря на легализацию в некоторых культурах, где оно было узаконено (бакшиш в Османской империи, «кормление» в Московском государстве XVI–XVII веков), в моральном плане, безусловно, антиценность – это попираание основ справедливости (см.: [8: 225]). И неслучайно, наверное, в русском языке слово «взятка» в речевом общении всячески эвфемизируется: вместо него говорят *благодарность, безгрешный доход, занос, куш, подарок, спонсорская помощь*. В современном российском юридическом сознании и юридическом дискурсе должностной подкуп – категория «бинарная»: он «разнесен» по двум статьям уголовного кодекса: получение взятки (ст. 290 УК) и дача взятки (ст. 291 УК). Если в уголовном законодательстве и дача взятки, и ее получение – одинаково преступные деяния, то в обыденном сознании они разделяются по оценочному признаку: бескомпромиссно осуждается получение взятки – взяткобрателей в российском анекдоте предлагается пытать на дыбе, резать бензопилой и расстреливать (см.: [9: 122]), в то время как дача взятки рассматривается как повсеместное и вынужденное деяние – инструмент выживания в забюрократизированной среде обитания: достаточно вспомнить русские пословицы о мздоимстве: *не подмажешь – не поедешь; без поджоги и дрова не горят; пчелка и та взятку берет; сухая ложка рот дерет* и пр. Дача взятки в большинстве случаев

не то что не осуждается, а иногда и одобряется как общественно полезное деяние – здесь можно вспомнить «памятник Апельсину» – памятник взятке «померанцами», которую одесские коммерсанты отправили русскому царю для получения средств на развитие города.

Итак, метааксиология – это оценка оценки: выносимая субъектом-наблюдателем, дающим собственную оценку какой-либо общезначимой ценности. Аксиологический знак метаоценочного суждения определяется мировоззренческой установкой его субъекта и реализуется преимущественно в области вербализованных культурных смыслов, имеющих изначально в языковом сознании общепризнанный статус ценности. Особый интерес представляет несовпадение аксиологического знака оценки и метаоценки, когда общепризнанная ценность/антиценность в глазах субъекта метаоценки получает противоположную оценку.

Несовпадение оценки и метаоценки на примере таких значимых для русского языкового сознания культурных смыслов, как *счастье, любовь, родина, тщеславие и мздоимство*, показывает, что эпикурейское счастье как отсутствие несчастья в глазах романтика и пассионария превращается в свою противоположность, романтическая любовь рассматривается как психопатологическое расстройство, родина получает прагмоантоним «эта страна» – своя страна, которую мы не любим, тщеславие получает частичные синонимы «гламур» и «пафос», которые большинством их «пользователей» оцениваются положительно, а мздоимство в обыденном сознании «расщепляется» по оценочному признаку: бескомпромиссно осуждается только получение взятки, в то время как к даче взятки отношение в достаточной мере снисходительное.

Литература

1. Аксиология // Новейший философский словарь. – Мн.: В. М. Скакун, 1998. – С. 15–17.
2. Аксиология // Новая философская энциклопедия: в 4 т. – М.: Мысль, 2010. – С. 62–67.
3. Аргайл М. Психология счастья. – М.: Прогресс, 1990. – 336 с.
4. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 236 с.
5. Воркачев С.Г. Любовь как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2007. – 284 с.
6. Воркачев С.Г. «Эта страна» // Страна своя и чужая. – М.: Инфра-М, 2013. – С. 124–129.
7. Воркачев С.Г. Лики тщеславия: гламур и пафос // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – № 1 (29). – Владикавказ, 2018. – С. 34–41.

8. Воркачев С.Г. Какою мерою мерите: идея воздаяния в лингвокультуре. – М.: Флинта, 2020. – 372 с.
9. Воркачев С.Г. Грязные руки: мздоимство в русскоязычном анекдоте // Жанры речи. 2021. – № 2 (30). – С. 118–125.
10. Гидденс Э. Трансформация интимности: Сексуальность, любовь и эротизм в современных обществах. – СПб.: Питер, 2004. – 208 с.
11. Ильин И.А. Почему мы верим в Россию. – М.: Эксмо, 2007. – 912 с.
12. Карасик В.И. Языковая матрица культуры. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.
13. Короленко Ц.П. Романтическая любовь и сексуальная аддикция [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lyubi.ru/psy107.php> (дата обращения: 10.03.2022).
14. Кротов Я.Г. История классификации греха [Электронный ресурс]. – URL: http://www.krotov.info/yakov/5_hist/00/greh_klass_1237.htm (дата обращения: 10.03.2022).
15. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Academia: Смысл, 2005. – 352 с.
16. Оценка // Новейший философский словарь. – Мн.: В. М. Скакун, 1998. – С. 502–503.
17. Пушкирев Е.П. «Романтическая любовь»: аспекты, анализ и последствия [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.lyubi.ru/psy23.php> (дата обращения: 11.05.2021).
18. Смысл // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 618.
19. Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. – М.: Прогресс, 1981. – 365 с.
20. Ценность // Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – С. 765.

Abstract. The evaluative properties of axiologically marked verbalized cultural meanings (happiness, love, homeland, vanity, bribery) are described. It is established that the meta-evaluation is an evaluation of the evaluation, where the discrepancy between the axiological sign of the evaluation and the meta-evaluation is of particular interest, when the generally recognized value/anti-value in the eyes of the subject of the meta-evaluation receives the opposite evaluation.

Keywords: axiology, evaluation, meta-evaluation, value, linguistic and cultural meaning, happiness, love, homeland, vanity, bribery.

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЕ СЮЖЕТЫ КАК ОБЪЕКТ АКСИОЛОГИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Аннотация. В работе рассматриваются лингвокультурные сюжеты как одно из направлений развития аксиологической лингвистики. Отмечается, что подобные сюжеты могут описываться в структурном, жанровом и аксиологическом планах, а также подчеркивается, что аксиологическая интерпретация лингвокультурных сюжетов предполагает оценку последствий поступков персонажей в рамках четырех типов ценностей – витальных, утилитарных, моральных и терминальных.

Ключевые слова: аксиологическая лингвистика, оценка, ценности, лингвокультурные сюжеты.

Лингвокультурология как направление антропологической лингвистики изучает многомерные связи языка и культуры. Ценности – высшие ориентиры поведения, определяющие смысл бытия, являются концентрированным выражением культуры и находят множественное и вариативное выражение в языке. Специализированное межпредметное изучение ценностей является объектом аксиологии, отрасли философского знания. Лингвистический аспект такого подхода к осмыслению реальности образует проблемное поле лингвоаксиологии, или аксиологической лингвистики. Аксиологическая лингвистика и лингвокультурология (культуроведческая лингвистика) смыкаются в пересечении своих исследовательских объектов, образуя эквивалентное соотношение. При этом мы понимаем, что объектом изучения лингвокультурологии являются не только ценностные, но и понятийные и образные характеристики действительности, с одной стороны, а аксиологическая лингвистика детально характеризует типы ценностей и коммуникативные способы их выражения, с другой стороны.

Коммуникативные способы выражения ценностей весьма разнообразны. Важно отметить, что с позиций аксиологической лингвистики все коммуникативные ситуации могут быть разбиты на ценностно маркированные (аксиогенные) и ценностно нейтральные. Соответственно, первые включают языковые единицы, в содержании которых наличествует специализированное, связанное или контекстуально наведенное оценочное содержание, включающее обозначение объекта и субъекта оценки, оценочный знак, идеал или образец и оценочную мотивировку [9; 12].

50 | В содержании вторых такая информация не актуальна. Значимость аксиогенных ситуаций зафиксирована в специально созданных жанрах речи, основным содержанием которых является продвижение и закрепление ценностей в их различных видах – это легенды и мифы, сказки, притчи, пословицы, анекдоты, девизы, лозунги, слоганы, а также различные типы обиходных и художественных нарративов.

Отметим, что важной характеристикой общения и, соответственно, его моделирования, является его многомерность, поскольку многомерна и многопричинна действительность. Осмысление такой многомерности в описании языкового преобразования реальности может быть представлено как партитурность, взаимодополнительное распределение функций, которое М. М. Бахтин точно обозначил как многоголосие. Применительно к концептам как квантам переживаемого знания можно выделить взаимодополнительное оценочное осмысление любого объекта с разных позиций, например, мы понимаем, что у камня могут быть выделены физические, функциональные и магические свойства [15]. Каждое из этих свойств получает специфическое оценочное осмысление – эстетическое, утилитарное или символическое. С иных позиций мы истолковываем реальность, выделяя различные аспекты восприятия и понимания действительности – узнавание, осознание и возможность применения или использования того или иного объекта (семантизирующее, когнитивное и распрямляющее понимание) [3].

Моделирование объектов аксиологической лингвистики неразрывно связано с выделением различных единиц лингвокультурологии. В рамках лингвокультурологии можно противопоставить концепты, скрипты, типажи и сюжеты. Концепты обычно понимаются как ментальные образования, в составе которых выделяется понятийное, образное и ценностное содержание, т. е. признаки, релевантные для узнавания и объяснения соответствующих фрагментов бытия, перцептивные и метафорические характеристики этих объектов и заложенные в содержании этих квантов переживаемого знания нормы мировосприятия и поведения [10; 16; 17; 22; 23; 21]. Скрипты (или сценарии, речеповеденческие тактики, бихевиоремы) – это динамические ментальные образования, имеющие стереотипную природу и отражающие принятые в том или ином сообществе последовательности действий и поступков [6; 7; 14; 19]. Типажи понимаются как обобщенные узнаваемые модельные личности, в поведении которых выражены ценности, нормы и традиции определенного сообщества [11; 2; 5; 13; 25]. Лингвокультурные сюжеты – это нарративные авторские изложения событий в виде последовательности сюжетных мотивов, раскрывающие идейное содержание текста и представляющие собой намеренно преобразованные фабулы [8; 20].

В филологии неоднократно предпринимались попытки систематизировать сюжеты, как сказочные, так и общелитературные [26; 27; 1; 18; 28; 4].

Описание лингвокультурных сюжетов может быть реализовано в разных аспектах.

В структурном плане сюжеты представляют собой схематичную последовательность мотивов и в этом отношении они сопоставимы с любыми линейными алгоритмами. Например, трагедия У. Шекспира «Гамлет» включает следующие нарративные элементы: принц Гамлет узнает, что его отец, король Дании, отравлен своим братом; Гамлет проверяет свои подозрения, пригласив странствующих актеров разыграть такой сюжет; Гамлет случайно убивает спрятавшегося за шторой придворного Полония, полагая, что там скрывается его дядя, убийца его отца; дочь этого придворного, Офелия, которая любит принца, кончает жизнь самоубийством; Гамлета объявляют сумасшедшим; брат Офелии, Лаэрт, возвращается в королевство, чтобы отомстить принцу за смерть отца и сестры и убить его на дуэли; король дает Лаэрту отравленный клинок и подсыпает яд в кубок с вином, чтобы отравить Гамлета; в поединке Гамлет и Лаэрт меняются клинками и смертельно ранят друг друга, а королева пьет отравленное вино, предназначенное ее сыну; Гамлет убивает короля и умирает; в Данию приходит норвежский властитель Фортинбрас. Таково фактуально-денотативное содержание трагедии.

В жанровом плане сюжеты распадаются на трагические, комические, драматические, мелодраматические, фарсовые и другие текстотипы, основой которых являются интенциональные установки их авторов вызвать у публики эмоциональное потрясение через катарсис, либо развеселить зрителей или читателей, либо заинтриговать их и доставить им удовольствие, либо вызвать у них определенную реакцию на те или иные художественно представленные актуальные события. Трагедия «Гамлет» в этом отношении раскрывает тему мести, одну из самых эмоционально маркированных сюжетных тем. В определенной мере жанровая специфика сюжета соответствует неким базовым тональностям повествований и сводится к ограниченному списку модусов мировосприятия.

В аксиологическом плане сюжеты представляют собой развернутую иллюстрацию предписаний и запретов, нарушения которых приводят к необратимым последствиям в судьбе героев. Принц Гамлет делает мучительный выбор и осуществляет свою месть, жертвуя любовью и сталкиваясь с вероломством своих друзей. Мститель, как показано в этой трагедии, может совершать фатальные ошибки и случайно уничтожать невинных персонажей. Осуществление возмездия может привести к гибели самого мстителя. Здесь можно увидеть прямую аллюзию к известной латинской формуле *Fiat justitia, et pereat mundus* (Да свершится справедливость, даже если мир погибнет). Обсуждение этого тезиса стало полем дебатов у философов, юристов и богословов. С позиций абсолютной этики соблюдение императивных требований справедливости важнее жизни. С позиций обиходного бытия

высшей ценностью является жизнь, и поскольку идеальное положение дел принципиально недостижимо, следует градуировать степени отклонения от идеала. Сторонники первого подхода критикуют своих противников как беспринципных оппортунистов, сторонники второго подхода считают своих оппонентов фанатиками. Движущей силой поступков мстителя является восстановление справедливости и наказание обидчика. При этом один и тот же сюжет может приобретать иное развитие, например, в романе А. Дюма «Граф Монте-Кристо» его главный герой, получив несметные богатства, посвящает свою жизнь наказанию тех, по чьей вине он был на много лет несправедливо заточен в крепость, и вознаграждению тех, кто сыграл благородную роль в его судьбе. Мститель превращается в орудие судьбы для тех, кого он наказывает и вознаграждает.

Аксиологически интерпретируемые сюжеты представляют собой художественно представленные закономерности последствий, вытекающих из поступков персонажей. Такие закономерности носят как общечеловеческий характер, так и отражают систему ценностей, присущих определенному сообществу в определенную эпоху. Аксиологический аспект осмысления сюжетов может быть схематически представлен как оценка последствий поступков героев в рамках четырехступенчатой шкалы ценностей, противопоставляемых по их содержанию – витальные базовые приоритеты (жизнь, здоровье, любовь, безопасность и др.), утилитарные предпочтения (польза и вред от того или иного поступка), моральные предписания и запреты (императивы должного поведения), терминальные ориентиры бытия (наличие смысла жизни, идентичность как принадлежность к сообществу своих, признание высшей силы, определяющей порядок вещей).

Приведу один из рассказов барона Мюнхгаузена:

Зимой скакать на коне неудобно, гораздо лучше путешествовать в саних. Я купил себе очень хорошие сани и быстро понесся по мягкому снегу. К вечеру въехал я в лес. Я начал уже дремать, как вдруг услышал тревожное ржание лошади. Оглянулся и при свете луны увидел страшного волка, который, разинув зубастую пасть бежал за моими саними.

Надежды на спасение не было. Я лег на дно саней и от страха закрыл глаза. Лошадь моя неслась как безумная. Щелканье волчьих зубов раздавалось у меня над самым ухом. Но, к счастью, волк не обратил на меня никакого внимания. Он перескочил через сани – прямо у меня над головой – и набросился на мою бедную лошадь. В одну минуту задняя часть моей лошади исчезла в его прожорливой пасти. Передняя часть от ужаса и боли продолжала скакать вперед. Волк въедался в мою лошадь все глубже и глубже.

Когда я пришел в себя, я схватил кнут и, не теряя ни минуты, стал хлестать ненасытного зверя. Он завыл и рванулся вперед. Передняя часть лошади, еще не съеденная волком, выпала из упряжки в снег, и волк оказался

на ее месте – в оглоблях и в конской сбруе! Вырваться из этой сбруи он не мог: он был запряжен, как лошадь. Я продолжал стегать его что было силы. Он мчался вперед и вперед, таща за собой мои сани.

Мы неслись так быстро, что уже через два-три часа въехали галопом в Петербург. Изумленные петербургские жители толпами выбегали смотреть на героя, который вместо лошади запряг в свои сани свирепого волка. В Петербурге мне жилось хорошо (Распе Р.Э. Приключения барона Мюнхгаузена. М.: Самовар, 2009).

Структурный аспект этого сюжета включает следующие мотивы: герой едет в лесу по заснеженной России на санях, неожиданно его преследует волк, этот зверь прыгает на лошадь и вгрызается в нее, герой хватает кнут и начинает хлестать зверя, волк оказался в конской сбруе, из которой нельзя вырваться, и помчался вперед, таща за собой сани. Герой въехал в Петербург, и местные жители с удивлением смотрели на него. Жанровая специфика повествования определяется авторской установкой развлечь читателя, перед нами сказка, которую рассказывает враль, чтобы позабавить слушателей. Аксиологическое осмысление этого сюжета и составляющих его мотивов может быть представлено следующим образом. Россия – волшебная загадочная страна, в которой происходят чудеса. В этой стране водятся страшные волки, которые могут напасть на путников, при этом их размер соотносим с размером лошади (иначе бы волк не оказался в конской сбруе). Герой преодолевает страх и проявляет волю и находчивость, управляя волком, как запряженной лошадью. Свидетели с удивлением и восторгом смотрят на героя. Восприятие России как удивительной огромной загадочной страны отражает базовую установку немецкой картины мира, сказочная гиперболизация обстоятельств подчеркивает эту картину. Поведение героя подчиняется важнейшим витальным и утилитарным предписаниям: нельзя терять самообладания, нужно проявлять мужество и находчивость. Эти предписания соотносятся с нормами, выраженными в немецкой паремииологии: *Geld verloren, nichts verloren! Mut verloren, viel verloren! Ehre verloren, alles verloren!* (Деньги потерять – ничего не потерять! Мужество потерять – много потерять! Честь потерять – все потерять!). Герой сохраняет и мужество, и самоуважение. В итоге герой получает признание от свидетелей, из чего можно сделать вывод, что такое признание было важным мотивом его поведения. Рассказчик в данном случае совпадает с протагонистом и предполагает, что его слушатели с удивлением и восхищением воспримут это повествование. Но автор с мягкой иронией относится к своему герою. Таким образом, аксиологическое содержание этой истории может быть представлено как система ценностей витального и утилитарного порядка, свойственных немецкой лингвокультуре XVIII века (даты жизни Э.Р. Распе – 1736–1794).

Заслуживает внимания радикальное переосмысление сюжета о жизни барона Мюнхгаузена в пьесе Григория Горина «Тот самый Мюнхгаузен». Этот сюжет привлекал внимание исследователей [24].

В структурном плане в этой пьесе, состоящей из двух частей и восьми картин, выделяются следующие основные сюжетные мотивы. В дом к барону Мюнхгаузену приезжает пастор, которого пригласили для того, чтобы он обвенчал барона и его любимую женщину Марту. Но выясняется, что барон еще не разведен официально со своей женой Якобиной. По повелению герцога проводится судебное заседание, на котором совершается официальный развод барона и его жены. В последний момент выясняется, что на заявлении о разводе барон поставил дату 32 мая. Суд признает процедуру недействительной. Барон утверждает, что хотел сделать подарок родному городу, увеличив май на один день, поскольку на самом деле земля совершает за год не 365 оборотов вокруг солнца, а еще несколько часов и секунд, и накопившись за столетия, эти секунды составили целый день. Это открытие никого не делает счастливым. Марта решает уйти от барона. Тогда он соглашается отказаться от своих подвигов и стать обычным человеком. Он запирается в кабинете, слышен выстрел. Через три года Мюнхгаузен вновь появляется в своем доме, он прожил эти годы под именем садовника Миллера. Он возвращается, поскольку Марта не выдерживает спокойной бюргерской жизни и уходит от него. Тем временем в городе образ Мюнхгаузена становится культовым, его дом стал музеем, ему собираются поставить памятник, о нем рассказывают, его рассказы о приключениях дополнены и расширены. Друзья и знакомые барона пытаются отговорить его от официального возвращения. Проводится суд, на котором все отказываются признать в садовнике Миллере Мюнхгаузена. В качестве доказательства суд требует повторения одного из его подвигов – полета на луну на пушечном ядре. Барон соглашается. Но обвинители решают превратить это испытание в балаган и кладут в пушку сырой порох. В последний момент барон узнает, что в пушке заменили порох, и уходит ввысь по лунной дорожке со своей Мартой.

В жанровом плане пьеса представляет собой грустную притчу, в которой показано, что обыватели не способны верить в чудеса, презируют и травят романтиков и мечтателей, но если мечта становится официальной легендой – они воспринимают ее как необходимый ритуал. В основе этого авторского прочтения похождения Мюнхгаузена лежит парадоксальное утверждение о том, что он на самом деле говорит правду, но эта правда выше обыденной реальности. Мюнхгаузен каждый день планирует совершать подвиги и совершает их, он объявляет войну Англии, требуя признания независимости Североамериканских колоний, в его библиотеке хранятся книги с дарственными надписями от древних авторов, он встречался с Сократом и Шекспиром во время своих путешествий. Весьма трагично

звучат слова главного героя, когда он понимает, что вынужден отречься от всего, что ему дорого:

Мюнхгаузен. Нет-нет... Без тебя мне будет хуже, чем без себя... Я все напишу, господин бургомистр!.. Как вы говорите: «Я, барон Мюнхгаузен, обыкновенный человек...» Звучит как начало романа... Ничего страшного.

Бургомистр. Ну конечно, дорогой мой... Что тут особенного? И Галилей отрекался!

Мюнхгаузен. Поэтому я больше люблю Бруно... Но не стоит сравнивать, там все было значительней и страшнее... Я хорошо помню это пламя... Здесь все проще... «Я, барон Мюнхгаузен, обыкновенный человек, я не летал на Луну...» Ах, какая она красивая, бургомистр, если б вы только видели... Белые горы и красные камни на заходе солнца... Я не летал на нее!.. И на ядре не скакал в том страшном бою с турками, когда погибла половина моего полка, а они погнали нас в это чертово болото, но мы выстояли и ударили им с фланга, но тут мой конь оступился, начал вязнуть, и, когда зеленая мерзкая жижа уже полилась в рот, тогда я, задыхаясь, схватил себя за волосы и рванул... И мы взлетели над осокой! Я бы вам и сейчас это показал, господин бургомистр, но уже рука слаба, да и тянуть не за что...

(Снимает парик.)

Я все напишу, господа! Раз тридцать второе мая никому не нужно, пусть будет так... В такой день трудно жить, но легко умирать... Через пять минут барона Мюнхгаузена не станет. Можете почтить его память вставанием!..

Отрекаясь, Мюнхгаузен вспоминает о главных событиях своей жизни. После этого барон для всех умирает и превращается в обычного преуспевающего бюргера. Он меняет свою яркую фамилию на одну из распространенных фамилий в Германии. Через три года после его ухода ему ставят памятник, и один из его яростных противников, адвокат Рамкопф, произносит высокопарную речь:

Три года прошло с того дня, как перестало биться сердце барона Мюнхгаузена, и все три года этот прославленный герой живет в сердцах своих благодарных соотечественников. Пусть же этот памятник, который мы устанавливаем в его честь, станет не только символом беззаветной любви города к своему великому сыну... Пусть он будет источником отваги, смелости и родником живительного оптимизма, который никогда не перестанет струиться в душе каждого истинного германца!

Этот адвокат и бывшая жена барона Якобина делают бизнес на имени ушедшего мечтателя и фантазера. Текст исполнен лживой патетики.

Воскреснув, Мюнхгаузен встречается со своими знакомыми. Он упрекает их в том, что они извратили его повествования:

Мюнхгаузен. Однако в этой книге приключений вдвое больше, чем я совершил на самом деле. Когда меня режут – я терплю, но когда дополняют – становится нестерпимо! Какая-то дурацкая экспедиция на Борнео, затем чудовищная война в Австралии...

Рамкофф. Да поймите наконец, что вы уже себе не принадлежите. Вы – миф, легенда! И народная молва приписывает вам новые подвиги.

Мюнхгаузен. Народная молва не додумается до такого идиотизма.

В иронической притче драматург вскользь касается мифотворчества.

В заключительной картине показано заседание суда. Выступает Рамкофф:

Популярность покойного барона Мюнхгаузена столь велика, что, естественно, появилось немало мошенников, стремящихся погреться в лучах его славы. Один из них сидит передо мной на скамье подсудимых. Воспользовавшись своим внешним сходством с покойным бароном, овладев его походкой, голосом и даже отпечатками пальцев, подсудимый коварно надеется, что будет признан тем, кем не является на самом деле. Уже вчера мною приводились неопровержимые факты, отвергающие эти притязания: справка о смерти барона, выписка из церковной книги, квитанция на гроб!

Эти аргументы абсурдны. Тем самым подчеркивается абсурдность суда.

Якобина Мюнхгаузен произносит на суде предельно циничную фразу:

Правды вообще не бывает. Правда – это то, что в данный момент считается правдой...

Заслуживает внимания финальная фраза главного героя:

Я понял, в чем ваша беда. Вы слишком серьезны. Серьезное лицо – еще не признак ума, господа. Все глупости на Земле делаются именно с этим выражением. Вы улыбайтесь, господа, улыбайтесь!

Притча приобретает дополнительный смысл.

Аксиологические характеристики этого сюжета сводятся к следующим моментам. Следует знать, что мечты делают жизнь осмысленной. Следует знать, что мечтателям и фантазерам приходится нелегко – обыватели им завидуют и смеются над ними. Сохранить верность мечте не всегда удастся. Таковы терминальные ценности, выраженные в этом тексте, который представляет собой интертекстуальный развернутый комментарий к известному повествованию о Мюнхгаузене. Пьеса выходит за рамки этнокультурного повествования и раскрывает общечеловеческие приоритеты мировосприятия. Вместе с тем можно найти некоторые косвенные индикаторы немецкого мировосприятия в репликах героев. Восторженная мечтательность главного героя в определенной мере соответствует стереотипам немецкой ценностной картины мира. Этой мечтательности противопоставляется патетичность прагматиков. По поводу мечтательности можно вспомнить известное четверостишие Г. Гейне:

Французам и русским досталась земля, британец владеет морем. А мы – волиебным царством мечты, там наш престиж бесспорен (пер. В. Левика).

По пьесе Г. Горина был снят фильм, в котором участвовали замечательные советские актеры, в главной роли прекрасно раскрыл образ своего героя Олег Янковский. Сценарий был немного расширен, в нем появился герцог, которого блистательно сыграл Леонид Броневой.

Подведем основные итоги.

Моделирование лингвокультурных сюжетов является одним из возможных направлений развития аксиологической лингвистики. В рамках такого описания можно выделить взаимосвязанные подходы к описанию таких сюжетов – структурный, жанровый и аксиологический. Аксиологическое измерение сюжетов и сюжетных мотивов как составных частей нарратива направлено на объяснение последствий поступков персонажей применительно к четырем типам ценностей – витальным, утилитарным, моральным и терминальным.

Литература

1. Андреев Н.П. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. – Ленинград: Государственное русское географическое общество, 1929. – 120 с.
2. Асадуллаева А.В. Исторический криминальный лингвокультурный типаж «английский пират»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2011. – 22 с.
3. Богин Г.И. Типология понимания текста: учебное пособие. – Калинин: КГУ, 1986. – 88 с.
4. Бочаров С.Г. Сюжеты русской литературы. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 632 с.
5. Валяйбоб А.В. Лингвокультурный типаж «американский первопроходец»: символические характеристики: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2013. – 20 с.
6. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание: пер. с англ. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. В поисках новых путей развития лингвострановедения: концепция речеповеденческих тактик. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 1999. – 84 с.
8. Веселовский А.Н. Историческая поэтика / ред., вступ. статья и примечания В.М. Жирмунского. – Л.: Художественная литература, 1940. – 648 с.
9. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. – М.: Наука, 1985. – 229 с.
10. Воркачев С.Г. Воплощение смысла: conceptualia selecta: монография. – Волгоград: Парадигма, 2014. – 331 с.
11. Гуляева Е.В. Лингвокультурный типаж «американский адвокат»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2009. – 24 с.
12. Дементьев В.В. Речежанровые коммуникативные ценности в новых и новейших сферах русской речи: монография. – Саратов: Саратовский университет, 2016. – 396 с.

13. Дмитриева О.А. Лингвокультурные типажи России и Франции XIX века: монография. – Волгоград: Перемена, 2007. – 307 с.
14. Донец П.Н. К вопросу об исследовательской единице межкультурной коммуникации // Вопросы языкознания. – 2004. – № 6. – С. 93–99.
15. Зенкин С.Н. Образ без подобия (Рецептивная структура «Портрета Дориана Грея») // Новое литературное обозрение. – № 154. – 2018. – № 6. – С. 70–99.
16. Карасик В.И. Языковая спираль: ценности, знаки, мотивы. – М.: Гнозис, 2019. – 424 с.
17. Красавский Н.А. Эмоциональные концепты в немецкой и русской лингвокультурах: монография. – М.: Гнозис, 2008. – 374 с.
18. Пропп В.Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928. – 152 с.
19. Савицкий В.М. Этноспецифика культурных кодов // Этническая культура. – 2020. – № 3 (4). – С. 40–44.
20. Силантьев И.В. Сюжетологические исследования. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 224 с.
21. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: монография. – Волгоград: Перемена, 2004. – 340 с.
22. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
23. Стернин И.А. Описание концепта в лингвоконцептологии // Лингвоконцептология. – Вып. 1 / науч. ред. И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2008. – С. 8–20.
24. Химич В.В. Комическое как модус художественности: сценарий Гр. Горина «Тот самый Мюнхгаузен» // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. – 2012. – № 1 (99). – С. 70–80.
25. Ярмахова Е.А. Лингвокультурный типаж «английский чудак»: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2005. – 22 с.
26. Aarne A. Verzeichnis der Märchentypen. – Helsinki: Suomalaisen Tiedeakademia, 1910. – 68 S.
27. Polti G. The Thirty-Six Dramatic Situations. – Franklin, Ohio: James Knapp Reeve, 1921. – 200 p.
28. Thompson S. The types of the Folktale. A classification and bibliography. – Helsinki: Suomalaisen Tiedeakademia, 1961. – 588 p.

Abstract. The paper considers linguocultural subjects as one of the directions in the development of axiological linguistics. It is noted that such plots can be described in structural, genre and axiological terms, and it is also emphasized that the axiological interpretation of linguocultural plots involves an assessment of the consequences of the characters' actions within the framework of four types of values – vital, utilitarian, moral and terminal.

Keywords: axiological linguistics, evaluation, values, linguocultural subjects.

СЕМАНТИКА ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ КАРТИНЕ МИРА ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности вербализации семантики восприятия и оценки в контексте анализа художественных образов. Языковые единицы, используемые автором поэтического произведения как субъекта восприятия, приобретают оценочную модальность и реализуют определение пропозиционального содержания как хорошего/плохого. Перцептивные образы понимаются как значимые элементы текста, способные эксплицировать положительные или отрицательные характеристики предметов и явлений через разные каналы восприятия.

Ключевые слова: оценка, восприятие, перцептивный образ, субъект, картина мира.

Изучение авторской художественной картины мира, определяемой как специфическая форма мировосприятия, которая выступает в качестве альтернативы реальному миру и представляет собой результат внутренней работы автора, его творческой деятельности [4: 211], включает проблемы художественной перцептивности и оценочности. «В литературно-художественном тексте осуществляется эстетическая концептуализация мира, проявляющаяся в том, что автор как творческая личность, наряду с общепринятыми знаниями, привносит в представления о мире и свои частные, индивидуальные знания» [3: 341]. Фрагмент картины мира, отраженный в художественном тексте, имеет субъективный характер, который проявляется в выборе объекта изображения или аспекта реального мира, увиденного сквозь призму индивидуально-авторских оценок [5: 52].

А. В. Бондарко описал перцептивность как элемент семантики высказывания и определил феномен художественной (образно-поэтической) перцептивности: «элементы наблюдаемости обладают образной конкретностью, она связана с поэтическим временем, пространством и образом перцептора, восприятием мира и выражением его чувств и мыслей» [6: 277–279]. В рамках исследования способов языковой репрезентации чувственного восприятия значимым становится декодирование индивидуальных смыслов в структурно-семантической организации художественного произведения.

В современной перцептивной лингвистике понятие *категория восприятия* «позволяет объединить в анализе этой разновидности языкового значения осмысление восприятия в аспекте формирования языковых универсалий, семантических полей языка, важнейших когнитивных категорий языковой и художественной герменевтики, категорий языкового и художественного дейксиса, способов и средств моделирования психологических процессов...» [1: 64]. Ситуация восприятия, понимаемая как языковая модель реальной перцепции, реализуется в разных типах дискурса, при этом «именно в условиях художественного функционирования проявляется динамика, разнообразие и системная организация перцептивных значений» [1: 56].

С. Ю. Лаврова, рассматривая языковую перцептивность говорящего как субъекта восприятия на материале поэзии М. И. Цветаевой и К. Д. Бальмонта, отмечает, что «языковая перцептивность как понятие характеризуется отражением объективного мира в субъективном сознании с помощью языка на основе сенсорной системы анализаторов» [11: 110], а «перцептивные образы формируют определенную оценочность текста и дают возможность охарактеризовать глубинную сторону авторской философии бытия» [11: 102]. То есть рассмотрение семантики восприятия и оценки в художественной картине мира поэтов Серебряного века возможно с опорой на понятие *перцептивный образ*, определяемый как «одна из форм субъективного образа, получающего конкретное лексико-грамматическое наполнение в индивидуально-авторской модели мира субъекта» и «ментальный оценочный образ, физиологической основой которого является сенсорная составляющая» [11: 44].

О значимости чувственных образов в художественной картине мира пишет Н. А. Николина: «Словесные образы в художественном тексте отображают ту или иную картину мира, преобразуя ее в соответствии с интенциями автора и обновляя восприятие читателя. Различные аспекты этой картины, прежде всего, находят отражение в чувственных образах: зрительных, звуковых, одоративных и т. п.» [14: 77]. В монографии В. К. Харченко рассматривается понятие *сенсорный образ*, который может быть определен как родовое понятие по отношению к видовым чувственным образам: зрительным, осязательным, обонятельным и вкусовым [18: 75].

Перцептивный образ характеризуется как исследовательский конструкт, который может быть рассмотрен в качестве аксиологического знака художественного мира конкретного автора (субъекта восприятия) [11: 110–111]. Одним из компонентов перцептивного образа является личностный смысл, придающий ему личностную определенность, окрашенность, выраженность (в частности, в речевой и мотивационной сфере) [12: 251–261]. «Субъективная мысль, связанная с выражением отношения, неизбежно сопровождается процедурой оценивания, человек же выступает в роли субъекта оценки» [13:

174]. Оценка задается «физической и психической природой человека, его бытием и чувствованием» [2: 5].

Языковые единицы, используемые автором поэтического произведения как субъекта восприятия, приобретают в контексте речи дополнительную оценочную модальность. В свою очередь «понятие оценочности в модельном мире субъекта восприятия, создающего высказывание, обязательно связано с философской категорией ценности» [11: 46]. Речь идет о модусе ценностно-оценочной интерпретации описываемых событий из мира вещественной или ментальной реальности.

В предлагаемой статье в фокус внимания попадает один из аспектов данной проблематики, в рамках которого оценочность рассматривается в ряду модусных смыслов семантической организации высказывания (в терминологии Т. В. Шмелевой, одна из квалификативных категорий модуса [20: 29]), когда реализуется определение пропозиционального содержания как хорошего/плохого.

Смысл художественного текста актуализируется при учете контекстуальных наращений, приобретающих значимость в рамках индивидуальной картины мира автора. Основным способом достижения символической экспрессии речи и эффекта «колеблющихся смыслов» является ослабление денотативной соотнесенности, переход в другие семантические поля. Элементы семантического поля восприятия регулярно акцентируют семантику «эмоционально-психического состояния» и связаны с ней коннотативным компонентом значения. Языковые единицы – члены семантического поля восприятия – являются субъективными словами. Для них релевантен семантический признак «оценка» [9].

Как уже было отмечено, перцептивный образ как составляющая художественной картины мира поэтов Серебряного века в поэтическом произведении получает конкретное лексико-грамматическое наполнение. Взаимообусловленность перцептивной и оценочной семантики можно проанализировать на уровне семантической структуры высказывания: субъект, предикат, объект.

Описание субъекта восприятия как субъекта оценки представлено в монографии С. Ю. Лавровой. Автор анализирует понятие перцептивного образа субъекта восприятия [11: 42], оценочность как один из модусных смыслов [11: 45], перцептивные образы как аксиологические знаки «возможных миров» художественного слова [11: 87].

Анализ поэтических произведений Серебряного века показал, что предикат как центральный компонент пропозиции моделирует не только ситуацию перцептивной деятельности (зрительной, слуховой, тактильной, обонятельной, вкусовой), но и ситуацию ментальной и эмоциональной оценки. Например: зрительное восприятие: *А слоны, а медведи! Такими / Опьянелыми кровью бойцами, / Туром, быющим повсюду рогами, / Любовались едва ли и в Риме*

(Н. С. Гумилев «Игры»); слуховое восприятие: *Уши лопнули от вопля: / – Перед Пушкиным во фрунт!* (М. И. Цветаева «Бич жандармов, бог студентов...»).

Характерное для поэзии Серебряного века явление синестезии следует рассматривать как «специфическое ценностное отношение <...>, при котором обязательно происходит преобразование объективного мира (материала) и одновременно трансформация эмоций, переживаний человека» [Клюева, 1992: 19]. Например: *К дохлой / Пробке / Присохла / Вонь* (Б. Л. Пастернак «Поэма о ближнем»).

Среди глаголов звучания, реализованных в анализируемых поэтических текстах, была выделена отдельная группа так называемого «деструктивного действия» [10: 52] – *ломать, изрыть, расколоться* и др.: *Еще свистки ломали воздух, / И крик еще стоял* (А. А. Блок «Митинг»); *Под ней проталины чернеют, / И ветер криками изрыт* (Б. Л. Пастернак «Февраль. Достать чернил и плакать!»); в процессе анализа тактильных глаголов – группа «негативного воздействия на объект» [10: 58] – *(за)колоть, резать, пронзать, ударить, жалить, (за)душить* и др.: *Уколола палец безымянный / Мне звенящая оса* (А. А. Ахматова «Я сошла с ума, о мальчик странный...»); *Семь мечей пронзали сердце / Богородицы над Сыном* (М. И. Цветаева «Семь мечей пронзали сердце...»).

Некоторые из перечисленных глаголов в переносном значении могут моделировать ситуации других типов восприятия. Например, звук может *резать, жалить, пронзать*; запах – *душить, ударять* и др.: *Рим, как море, волновался, / Разрезали вопли тьму, / Но спокойно улыбался / Низвергаемый к нему* (Н. С. Гумилев «Манлий»).

Необходимо обратить внимание на то, что в творчестве Н. С. Гумилева глагол *прорезать* имеет положительные коннотации, передает проникновение в мир света и надежды: *И зачем эти тонкие руки / Жемчугами прорезали тьму* («Корабль»).

В поэзии А. А. Ахматовой регулярно используется глагол *душить*: *И горькое это несходство / Душило, как воздух сиротства* («В ту ночь мы сошли друг от друга с ума...»); *Просыпаться на рассвете / Оттого, что радость душил* («Просыпаться на рассвете...»). Тактильная и обонятельная семантика тесно связаны, часто неотделимы друг от друга, в том числе в аспекте активного и пассивного восприятия (ср.: *дух и запах, душиный и душить*). Так, в творчестве Б. Л. Пастернака регулярно представлены эти «смешанные» значения: *И без того душило грудь* («Балашов»); *Душно от лакомств* («Вальс с чертовщиной»), *И душно дышат табаки* («Сон в летнюю ночь»).

Н. К. Онипенко отмечает, что среди единиц, лексикализующих модус восприятия, в текстах встречаются лексемы, выражающие бытие воспринимающего субъекта: *алеть, белеть, бурлить, пестреть* и др. [16]. Это так называемые глаголы «проявления признака», которые выполняют

в высказывании функцию предиката. Например: *И песчаная отмель – добыча вечернего вала, – / Как невеста, белела на пурпуре водного стана* (О. Э. Мандельштам «О, красавица Сайма, ты лодку мою колыхала...»); *Мой рот тревожно заалел, / И щеки стали снеговыми* (А. А. Ахматова «Надпись на неоконченном портрете»). Оценочность в этом случае вербализуется квалификатором, распространяющим глаголы и характеризующим восприятие цвета как позитивное или негативное.

Следует отметить, что в высказываниях с семантикой перцепции квалификатор, не входя в состав базовых компонентов пропозиции, обладает наиболее ярким спектром языкового выражения оценочных смыслов, являясь в контексте поэтического произведения одним из основных средств создания художественного образа, в том числе перцептивного. Например, в стихотворениях Б. Л. Пастернака он вносит в контекст оценку качества процесса зрительного восприятия: *Пока оно из мглы не выйдет, / Блеснув за прудом на лугу, / Меня деревья плохо видят / На отдаленном берегу* («Заморозки»), а также семантику эмоциональной оценки, сопровождающей этот процесс: *Теперь на нас одних с печалью / Глядят бревенчатые стены* («Осень»); *Я наблюдал, боготворя* («На ранних поездах»). Нередко квалификатор не может трактоваться однозначно, особенно если он выражен синестетическим словосочетанием: *И слышать сквозь темные снаи / Ее поцелуев – «На помощь!» / Мой голос зовет, утопая* («Раскованный голос»).

Роль квалификатора (количественная характеристика действия, цель и оценка) в процессе языкового моделирования тактильного восприятия отмечает Т. С. Борейко [7: 38]. Например: *Солнце греет до седьмого пота, / И бушует, одурев, овраг* (Б. Л. Пастернак «Март»); *Зачем же бесцельно / Целуешь, как капли дождя, и как время, / Смеясь, убиваешь, за всех, перед всеми!* (Б. Л. Пастернак «Разрыв»).

Говоря об анализе целостных (значимых) перцептивных образов в творчестве того или иного автора, можно обратить внимание на то, что «оценочный компонент значения», отраженный в словаре, не всегда актуализирован или переосмыслен. Например, одно из значений лексемы гроза содержит сему «чувственное восприятие», а другое – сему негативной оценки события: 1. Чувственное (слуховое) восприятие: «атмосферное явление, заключающееся в электрических разрядах между облаками или между облаком и земной поверхностью (молния), сопровождаемых громом». 2. Негативная оценка явления/события субъектом, отражающая эмоциональное состояние: «беда, опасность»; «бурное проявление своего недовольства, раздражения, гнева со стороны того, кто имеет над другим какую-л. власть, силу; тот, кто (или то, что) внушает страх, наводит ужас» [МАС, Т. 1: 348].

Образ звучащей грозы (первое значение) – один из ключевых в поэзии Б. Л. Пастернака, с грозой связаны разные оттенки звучания, отличающегося

интенсивностью (*раскаты, гром, грохот* и т. д.). При этом практически не встречается реализации 2-го значения (негативной оценки). Наоборот, *гроза* вербализует бурное проявление позитивных эмоций, является метафорой ярких любовных чувств: *Поцелуй был, как лето. Он медлил и медлил, / Лишь потом раздражалась гроза* («Здесь прошелся загадки таинственный ноготь...»); очищающей силы природы и поэзии: *Пронесшейся грозою полон воздух. / Все ожило, все дышит, как в раю* («После грозы»); эмоциональной силы музыки: *По крышам городских квартир / Грозой гремел полет валькирий* («Музыка»).

Чувственный опыт, какие бы эмоции он ни вызывал, обеспечивает взаимодействие человека с внешним миром. По словам Л. О. Овчинниковой, «каждое отдельное сенсорное ощущение характеризуется высокой аксиологической значимостью, являясь одним из важнейших элементов ценностной картины мира автора» [15: 58]. Ценностный компонент может быть репрезентирован на разных текстовых уровнях или не вербализован вовсе, более того, в лирике он зачастую предстает в сложном сплетении противоречивых оценок одного и того же явления и сложно вычленим из поэтического текста вследствие самой его субъективной природы.

Анализируя оценочную и перцептивную семантику в поэзии Серебряного века, можно говорить о том, что в авторской модели мира результаты первичного перцептивного восприятия (посредством зрения, слуха, осязания, обоняния и вкуса) реализуют значение ментальной и эмоциональной оценки, а также определяют эстетическую значимость авторской позиции по отношению к внешнему реальному миру, так как физическое восприятие, осмысление и оценка являются взаимообусловленными этапами познания, когда объективное переходит в плоскость предельно субъективного. Поэтические образы при таком подходе понимаются как значимые элементы текста, способные эксплицировать положительные или отрицательные (или противоречивые) свойства предметов, явлений, абстрактных материй и категорий через тот или иной «любимый» канал восприятия (среди поэтов Серебряного века выделяют писателей-визуалов, аудиалов, особую группу синестетов). Комплексная интерпретация авторских мировоззренческих установок с учетом оценочного и сенсорного компонентов словесных образов предоставляет возможность для более полного описания индивидуальной художественной картины мира писателя, того особого многослойного иносказательного кода, который характерен для языка поэзии.

Источники

1. Ахматова А.А. Собрание сочинений в 6 т. Т. 1. Стихотворения. 1904–1941. – М.: Эллис-Лак, 1998. – 968 с.
2. Блок А.А. Стихотворения: Полное собрание сочинений и писем в 20 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Наука, 1997. – 631 с.

3. Гумилев Н.С. Избранное. – Красноярск: Красноярское книжное издательство, 1989. – 720 с.
4. Мандельштам О.Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Прогресс-Плеяда, 2009. – 808 с.
5. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 1: Стихотворения и поэмы 1912–1931. – М.: СЛОВО / SLOVO, 2003. – 576 с.
6. Цветаева М.И. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 1. Кн. 2: Стихотворения. – М.: ТЕРРА: Книжная лавка – РТР, 1997. – 320 с.

Литература

1. Авдеевнина О.Ю. Перцептивная семантика: закономерности формирования и потенциал художественной реализации. – Саратов: Саратовский университет, 2013. – 340 с.
2. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 347 с.
3. Бабенко Л.Г., Казарин Ю.В. Лингвистический анализ художественного текста. – М.: Флинта, 2005. – 438 с.
4. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 300 с.
5. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста: Словарь-тезаурус. – Томск: ТГПУ, 2008. – 384 с.
6. Бондарко А.В. К вопросу о перцептивности // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 276–282.
7. Борейко Т.С. Ситуация тактильного восприятия: способы представления в системе русского языка и в языковом сознании индивида: дис. ... канд. филол. наук. – Омск, 2006. – 224 с.
8. Валгина Н.С. Теория текста. – М.: Логос, 2004. – 280 с.
9. Караваева С.Е. Лексика восприятия в русской поэзии начала 20 века: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1989. – 16 с.
10. Корычанкова С., Крюкова Л., Хизниченко А. Поэтическая картина мира сквозь призму категории перцептивности. – Brno: Masarykova Univerzita, 2016. – 236 с.
11. Лаврова С.Ю. Говорящий как наблюдатель: лингвоаксиологический аспект. – Череповец: ЧГУ, 2017. – 240 с.
12. Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения. – Т. 1. – М.: Педагогика, 1983. – 392 с.
13. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин и др. – М. – Ярославль: Канцлер, 2022. – 390 с.

14. Николина Н.А. Филологический анализ текста. – М.: Академия, 2003. – 236 с.
15. Овчинникова Л.О. Сенсорная лексика как средство выражения ценностной картины мира Ю.Н. Куранова // Вестник РГУ им. И. Канта. – Вып. 8. Филологические науки. Калининград, 2008. – С. 55–58.
16. Онипенко Н.К. Глагол и глагольные категории на фоне субъектной перспективы текста // Функциональные и семантические характеристики текста, высказывания, слова / под ред. М.Л. Ремневой и Е.В. Клобукова. – М., 2000. – Вып. VIII. – С. 114–127.
17. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Институт лингвистических исследований. – М.: Русский язык: Полиграфресурсы, 1999. – Т. 4. – 797 с.
18. Харченко В.К. Лингвосенсорика. Фундаментальные и прикладные аспекты. – М.: Либроком, 2012. – 216 с.
19. Хизниченко А.В., Крюкова Л.Б. Проект словаря перцептивных образов поэтического творчества Б.Л. Пастернака // Вопросы лексикографии. – № 13. – 2018. – С. 44–57.
20. Шмелева Т.В. Семантический синтаксис. Текст лекций. – Красноярск, 1994. – 43 с.

Abstract. The article discusses the features of verbalization of perception semantics and evaluativity in the context of analysis of imagery. The linguistic units used by the author of the poetic text as a subject of perception acquire evaluativity and implement the definition of propositional content as good or bad. Perceptual imagery is understood as significant element of text capable of explicating positive or negative characteristics of objects and phenomena through different channels of perception.

Keywords: evaluativity, perception, perceptual imagery, subject, worldview.

О ПОЛЕВОМ ПОДХОДЕ К СОСТАВЛЕНИЮ СЛОВАРЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ (НА ПРИМЕРЕ НОМИНАТИВНО- ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ПОЛЯ «БОЯЗНЬ»)

Аннотация. Данная статья посвящена структуре и семантике психических состояний в русском языкознании. Предложены принципы составления словаря обозначений психических состояний, представленных в виде номинативно-функциональных полей. При таком типе подачи материала можно описать слово в различных системных связях: синонимических, метафорических, фразеологических, конверсивных, словообразовательных и др. Обозначения базовых психических состояний со значением страх, беспокойство, злость, грусть, радость, стыд охарактеризованы в системе грамматических и структурно-семантических модификаций. Представленное исследование служит теоретической основой для составления словаря.

Ключевые слова: психическое состояние, номинативно-функциональное поле, грамматические модификации.

Целью данной статьи является апробация принципов составления обозначений словаря психических состояний, представленных в виде НФП – номинативно-функциональных полей, понимаемых как *система средств различных уровней, объединенных на семантической основе для обозначения понятия «психические состояния» и строящихся в строгой иерархии на основе лингвистического значения* [4: 11]. Такой тип подачи материала позволит описать слово в различных системных связях: синонимических, метафорических, фразеологических, конверсивных, словообразовательных и др.

Дадим определение ключевых понятий:

Психологическое состояние понимается как «целостная характеристика психической деятельности за определенный период времени, показывающая своеобразие протекания психических процессов в зависимости от отражаемых предметов и явлений действительности, предшествующего состояния и психических свойств личности» [8: 44].

Грамматические модификации представляют собой морально-временную парадигму, элементами которой являются формы индикатива, сослагательного и побудительного наклонений.

К **структурно-семантическим** модификациям относятся фазисные и модальные модификации, реализации абстрактности расщепления и типа

синекдохи, каждая из которых является структурным и семантическим усложнением основной модели [4: 117].

Конверсив возможен только у слов, обозначающих отношения с двумя или более местами. «Конверсив – предикатная лексема. У имеющих два или более актанта, которая описывает ту же ситуацию действительности, что и исходная лексема, но с перестановкой актантов...; *Снег покрывает поля – Поля покрываются снегом* [7: XXI].

Исследование проводится на материале базового психического состояния «страх» [7].

Определение дается по словарю С. И. Ожегова: «Страх – очень сильный испуг, сильная боязнь» [7: 762].

Словарь синонимов А. П. Евгеньевой [10: 238] предлагает синонимические конструкции состояния «страх»:

1. *Страх, ужас, боязнь, трепет, жуть* (разг.) – чувство сильной тревоги, беспокойства, душевного смятения перед какой-либо опасностью.
2. *Страх, боязнь, опасение* – чувство беспокойства, тревоги в ожидании какой-либо неприятности, беды.

Как видно из дефиниций, психическое состояние «боязнь» попадает в оба пункта синонимов базового инвариантного значения «страх»:

Боязнь в словаре С. И. Ожегова определяется как «беспокойство, страх перед чем-нибудь» [7: 55] и как «незначительный страх» в словаре А. П. Евгеньевой [10: 510].

Приведем словарные определения состояния «боязнь» по Малому академическому словарю:

БОЯЗНЬ Боязно, боязливый, боязливость, боязливо, бояться. Чувство страха: опасение. Ночь ненастная настала: на него боязнь напала. И со страхов наш мужик закопался под сеник (Ершов. Конек-Горбунок).

БОЯЗНО безл. в знач. сказ. прост. Страшно, вызывает боязнь. – Хорошо море? – спросил Челкаш. – Ничего! Только боязно в нем, – ответил Гаврила (М. Горький. Челкаш). Боязно мне одной... (Чаковский. Блокада).

БОЯЗЛИВЫЙ Склонность к боязни, робкий, несмелый.

Задумчивый певец взор тихий обратил на сына чуждых стран и путник боязливый содрогся в ужасе и мимо поспешил (Пушкин. Осгар). // Выражающий болезнь, робость. Ее черты дышали каким-то боязливым и безнадежным ожиданием (Тургенев. Мой сосед Радилов).

БОЯЗЛИВО нареч. к боязливый. Он боязливо оглянулся налево и направо и извлек из кармана узенькую длинную сафьяновую коробку (Куприн. Яма).

БОЯТЬСЯ 1. Испытать страх, боязнь. Волков бояться – в лес не ходить. // Опасаться чего-либо, беспокоиться, тревожиться.

Но полно рассуждать – боюсь тебе наскучить (Пушкин. К другу стихотворцу). Посмотри на меня... Ни гибкости, ни смелости, ни сильной воли. Я боюсь за каждый свой шаг (Чехов. Три года) [9: 110].

Различия данных способов выражения родового понятия страх, недостаточно четко представленные в рассматриваемых словарях, на наш взгляд, предельно кратко и точно характеризует З. Фрейд: «Я избегаю подходить ближе к вопросу о том, имеют ли в нашем языке слова «страх», «боязнь», «испуг» одинаковое или разное значение. Я только полагаю, что страх (Angst) относится к состоянию и не выражает внимания к объекту, между тем как «боязнь» (Furcht) указывает как раз на объект» [13: 252].

Приступим к составлению словарной статьи «боязнь».

Боязнь – робость, беспокойство, вызываемое ожиданием опасности, несчастия [7].

Этимологическая характеристика: в основе обозначения психического состояния лежит образ хода.

Синтаксическая характеристика: в предложении является предикатом.

Глагольная модель

Я боюсь.

Структурная схема: имя в и. п. + спр. гл. N Vf

Семантика: Глагольная модель подчеркивает активность субъекта, испытывающего состояние.

Глагольные предложения, передавая состояния, указывают обычно на их внешнее обнаружение.

В предложениях данного типа отчетливее, чем в других структурных схемах, реализуются «валентностный потенциал» стержневой лексемы. Ср. *Я боюсь. Мне боязно.*

Опишем глагольные конструкции по мере возрастания чувства страха: *робеть, трусить, опасаться, страшиться, бояться, пугаться, ужасаться.*

Конструкции, передающие состояние «страх», могут быть построены со всеми глаголами; все типы глагольных конструкций обнаружены в исследуемом материале. Но наиболее распространены глагольные конструкции, построенные при помощи глагола «бояться» [6: 58].

Глагол «бояться» может употребляться без прямого дополнения:

Примеры:

*Стемнело наконец совсем; я стал перед образом и начал молиться, только скоро-скоро, я торопился; захватил узелок и на цыпочках пошел скрипучей нашей лестницей, ужасно **боясь**, чтобы не услышала меня из кухни Агафья (Дост.).*

*Ибо Ирод, взяв Иоанна, связал его и посадил в темницу за Иродиаду, жену Филиппа, брата своего, потому что Иоанн говорил ему: не должно тебе иметь ее. И хотел убить его, но **боялся** народа, потому что его почитали за пророка (МЗ, с. 1029; Матфей 14: 3-5)*

Предикат «бояться» может составить структурный центр односоставного инфинитивного предложения (модальная модификация): *В нем какой-то*

негодяй уверяет меня, что Николай Всеволодович сошел с ума и мне **надо бояться** какой-то хромой женщины, которая «будет играть в судьбе моей чрезвычайную роль» (Дост.).

Фазисная модификация: *Воротясь домой в семь часов, он Павла Павловича у себя не застал и пришел от того в крайнее удивление, потом в гнев, даже в уныние, наконец, **стал и бояться*** (Дост.).

В отрицательных конструкциях возможности структур, выражающих состояния, возрастают: *Но когда он помыслил это, – се, Ангел Господень явился ему во сне и сказал: Иосиф, сын Давидов! **не бойся** принять Марию, жену твою, ибо родившееся в Ней есть от Духа Святого* (НЗ, с. 1011–1012; Матфей 1: 20). *Я денег **не боюсь**; они меня не придавят и давить не заставят* (Дост.).

Глагол «бояться» легко образует отрицательные и утвердительные примеры, является центром односоставных предложений, могут также присоединяться придаточные предложения со скрепами что, чтобы: *Не беспокойтесь. Я вот только боюсь, чтобы не наслал черт Липутина; пронюхает и прибежит* (Дост.). *Я боюсь, что это кончится слезами* (Булг.).

Парадигма

Грамматическая модификация

Синтаксический индикатив

Настоящее время: Я боюсь

Прошедшее время: Я боялся

Будущее время: Я буду бояться

Синтаксические ирреальные наклонения:

Сослагательное наклонение: Я боялся бы

Побудительное наклонение: Пусть я боюсь

Структурно-семантические модификации:

1. Фазисная модификация: Я начинаю бояться
2. Модальная модификация: Я могу бояться
3. Модификация типа синекдохи: Боязнь охватывает мое сердце
4. Эмоционально-экспрессивная модификация: Ох, и боялся я!
5. Модификация расщепления: Я испытываю боязнь
6. Модификация абстрактности: Я бывало боялся

Наречно-предикативная модель

Структура: Мне боязно – N3 Praed

Семантика: испытывать состояние боязни как нечто безотчетное.

Наречно-предикативную модель в научной литературе считают основным средством передачи психического состояния лица, так как наречно-предикативные предложения иногда оказываются единственным средством описания той или иной ситуации.

Это связано, видимо, с тем, что наречно-предикативные предложения описывают состояния как бы изнутри. Однако проведенное исследование показывает, что данное положение не всегда подтверждается на нашем материале. Конструкции данного типа представлены в исследуемых текстах достаточно редко. Из конструкций, которые могли бы функционировать в языке (Ср. *Мне трусливо, Мне опасно, Мне боязно, Мне страшно, Мне пугливо, Мне ужасно*), самостоятельно могут употребляться только конструкции типа «мне страшно», «мне боязно». Остальные конструкции со словом категории состояния не употребляются. Примеры, которые встречаются в тексте: с предикатом (боязно) представлены структурные схемы Praed и N3 Praed: *Точно царица – Ивана в тереме чую дыхание смертной темени Фибрами всеми жмусь к подстилке. Боязно! То-то и есть, что боязно* (Бродск.). *И бога-то ей боязно. И дитячко-то жаль!* (Некр.).

Субстантивная модель

У меня боязнь – У N2N

Структура: имя в р. п. с предлогом + имя в и. п., обозначающее состояние.

Семантика: состояние субъекта выражается синтаксической формой р. п.

Это лексически связанная модель. Избирательность, проявляемая этими моделями, может быть объяснена только факторами нормативно-стилистического порядка. Конструкцию типа *У меня боязнь* можно считать нормативной.

Субъект состояния обычно выражен в форме синекдохи: *В лице... выразилась боязнь*. Во многих субстантивных структурах наименование лица может быть выражено притяжательными местоимениями или родительным падежом субъекта: *Боязнь его была напрасной*.

Адъективная модель

Я боязлив – N adj

Структурная схема: имя в им. п. + прил. в им. п.

Семантика: Адъективные модели специализируются в выражении качеств. Но, как заметил В. Г. Гак, «качество, ограниченное во времени, переходит в другую семантическую категорию – состояние» [3: 785]. Адъективные предложения передают состояние как бы «со стороны», акцентируя внимание на его проявлении.

Данные конструкции могут быть построены при помощи всех описываемых оттенков значения «страх», лишь бы не было морфологических ограничений. Предикат *боязлив* обозначает не временные, а постоянные свойства (черта характера): *Он был боязлив уж очень. И говорит им: что вы так боязливы, малoverные?* (НЗ, с. 1020; Матфей 8: 26) *И сказал им: что вы так боязливы? как у вас нет веры?* *И убоялись страхом великим и говорили между собою: кто же Сей, что и ветер и море повинуются Ему?* (НЗ, с. 1059; Марк 4: 40–41).

Конверсивы

Приведем пример, в котором продемонстрирована способность ядерной структуры, построенной на предикате «бояться», быть преобразованной в конверсную структуру: *Я боюсь этого – это вызывает у меня боязнь*.

Но вошедший господин мало-помалу стал возбуждать в нем все больше и больше внимание, потом недоумение, потом недоверчивость, и даже как будто боязнь (Дост.) (он боялся господина).

Метафорическая модель

Меня охватывает боязнь – N 4 (VN сост.)

Структурная схема: имя в в. п. + (глагол и имя со значением состояния)

Семантика: Лексически связанные обороты, образно передающие состояния.

Рассматривая метафорический способ выражения состояния субъекта, С. Н. Цейтлин подчеркивает, что «...степень лексической связанности в таких оборотах очень велика. Обычным является сочетание “охватывает испуг”», но вряд ли могут быть оценены как нормативные сочетания «томит испуг»; томить может печаль и тоска, но не испуг, волнение, стыд...

Вряд ли можно сказать: «боязнь томит меня», но возможно употребление конструкции: *Боязнь охватывает меня*.

Нормативными являются структуры с синонимичными значениями: *И всех объял страх, и славили Бога, говоря: великий пророк восстал между нами, и Бог посетил народ Свой* (НЗ, с. 1093; Лука 7: 16).

Увидев это, Симон Петр припал к коленям Иисуса и сказал: выйди от меня, Господи! потому что я человек грешный. Ибо ужас объял его и всех, бывших с ним, от этого лова рыб, ими пойманных; также и Иакова и Иоанна, сыновей Зеведеевых, бывших товарищами Симону (НЗ, с. 1089; Лука 5: 8-10).

Выразительные движения, передающие состояния «боязни» (состояние выражается контекстом)

У него темнеет в глазах; руки тряслись; Он не мог удержаться от крика; Он белый как мел; сердце сжалось; У него похолодел затылок; Подбородок его запрыгал (он заплакал).

Женщина, видя, что она не утаилась, с трепетом подошла и, пав перед Ним, объявила Ему перед всем народом, по какой причине прикоснулась к Нему, и как тотчас исцелилась (НЗ, с. 1097; Лука 8: 47).

Фразеологизмы, передающие состояния «боязнь»

За небольшим исключением, фразеоструктуры представляют из себя «застывшие формы» выразительных движений: *сердце в пятках* (разг.), *кровь стынет в жилах* (разг.), *ни жив ни мертв* (прост.) и мн. др.

Процессы, характерные для русского языка конца XX и начала XXI века, говорят о переломном моменте в истории русского языка. Актуальность лексикографического исследования и описания материала, бесспорная в любое

время, в настоящий момент только повышается. Выражаем надежду, что «Словарь психических состояний в современном русском языке» поможет в благородном деле изучения русского языка большому количеству специалистов и просто любителей русского слова, займет определенное место в учебных библиотеках.

Литература

1. Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю. Левонтина И.Б., Гловинская М.Я., Крылова Т.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / под ред. Ю.Д. Апресяна. – М., 1997. – 1306 с.
2. Библия. Новый Завет. – М.: АСТ, 2021. – 540 с.
3. Гак В.Г. Проблемы лексико-грамматической организации предложения (на материале французского языка в сопоставлении с русским): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1967. – 872 с.
4. Лазариди М.И. Психические состояния в полевом описании: номинативно-функциональный аспект. – Бишкек, 2005. – 310 с.
5. Лазариди М.И. Роль лексикографических источников в изучении русского языка: о полевом подходе к составлению словарей // Русский язык в образовательном пространстве Центральноазиатского региона СНГ. – Бишкек, 2007. – С. 128–130.
6. Лазариди М.И. Функционально-семантические поля психических состояний в современном русском языке. – Бишкек, 2000. – 179 с.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1968. – 900 с.
8. Психические состояния / сост. и общ. ред. Л.В. Куликова. – СПб., 2000. – 512 с.
9. Словарь русского языка. – М., 1985–1988. – Т. I–IV.
10. Словарь синонимов / под ред. А.П. Евгеньевой. – Л., 1976. – 648 с.
11. Ушаков Д.Н. Толковый словарь русского языка. – М., 1985. – Т. I–IV.
12. Фразеологический словарь русского языка / под ред. А.И. Молоткова. – М., 1967. – 543 с.
13. Фрейд. З. Введение в психоанализ: лекции. – М., 1992. – 456 с.

Abstract. This article is devoted to the structure and semantics of mental states in Russian linguistics. The principles of compiling a dictionary of designations of mental states, presented in the form of nominative-functional fields, are proposed. With this type of presentation of material, it is possible to describe the word in various systemic relationships: synonymous, metaphorical, phraseological, conversion, word-formation, etc. The designations of basic mental states with the meaning of fear, anxiety, anger, sadness, joy, shame are characterized in the system of grammatical and structural-semantic modifications. The presented study serves as a theoretical basis for compiling a dictionary.

Keywords: mental state, nominative-functional field, grammatical modifications.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРОЗВИЩА (НА ПРИМЕРЕ ДАННЫХ СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЭКСПЕРИМЕНТА)

Аннотация. В статье рассматривается аксиологический потенциал прозвищ (на примере экспериментального исследования). Аксиологическая функция проявляется не только в самой номинации, но в том числе и в поясняющем контексте от информанта, позволяя раскрыть оценку человека (поведение, характер, внешность и т. п.). Авторы предпринимают попытку анализа прозвища, учитывая потенциальные возможности реализации в нем аксиологической функции.

Ключевые слова: аксиологическая функция, аксиологический потенциал, прозвище, вторичная номинация, оценка.

Современный этап развития лингвистики явным образом характеризуется аксиологической направленностью многих исследований, связанных, прежде всего, с изучением текущей речевой ситуации, которую исследователи склонны считать нестабильной по причине неустойчивости ценностных ориентиров общества (хотя заметим, что лексема *ценности* является одной из наиболее частотных в современном политическом и публицистическом дискурсах).

Изучением взаимосвязи языка и системы ценностей занимается аксиологическая лингвистика (лингвоаксиология). Оценка – это та категория, которая связывает человека с окружающей природой, с социальной реальностью, а главное – с другими людьми посредством отражения общей системы ценностей, то есть именно оценка вводит человека в ценностный мир общества, в котором он живет. Как известно, оценочным значением (компонентом значения) обладают многие языковые единицы, и в том числе прозвища. Являясь неофициальным именем человека, прозвище активно употребляется в разных сферах нашей жизни: учебной (школа, творческие и спортивные секции, колледж, вуз), профессиональной (рабочий коллектив), личной (друзья, семья) и т. д.

Изучение прозвищ в аксиологическом рассмотрении представляется нам чрезвычайно интересным и актуальным, поскольку они являются такими языковыми единицами, которые обладают способностью не только давать семантические характеристики, но и актуализировать оценочные смыслы,

приписываемые человеку другими людьми (группой людей). Учитывая сказанное, считаем, что аксиологический потенциал прозвищ, при всей своей очевидности, требует тем не менее серьезного научного анализа. Таким образом, цель статьи заключается в выявлении аксиологического потенциала прозвища с помощью комплексного анализа и попытке его интерпретации через призму ценностей общества. В качестве материала исследования были использованы прозвища, полученные в результате социолингвистического эксперимента (анкетирования).

К основным функциям прозвищ по существующей традиции, вслед за А. В. Суперанской, относят номинацию и дифференциацию человека в обществе [6: 272]. Как нам представляется, аксиологическая функция также может присутствовать в этом ряду, поскольку прозвище транслирует оценку, которая в какой-то степени способна выражать определенные ценностные установки общества. Аксиологическая функция прозвища проявляется, прежде всего, как оценка, которая всегда предполагает сравнение по количественным и качественным признакам. Занимаясь проблемой оценки в языке, Е. М. Вольф обосновала введение так называемой «шкалы оценочности», выделив две бинарных позиции – «хорошо» и «плохо». Автор предложила и нейтральную позицию, заметив при этом, что процент нейтральности в русском языке не очень велик [1: 47].

Материалом нашего исследования послужили данные, полученные в ходе проведения социолингвистического эксперимента (анкетирования) с участием 300 человек разных возрастных групп (школьники, студенты, работающие, пенсионеры). Анкета включала несколько вопросов, в том числе и направленных на выявление отношения носителей языка к вторичной номинации человека и выявление функций прозвищ. (Ввиду того, что социальные характеристики для настоящей статьи не являются важными, данные по этим позициям мы приводить не будем.)

Анализ результатов показал, что чуть более 18 % информантов (55 человек) определили прозвище как *«злую шутку»*, *«ярлык»*, *«то, от чего не можешь избавиться»*, а к функциям отнесли *«обидеть»*, *«задеть»*, *«оскорбить»*, *«обозвать»*. Таким образом, уже на начальном этапе исследования мы столкнулись с тем, что многие воспринимают прозвище как номинацию, в основе которой лежит отрицательная оценка, которая и вызывает негативное отношение к прозвищу в целом (см. примеры выше). Кроме того, информанты сами отмечают, что прозвище предполагает оценку: *«оценка внешности»*, *«прозвище – это оценка»*, *«когда тебя оценили»*.

Оценка прозвища, как правило, связана с причиной его возникновения. 27 % опрошиваемых главной причиной появления прозвища называли внешность, затем качества характера (19 %), имя и фамилию (17 %), конкретный случай, послуживший прецедентом (16 %) и др.

Исходя из поставленной цели, обратимся к рассмотрению группы прозвищ, которая, по нашим результатам, оказалась наиболее многочисленной: это прозвища, образованные на основании внешних данных человека.

Для выявления оценочного компонента в семантике прозвища, его интерпретации мы разработали определенную процедуру комплексного анализа прозвищных номинаций, которая включала в себя следующие шаги:

- 1) причина возникновения прозвища (если ее указал информант);
- 2) характерные позиции, которые свидетельствуют о принадлежности к положительной/отрицательной оценке;
- 3) отнесение к определенной позиции на шкале Е. М. Вольф;
- 4) способ образования прозвища;
- 5) сопутствующие оттенки значений (при наличии таковых) [3: 422].

Рассмотрим несколько примеров, в которых, на наш взгляд, в наибольшей степени представлен оценочный компонент.

Пример 1. *Юрец-самец*

Причина возникновения прозвища – положительная оценка внешних данных молодого человека: «потому что парень очень хорошо выглядит».

Важно отметить, что в данном случае прозвище дано не в противопоставлении «самец – самка», а «самец – несамец». При этом, как следует из объяснения причины возникновения данного прозвища, самец – тот, кто «хорошо выглядит», следовательно, нравится противоположному полу.

Прозвище состоит из двух компонентов, один из которых является отыменным, а вторая часть (собственно прозвищная) рифмуется с разговорной формой имени Юрий. Прозвище относится к группе «+» (по шкале Е. М. Вольф).

Обратим внимание на то, что в данном случае актуализируется переносное значение слова, а не просто «особь мужского пола». В толковых словарях русского языка из нейтрального «особь мужского пола» развивается «мужчина как носитель мужских половых качеств» [МАС IV, 1984: 16], «мужчина, поглощенный половой жизнью» с пометой «презр.» [7] и практически современное – «о чрезмерно чувственном мужчине» [4: 693]. В нашем случае, *самец*, скорее, чем-то сродни *ловеласу*, покорителю сердец и, кроме того, очень важен пол – мужской. «Негласная» норма общества такова, что способность мужчины покорять женские сердца – это явно положительная характеристика. Осмелимся предположить, что подобная характеристика по отношению к женщине была бы явно отрицательной.

Представленный ряд значений «от Ушакова до наших дней» свидетельствует о постепенном «раскрытии» аксиологического потенциала данного прозвища.

Пример 2. *Мелкий*

Прозвище принадлежит школьнику 15 лет, причину появления прозвища информант определил так: «потому что низкий».

В ходе эксперимента мы получили несколько вариантов данного прозвища, но чаще они были женского рода: *Мелкая*, *Малая*, *Мелочь* и т. п. В данном

случае пол «имеет значение», поскольку для молодого человека (особенно переходного возраста) данное прозвище является обидным, по шкале Е. М. Вольф оно попадает в группу «скорее —».

Думается, что в этом случае также можно говорить о том, что внутри системы, которая долго являлась преимущественно патриархальной, любое «уменьшительное» отношение к мужчине считается если не оскорбительным, то обидным. Хотя заметим, что далеко не все мужчины обладают высоким ростом (вероятно, общество считало, что должны). На наш взгляд, современное общество в этом отношении намного толерантнее к мужскому росту и такое прозвище (кстати, оно может быть дано и очень высокому человеку) скорее шуточно-насмешливое, а не обидное. Кроме того, здесь возможны и иные смыслы, однако в любом случае оценочность здесь явно не положительная, поскольку в обществе по отношению ко многим вещам больше ценится «крупное», нежели «мелкое».

Пример 3. *Big Boy*

Так называют в компании друзей «самого маленького парня».

Big Boy в дословном переводе с английского языка – «Большой мальчик». Обратим внимание на то, что в данном случае на первый план выходит не столько оценка внешних данных, т. е. роста/возраста (возможны и оба варианта), сколько дружеское подтрунивание. Обида в компании друзей неуместна (тем более, что мы не знаем прозвищ остальных), поэтому данное прозвище попадает в группу «скорее —», а не в группу с однозначно отрицательной оценкой (по шкале Е. М. Вольф).

Таким образом, получается, что аксиологическая функция определяется отношениями в дружеском кругу, где тебя могут уважать, любить и ценить, но при этом и веселиться по твоему же поводу.

Пример 4. *Бабариха*

Прозвище принадлежит женщине 27 лет, причиной его появления она считает свою фигуру – «полноту».

Бабариха, как всем известно, это персонаж произведения А. С. Пушкина «Сказка о царе Салтане...». Бабариха, по нашим воспоминаниям, была не самой хорошей женщиной, однако в данном случае важнее не качества ее характера, а внешние данные. Само слово ожидаемо вызывает в нашем сознании образ полной, тучной женщины в возрасте. Лексема *Бабариха* довольно часто употребляется в ситуациях, когда нужно выразить неодобрение по поводу внешнего вида, ср.: «В этом платье ты выглядишь, как Бабариха!». Для девушки это явно обидное высказывание, на грани оскорбления, прозвище попадает в группу «—» (по шкале Е. М. Вольф).

Аксиологическая функция в основном реализуется на базе фоновых лингвокультурных знаний. Отметим, что даже если бы их не было, суффикс субъективной оценки *-иха* вкупе с явно слышимой «бабой» все равно сделают свое дело.

Пример 4. *Шпала*

Это прозвище встречалось в ответах опрашиваемых дважды, кроме того, часто встречались прозвища с похожим значением, ср.: *Дылда, Длинная*.

В основе прозвища – оценка роста, при этом отметим, что речь шла о девушках. Считается, что высокий парень – это нормально, а высокая девушка – уже нет. Сегодня эта тема пользуется популярностью на разных форумах, и многие заголовки постов прямо заявляют, что обладают таким прозвищем чаще девушки, ср.: «Почему высоких девушек шутливо называют шпалами?» (<https://diary.ru/>; https://zen.yandex.ru/media/berech_rech/). Также, люди размышляют и строят предположения о том, почему высокого человека называют *шпала*, а не *рельс*, к примеру, который длиннее.

В любом случае *Шпала* – это обидное прозвище для девушки, поэтому оно попало в группу «–» (по шкале Е. М. Вольф). «Женскость» здесь очевидна – и само слово женского рода, да и, возможно, есть основания для такого прозвища и по другим параметрам женской фигуры («как доска»), что уже совсем непростительно, по мнению мужчин.

Таким образом, по результатам экспериментального исследования в целом и при комплексном анализе некоторых показательных примеров, приведенных в рамках данной статьи в частности можно сделать некоторые выводы.

Учитывая, что в выборку для анализа были специально отобраны мужские и женские прозвища, полученные на основании внешних характерных черт их носителей, выводы, к которым мы пришли, носят явно выраженный гендерный характер, хотя такая задача в исследовании не ставилась.

Выяснилось, что список «требований» к внешности девушки/женщины значительно шире, нежели к внешности мужчины. Процент обидных мужских кличек значительно ниже, чем женских. Образ «идеального мужчины» формируется как образ «самца» – сильного, успешного, уверенного и внешне привлекательного, ср.: *Юрец-самец, Доминант, Покоритель сердец, Скала, Мужик* и др. Отрицательные мужские клички ясно дают понять, каким, по мнению носителей языка, участвующих в нашем эксперименте, мужчина быть не должен: *Мелкий, Big Boy, Дрыщ, Бедолага* и др.

Говорить про образ «идеальной женщины» не приходится, потому что, по результатам анкетирования, женские прозвища, которые базируются на внешних данных и при этом имеют положительную оценку, в полученных нами данных отсутствуют. Зато можно определить, какой женщине, по мнению носителей языка – участников исследования, не стоит быть, мы можем: *Бабариха, Дылда, Шпала, Кишка, Ондатра* (за кривые зубы).

Проведенный анализ показал, что прозвища, содержащие оценку/характеристику различных качеств человека, его поведения, привычек, внешнего вида и т. п., дают основания говорить о наличии у них аксиологического потенциала, который может проявляться/раскрываться в той или иной степени

в различных речевых ситуациях и зависит от социокультурного контекста. Комплексный анализ с привлечением различных дополнительных данных, которые могут носить не только лингвистический, но и лингвокультурологический, и социолингвистический, и исторический характер, позволяет проводить адекватную интерпретацию прозвища как явления вторичной номинации человека в современном ему обществе.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Ком. Книга, 2006. – 280 с.
2. Дроздова О. Бережь речь [Электронный ресурс]. – URL: https://zen.yandex.ru/media/berech_tech/ (дата обращения: 20.09.2022).
3. Кузнецова Н.С., Мандрикова Г.М. Прозвище человека в аксиологическом аспекте: возможности лингвистического рассуждения // Наука. Технологии. Инновации: сборник научных трудов: в 9 ч. – Новосибирск: НГТУ, 2020. – Ч. 8. – С. 422–426.
4. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 4-е изд., доп. – М.: А Темп, 2004. – 944 с.
5. Словарь русского языка: В 4 т. / АН СССР, Институт русского языка; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1985–1988.
6. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973. – 336 с.
7. Толковый словарь русского языка в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Советская энциклопедия, 1935–1940 гг.

Abstract. The article deals with axiological potential of nick-names (on the example of an experimental study). Axiological function manifests not just in nomination itself but also in the explaining context of the informant, allowing to reveal person's assessment (behavior, personal traits, appearance etc.). Authors attempt to analyze a nick-name taking in count potential possibilities to implement the axiological function.

Keywords: axiological function, axiological potential, nick-name, secondary nomination, assessment.

ОППОЗИЦИЯ «ЧЕЛОВЕК – МАШИНА» В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ И ЕЕ МЕТАФОРИЧЕСКОЕ ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. Рассматривается отражение в современной прозе концептуальных изменений в осмыслении одной из фундаментальных оппозиций человеческой культуры. В цифровую эпоху граница внутри оппозиции «человек – машина» размывается: «очеловечивание» программ, алгоритмов происходит параллельно противоположному процессу – «расчеловечиванию» живых людей, о чем свидетельствуют такие устойчивые типы метафор в современных художественных текстах, как антропоморфная (модель переноса «человек → компьютер») и антропоцентрическая («компьютер → человек»). Имплицитные способы переосмысления оппозиции «человек – машина» подтверждают опасения многих современных философов о трансформации идей гуманизма, размывании представлений об идентичности человека и сути машинности.

Ключевые слова: цифровая эпоха, трансформация идеологии гуманизма, антропоморфная метафора, антропоцентрическая метафора, человек – машина.

Оппозиция «человек – машина» относится к одной из фундаментальных оппозиций человеческой культуры. В истории человеческой мысли, в трудах Спинозы, Декарта, Лейбница, Ламерти, Н. Бердяева и других проблема отношений между человеком и машиной, техникой рассматривалась в антропологическом смысле: от ее решения, точнее той или иной интерпретации, зависела система взглядов на онтологию человека, его сущностные отличия от природного (человек – животное), божественного (человек – Бог), механистичного (человек – машина) [5: 475–476].

В цифровую эпоху оппозиция «человек – машина» наполняется новыми смыслами и связями, поскольку техника все более приближается по своей функции к человеку, его разуму и даже поведению, концепт «машина» соотносят уже с самой природой [7; 4]: новейшая техника, или (по Слотердайку) *гомеотехника*, «кооперируется с природой, а не отрицает ее» [3: 72].

Художественная литература последних десятилетий отражает эту идею образными средствами. Взаимодействие человека с компьютером (или другим высокотехнологичным гаджетом) как новая и весьма своеобразная коммуникативная практика личности в современном мире все чаще становится

предметом художественного изображения. С помощью **антропоморфной** метафоры (модель переноса *Человек* → *Компьютер*) передается идея «очеловечивания» технических устройств, иллюзия существования какой-то особой, живой силы по ту сторону экрана. Вот несколько иллюстраций:

(1) *Машина* (о компьютере. – Е. М.) *не хочет со мной сотрудничать, она четко знает, что должна получить пароль, пароля нет, поэтому она молчит* (Умберто Эко «Маятник Фуко», 1988);

(2) *Я же отправился к компьютеру, чтобы узнать, что думает по этому поводу Яндекс* (Александр Житинский «Flashmob! Государь всея Сети», 2007);

(3) *Но разве ж Яндекс скажет? Ничего Инет ей не сказал* (Никита Балашов «Zelda. Книга о новых героях», 2010);

(4) «Согласен с мнением моей жены», – *говорит* страница Валерия (Татьяна Шахматова «Унесенные блогосферой», 2017);

(5) *Вот бы судьбу можно было так протраивать: в точку А вбить текущую позицию, в точку Б – к чему хотел бы прийти. И Яндекс тебе рассказывает...* (Дмитрий Глуховский «Текст», 2017);

(6) *Интернет сам вел его от одного слова к другому, выдавал адреса, тыкал пальцем. Если сам чего-то не знал, то тактично умолкал или упорно, до тошноты показывал одни и те же сайты* (Ольга Токарчук «Бегуны», 2018).

Как правило, при подобной персонификации используется глагольная метафора (см. примеры 1–6), реже – именная:

(7) *Умница Вики точно и с блеском вписывает контент в контекст* (Алексей Иванов «Комьюнити», 2012);

(8) *Интересно здесь не то, что услужливый фейсбук вспоминает (выбирает, что вспомнить и что забыть) вместо меня...* (Марина Степанова «Памяти памяти», 2018);

(9) *Интернет – обманищик. ...не более чем приманка* (О. Токарчук «Бегуны») и др.

Судя по контекстам современных произведений (всего было проанализировано более 60), сам человек, «живущий» в сети, вызывает у писателей опасение: погружение в виртуальный мир, зависимость как от него, так и от модных гаджетов, неспособность ценить «реал» – эти качества героя-пользователя получают отчетливо негативную оценку, реализуемую в резких, неожиданных метафорах: *Человек – это его айфон* (А. Иванов «Комьюнити») – ср. название книги Дж. Ланира «Вы не гаджет» (2011). Человеку приписываются черты технических устройств (деперсонификация), см.:

(10) *Мозг человека – лучший компьютер* (Мерси Шелли (А. Андреев) «Паутина», 2002);

(11) *Обычно ярость прочищала Симбе мозги, и они начинали шуришать со скоростью последнего «Пентиума»* (Андрей Матвеев «Любовь для начинающих пользователей», 2022);

(12) *Ассемблер чужой души при близком рассмотрении редко выглядит привлекательно* (Виктор Пелевин «Любовь к трем цукербринам», 2014);

(13) *...на главный диск у себя в голове, который не поменять до смерти, человек доверчиво ставит что попало* (Виктор Пелевин «iPhuck 10», 2017);

(14) *Вероломство* (о предательстве. – Е. М.) – *это когда тебя по-настоящему взломали*, как ломают хакеры защищенный аккаунт (Т. Шахматова «Унесенные блогосферой») – ср. название пьесы Алексея Синяева «Взломанный [Блог Экста]», где *взломанный* – слово компьютерной сферы и в то же время метафора измененного мировоззрения главного героя. Ср. также: «Мы живем в эпоху взлома человека» [6: 323].

Следует заметить, что идея отождествления человека и машины изначально постулировалась теоретиками кибернетической науки. Так, ее основоположник Норберт Винер в трактате «Кибернетика, или Управление и связь в животном и машине» (1948) исходит из того, что люди, как и всякие живые существа, являются машинами, обрабатывающими информацию. Академик В. М. Глушков, один из «столпов» кибернетической науки 60-х годов, в свою очередь считал, что компьютеры (тогда еще ЭВМ) смогут в будущем, в ХХI веке, сохранить человеческую личность, сознание отдельного индивида, обеспечив тем самым его «почти полное» бессмертие [2: 188–193]. «Уже в конце 1980-х идея трансформации личности в электронный сигнал и загрузки данных мозга в компьютер – и в компьютерные сети! – появилась... и стала основой экстропианства, одного из направлений трансгуманизма» [1: 54]. Однако писатели, как правило, не воспринимали и не воспринимают эти идеи как прогрессивные, поскольку под угрозой оказывается сама природа человека.

Так, в художественных произведениях современных авторов заметно неприятие со стороны героя или рассказчика того факта, что **из субъекта**, индивида человек в цифровую эпоху превращается в **объект** – набор кодов, которым можно управлять помимо воли самого носителя. Идеология кода, на которой выстраивается фундамент цифровой культуры, распространяется и на понимание человека. Вот несколько примеров из проанализированных текстов:

(15) *Все эти люди, свернутые в строчки цифр и букв, превращенные в несколько байт архиватором. Где они все, почему я так давно не пользовался этими кодами, открывающими целые миры?* (М. Шелли «Паутина»);

(16) *Человек ведь тоже приходит... просто как информационный слепок, то есть двусторонний поток кода...* (В. Пелевин «Любовь...»);

(17) *... мы все – совокупность сигналов и метадаты* (там же);

(18) *... он* (Кеша. – Е. М.) *просто завиток кода* (там же);

(19) *Арсена убили, он возродился. Жизнь, испорченный файл* (Марина и Сергей Дяченко «Цифровой», 2009);

(20) *Судьба – сюжет, а ее смысл – гипертекст* (А. Иванов «Комьюнити») и под.

Антропоцентрическая метафора, создаваемая по модели *Компьютер → Человек*, таким образом обозначает характерные для информационного общества негативные явления: манипуляция сознанием, отсутствие критического мышления по отношению к информации, социальный инфантилизм, видимость свободы и воли человека.

В трудах современных философов, теоретиков сетевой культуры (А. Барикко, С. Жижек, Г. Ловинк, Е. Морозов, Ю. Харари, У. Эко и др.) эти темы поднимаются в контексте глобальной проблематики трансформации гуманизма как величайшей идеологии и достижения в эволюции человечества, трансформации традиционных представлений культуры об уникальности человеческой природы, сверхценности человеческой жизни, приоритете личной свободы и личного пространства человека, его индивидуальности.

Литература

1. Конрадова Н.А. Археология русского интернета. – М.: Аст, 2022. – 288 с.
2. Максимович Г. Беседы с академиком В. Глушковым. – М.: Молодая гвардия, 1978. – 224 с.
3. Ростова Н.Н. Человек на границе животного мира // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 446. – С. 68–75.
4. Слотердаjk П., Хайнрихс Г.-Ю. Солнце и смерть. Диалогические исследования. – СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2015. – 608 с.
5. Федяев Д.М. Машина и машинность // Современный философский словарь / под общ. ред. В.Е. Кемерова. – Лондон – Минск: Панпринт, 1998. – 1064 с.
6. Харари Ю.Н. 21 урок для XXI века. – М.: Синдбад, 2019. – 416 с.
7. Mazis G. Humans, Animals, Machines: Blurring Boundaries. – Albany, NY: SUNY Press, 2008. – 274 p.

Abstract. The article considers the reflection in modern prose of conceptual changes in the understanding of one of the fundamental oppositions of human culture. In the digital age, the boundary within the «man – machine» opposition is blurring: the «humanization» of programs and algorithms occurs in parallel with the opposite process – the «dehumanization» of living people, as evidenced by such stable types of metaphors in modern literary texts as anthropomorphic (the transfer model «man → computer») and anthropocentric («computer → man»). Implicit ways of rethinking the opposition «man – machine» confirm the fears of many modern philosophers about the transformation of the ideas of humanism, the blurring of ideas about the identity of man and the essence of machine.

Keywords: digital age, transformation of the ideology of humanism, anthropomorphic metaphor, anthropocentric metaphor, man – machine.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН (НА ОСНОВЕ АНАЛИЗА ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН СОВЕТСКОЙ ЭСТРАДЫ)

Аннотация. В статье рассматриваются прецедентные имена с точки зрения аксиологии, выражения культурных ценностей в языковых единицах. Анализируются прецедентные имена советской эстрады, их ценностный и оценочный планы.

Ключевые слова: прецедентные имена, аксиология, аксиологемы, лингвокультурология, прецедентные феномены, советские эстрадные певцы.

Язык формирует и отражает культурные ценности. Зачастую маркерами языкового сознания выступают обращения к личным именам собственным (ЛИС), которые обозначают важные исторические фигуры, культурных и общественных деятелей, авторов произведений и звезд национальной эстрады.

Понимание собеседниками данных ЛИС является своеобразной проверкой уровня эрудированности как носителя языка, обладающего определенным национальным сознанием, так и человека с другим, отличным национальным сознанием, который вступил в иное языковое общество.

Позволяет использовать ЛИС во вторичных значениях устойчивая однотипная ассоциация ЛИС с определенным явлением, яркой чертой, установившейся у людей с определенным культурным кодом, т. н. «стереотип». Понятие «стереотип» тесно связано с понятием «концепт». В. И. Карасик описывает концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «в составе которых выделяются образно-перцептивная, понятийная и ценностная стороны» [1: 59, 71].

Вербализация стереотипов посредством владения индивидом разнообразными культурными концептами переходит в сферу теории прецедентности. Таким образом, данная трактовка позволяет идентифицировать подобные явления как вербальные прецедентные феномены, конкретно – прецедентные имена (далее – ПИ).

Г. Г. Слышкин соотносит понятия прецедентных феноменов и концепта, выделяя особую группу прецедентных концептов, которые «утверждают уникальность и культурную значимость индивидуального объекта и обес-

печивают мышление и коммуникацию средствами наглядности и иллюстративности» [3: 116].

Согласно ранее упомянутому определению В. И. Карасика, концепты включают в себя ценностный, то есть аксиологический аспект. Е. А. Нахимова подчеркивает, что аксиологичность, – «это не свойство самого имени собственного, а характеристика его ментального соответствия, которое может приобретать свойства аксиологемы, то есть концепта, включающего аксиологический компонент (позитивный, негативный или переменный)» [2: 179].

Прецедентными могут становиться имена различных деятелей искусства, в том числе – известных артистов национальной эстрады, имена которых могут быть использованы в метафорическом значении в качестве культурного знака. В рамках данной статьи мы провели специальное исследование в формате опроса, чтобы выявить самых известных для русскоязычных респондентов певцов и певиц советской эстрады. Однако нельзя не упомянуть, что критерий «общеизвестности» при выявлении прецедентных онимов не является ведущим, так как на данный момент не существует никаких объективных подтверждений или списков онимов, способных доказать «общеизвестность» ЛИС. Также известность ЛИС не может гарантировать регулярную повторяемость онимов в текстах, использование их в неденотативных значениях и/или эталонность, что является существенными признаками прецедентности.

В опросе мы учитывали пол и возраст респондентов и их ответы на вопрос: «Назовите самых известных советских эстрадных певцов/певиц». Количество ответов на последний вопрос не ограничивалось. Опрос среди 50-ти русскоязычных респондентов от 16 до 60 лет выявил 5 наиболее известных имен советской эстрады: Алла Пугачева (42), Муслим Магомаев (18), Иосиф Кобзон (17), Лев Лещенко (8), София Ротару (8).

Для выявления прецедентности данных имен и их последующего анализа мы будем использовать Национальный корпус русского языка с выборкой среди художественных и нехудожественных текстов с параметром «Семантика: другое значение».

Е. А. Нахимова выделяет следующие критерии анализа прецедентных имен, включающие в себя аксиологический модус: «уровень частотности; многополюсность или однополюсность; аксиологический модус (преобладание негативной или позитивной оценки, а также типичность безоценочного использования); широкие, средние или минимальные возможности для коннотативного использования; функционирование преимущественно в одном виде дискурса (например, в политическом) или же типичность для различных видов дискурса» [2: 255].

Параметры, приведенные профессором, мыслятся нам исчерпывающими, поэтому анализ ПИ для данной статьи мы будем производить в соответствии с ними. Многополюсность или однополюсность в данном контексте будут

пониматься нами как выражение нескольких или одного качества/значения соответствующего ПИ.

1. Алла Борисовна Пугачева (1949 г. р.) – советская и российская эстрадная певица. В НКРЯ отмечается 277 примеров конструкций с использованием данного ЛИС.

В основном данное ПИ используется со значением «очень популярная личность» в положительных или безоценочных контекстах:

«Когда мы давали в районной газете объявление, что ищем хозяев на земельные наделы, в зале народу собралось, как на Аллу Пугачеву, – рассказывал Леонид Андреевич Левченко, председатель ассоциации “Союз”» (Ю. Говорухин. Как растет репейник (1991) // Огонек. № 41, 1990). Позитивная оценка.

«Снял Поля Робсона – и подружился с Полем Робсоном. А в те времена Поля Робсон это все равно что сейчас Алла Пугачева» (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)). Позитивная оценка.

В некоторых случаях ПИ приобретает черту апеллатива, особенно в устной речи. Используется в значении «надоевшая, старая эстрада»:

«Российский шоу-бизнес, что ты о нем скажешь? Туда вообще возможно пробиться? Среди вот этих «огоньков», «алл пугачевых»?» (И. Шихман. А поговорить. Эфир от 11.05.18). Негативная оценка.

Также популярно использование этого ПИ в значении, связанном с прической и париком, т. е. «кудрявая прическа, стрижка» или «та, кто носит парик»:

«Тебе придется шубу дяди Федора навыворот надевать. А на голове ты у нас парик носить будешь, как Алла Пугачева...» (Э. Н. Успенский. Любимая девочка дяди Федора). Негативная оценка.

«Кто о чем, а Саша о главном, – перебила толстушка с кукольным румянцем и стрижкой «утро Аллы Пугачевой» (Макс Неволошин. Уходишь – счастливо, приходишь – привет // Волга, 2016). Негативная оценка.

«Потом спросила: – Можно сделать прическу под Аллу Пугачеву? Длинные прямые блестящие волосы лежали у девочки на плечах. – Химию?» (Л. Г. Матвеева. Продленка (1987)). Положительная оценка.

Можно сказать, что аксиологический модус ПИ «Алла Пугачева» довольно полярный – встречаются как положительные оценки, так и отрицательные. Нельзя не отметить, что это естественно для главной звезды советского и российского шоу-бизнеса. ПИ обладает многополюсностью, средними возможностями для коннотативного использования. Может встречаться в бытийном, художественном, юмористическом дискурсе, дискурсе СМИ.

2. Муслим Магомедович Магомаев (1942–2008) – советский и российский эстрадный и оперный певец, баритон. В НКРЯ отмечается 56 примеров.

Зачастую данное ПИ выступает в значениях: «тот, кто принадлежит к высокой культуре», «великолепный певец, кумир»:

*«Похоже, что деньги открыли перед этими людьми новые возможности, приобщали их к культуре, внешней, где и музыка (не **Магомаев**, не Эдита Пьеха, а уже что-то другое – Джо Дассен), и современные танцы (как они все здорово, черти, танцуют!)»* (А. Б. Гребнев. Дневник (1982)). Положительная оценка.

*«25 мая. Все есть. Нажрались, обставились, все купили. Теперь подавай духовные ценности – и не **Магомаева с Пахмутовой**, а «Иезус Крестус – суперстар»... Пьеса «Эшелон»... Все равно – не верю»* (А. Б. Гребнев. Дневник (1975)). Положительная оценка.

*«Местная шпана звала меня «**Магомаевым**» и заставляла танцевать твист, собирая за это деньги с прохожих»* (В. Савич. Табуретка мира // Ковчег, 2012). Положительная оценка.

*«Разомлевший от марочного коньяка и потоки здравия, **этот Муслим Магомаев** армянского разлива мысленно уже видел себя кумиром миланских меломанов»* (Д. Карапетян. Владимир Высоцкий. Воспоминания (2000–2002)). Безоценочное использование.

Аксиологический модус в большинстве случаев положительный. Обладает скорее однополюсностью, чем многополюсностью, имеет средние возможности для коннотативного использования. Бытийный, художественный дискурс, дискурс СМИ.

3. Иосиф Давыдович Кобзон (1937–2018) – народный артист СССР, эстрадный певец. В НКРЯ отмечается 776 примеров.

Используется в значении «патетический, национальный певец», «тот, чьи песни несут высокоморальный посыл»:

*«Альберто дель Соллар – **этаким аргентинский Иосиф Кобзон** – пел что-то душевно патетическое на обольстительном испанском языке»* [Е. Губайдуллина. Танго вместо партсобраний. Аргентинское шоу в Государственном Кремлевском дворце // Известия, 2002.04.29). Положительная оценка.

*«Вот, например, история, недавно случившаяся с кубинским певцом Пабло Миланесом – **это такой местный Кобзон** и, пожалуй, самый богатый человек на Острове свободы»* (Д. Соколов-Митрич. Куба капут // Русский репортер, 2012). Положительная оценка.

*«Мама предполагала справедливую рокировку – места коммунистов должны занять потомки тех, кто бежал из страны после октябрьского переворота. Но окончательно ее добила представители творческой интеллигенции типа **кобзонов-михалковых** и та поспешность, с которой они сменили ориентиры»* (Инна Халяпина. Карниз Европы // Волга, 2015). Отрицательная оценка.

Также имени свойственно приобретать черты апеллятива:

*«Верно говоришь! У них – жисть-жистянка, а у нас – житие! У нас во как поют! а у них – какие-нибудь там Ротару и **Кобзоны**...»* (В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора (1985)). Отрицательная оценка.

ПИ выступает как некий образец высокой культуры, нравственности и морали. Присутствует как положительный, так и отрицательный аксиологический модус. Многополюсность, средние возможности для коннотативного использования. Бытийный, художественный дискурс, дискурс СМИ.

4. Лев Валерьянович Лещенко (1942 г. р.) – советский и российский эстрадный певец, баритон. В НКРЯ насчитывается 34 примера использования.

Как и в случае с ПИ «Кобзон», Лев Лещенко также считается примером образцового, нравственного эстрадного исполнителя, прекрасного певца. Следовательно, данному ПИ свойственны подобные же значения: «патетический, национальный певец», «тот, чьи песни несут высокоморальный посыл».

*«Погос Мурадян был **Львом Лещенко** армянской эстрады»* (Н. Абгарян. Всё о Манкуне: сборник (2012)). Положительная оценка.

*«Потом, уже в наше рыночное время, как-то вдруг обнаружилось, что вся наша сердечная нравственность, нажитая трудами Пахмутовой и Добронравова, **вдохновением Кобзона и Лещенко**, куда-то разом подевалась»* (Ю. Богомолов. Июльский снег. Теленеделя (2001) // Известия, 27.07.2001). Положительная оценка.

Также встречается и значение «певец прошлого»:

*«И еще, – воодушевилась Валерия. – **Никаких Зыкиных, Толкуновых, Лещенко!** Не потому, что я их не уважаю, я их даже люблю, но они – прошлый век, для молодых – они прошлое»* (Л. Корнешов. Газета (2000)). Отрицательная оценка.

Положительный и отрицательный аксиологический модус. Многополюсность, средние возможности для коннотативного использования. Бытийный, художественный дискурс, дискурс СМИ.

5. София Михайловна Ротару (1947 г. р.) – советская эстрадная певица, народная артистка СССР. Меньше всего контекстов в НКРЯ встречается с данным ПИ – 31.

В НКРЯ довольно частотны примеры с отрицательной окраской в значении «плохая певица»:

*«Когда Полина хотела что-нибудь обругать, она говорила: **«Это примерно как София Ротару, такой же кошмар»*** (И. Сахновский. Острое чувство субботы. Восемь историй от первого лица (2012)). Отрицательная оценка.

*«Верно говоришь! У них – жисть-жистянка, а у нас – житие! У нас во как поют! а у них – какие-нибудь там **Ротару и Кобзоны...**»* (В. Ерофеев. Вальпургиева ночь, или Шаги командора (1985)). Отрицательная оценка.

Положительный и отрицательный аксиологический модус. Многополюсность, средние возможности для коннотативного использования. Бытийный, художественный дискурс, дискурс СМИ.

В процессе анализа нами были обнаружены следующие специфические черты: ПИ советских эстрадных исполнителей характерно выступают в роли

высококультурных маркеров, выражая определенные духовные и нравственные ценности. Отношение к их личности и репертуару зачастую положительное, но также встречаются и отрицательные оценки, связанные, прежде всего, с высокой продолжительностью карьеры и актуальности исполнителей. В некоторых случаях ПИ выступают в связке, употребляются в одном контексте и сопоставляются. Имеют средние возможности для коннотативного использования, зачастую – многополюсные, вбирают в себя несколько значений. Данное исследование показало, что контекстов с употреблением приведенных ПИ не так много вследствие их относительно недавнего возникновения. Прецедентные имена – важная составляющая лингвокультуры, которая имеет большие перспективы дальнейших исследований, и с развитием человечества и языка новых ПИ контекстов, оценок и представлений о личности в сознании общества будет становиться только больше.

Литература

1. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – М., 2004. – 361 с.
2. Нахимова Е.А. Прецедентные онимы в современной российской массовой коммуникации: теория и методика когнитивно-дискурсивного исследования: монография / ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет». – Екатеринбург, 2011. – 276 с.
3. Слышкин Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004. – 260 с.

Abstract. The article deals with precedent names from the point of view of axiology, the expression of cultural values in linguistic units. The precedent names of the Soviet stage, their value and evaluation plans are analyzed.

Keywords: precedent names, axiology, axiologemes, linguoculturology, precedent phenomena, Soviet pop singers.

НЕГАТИВИЗАЦИЯ И КРИМИНАЛЬНАЯ ЭКСПЛУАТАЦИЯ КОНЦЕПТА «МАТЕРИНСТВО» КАК ПРОБЛЕМА ЛИНГВОБЕЗОПАСНОСТИ

Аннотация. Работа посвящена концепту «материнство» как объекту лингвобезопасности. Выявляются тенденции негативной трансформации концепта в современной коммуникации, обосновывается необходимость противостояния деструктивным информационным потокам, направленным на его компрометацию и манипулятивную эксплуатацию. Детально анализируются жанры развлекательного и криминального дискурсов.

Ключевые слова: нарративные жанры, мошеннический дискурс, лингвобезопасность, концепт, традиционные ценности.

Концепт «материнство» — один из самых позитивных концептов в российской аксиосфере. Он тесно связан с цивилизационными основами российской государственности и напрямую коррелирует с ценностями, обозначенными в Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [Н-п а. 1: 2]. В качестве таковых в указанном стратегическом документе обозначены следующие ценности: «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России» [Н-п а. 1: 2].

Отношения концепта «материнство» с указанным спектром ценностей двояки:

- 1) партонимическая связь с ценностью «крепкая семья»;
- 2) ассоциативные связи с ценностями «гуманизм», «милосердие», «приоритет духовного над материальным».

Защита концепта «материнство», противостояние деструктивным информационным потокам, направленным на его дискредитацию в общественном сознании, входят в число задач по обеспечению лингвобезопасности как аспекта национальной безопасности Российской Федерации (о феномене лингвобезопасности см.: [5; 6]).

Анализ различных типов современного дискурса и тенденций его развития [1–3; 4: 63–66] показывает высокую аттрактивность материнства для негативизации и деструктивной эксплуатации. В рамках настоящей статьи мы обратимся к жанрам развлекательного и криминального дискурса, формирующим угрозу материнству как элементу российской аксиосферы.

В процессе построения развлекательного нарратива концепт «мать» профанируется, карнавализуется, меняет оценочный знак. В рамках криминального дискурса оценочный знак остается прежним, однако его позитивная составляющая эксплуатируется в мошеннических целях. Рассмотрим подробнее развлекательный жанр «Я ж мать» и криминальный жанр «Мама, я сбил человека».

Жанр развлекательного нарратива «Я ж мать»

С середины 2010-х годов в интернет-пространстве распространяются повествования бытовой тематики, среди которых можно выделить следующих действующих лиц:

- Мать – источник агрессии и/или нарушитель социальных норм.
- Ребенок – нарушитель социальных норм.
- Повествователь – жертва нарушения или наблюдатель процесса их совершения.

Действие в повествовании обычно происходит в общественных местах (парки, магазины, детские площадки и пр.) или местах общего пользования (подъезды, общие коридоры и пр.).

Рассмотрим на примерах (пунктуация сохранена):

1. «<...> Она зашла с коляской, пузом и детенышем, лет трех, на орбите, который мгновенно начал беспредельничать. Хватал игрушки, бросал на пол, бегал, громко визжал и ! угнал! самокат... Мама данного чада не обращала на него ни малейшего внимания. На просьбу утихомирить ребенка громко кричала, что я разбужу ее ляльку, и вообще, шла бы я со своими советами. На протяжении почти всего пребывания в магазине она торчала в телефоне. <...> Андрюша, который лихо рассекал по магазину на угнанном самокате, сшиб с полки раскраски-копилки и прокатился лицом по кафельному полу. Визги, слезы, копилки в смятку. Маманя доблестно бросилась утешать свое, до этого момента неинтересное, чадо. Коляска осталась стоять у кассы. Когда этот маленький свинтус успокоился, мамаша переключилась на меня. Какого черта я не смотрела за ее ангелочком и как я могла такое допустить. Все это было сдобрено сочными ругательствами и оскорблениями. <...>» [И. 3].

В данной истории мать (М) заходит в магазин игрушек, а один из ее детей начинает вести себя неприемлемым образом. Женщина-кассир, она же – повествователь (П), просит мать обратить на это внимание, однако та не реагирует, поэтому ребенок (Р) продолжает нарушать общественный порядок. Избежать ситуации или повлиять на нее П не может, потому становится ее заложником, а в дальнейшем – прямым участником конфликта и его жертвой: вину за собственное равнодушие к поведению Р и результат его действий М перекладывает на П.

2. *«Зашли с дочкой в туалет в парке развлечений. Кабинки, никакой очереди, три раковины. Стоим с дочкой (ей 3 года), моем руки. К третьей раковине подходит девушка, моет руки и спрашивает у своей дочки хочет ли та в туалет, малая кивает (девочке около двух лет). И тут мама снимает с нее трусики и поднимает над раковиной чтоб ребенок [справил нужду]. <...>» [И. 4].*

В данной истории М совершает антисоциальный поступок совместно с Р, в то время как П является вынужденным свидетелем.

3. *«<...> Сидим с доктором, никого не трогаем. Занимаемся своими делами. Тут открывается дверь и заходит девушка с ребенком, примерно 3–4 лет. Мельком взглянуть на нас, она сажает ребенка на стул и начинает его раздевать. Доктор молчит. Я смотрю на все это и говорю, что детской комнаты тут временно нет и что в этом помещении делают прививки. Девушка наконец-то обращает на меня внимание и говорит: “ну займите ее чем-нибудь...” Очень внимательно смотрю на девушку и говорю: “могу дать ей в руки шприц...” <...>» [И. 5].*

В этой истории М игнорирует замечания медперсонала, является источником агрессии и антисоциального поведения. Р, в свою очередь, подчиняется поведенческой норме М, а П отстаивает границы дозволенного и пытается пресечь антисоциальный акт.

Обилие подобных повествований позволяет нам вычленить не только стереотипизированных персонажей, но и новые нарративные формулы:

- Р совершает антисоциальный поступок при П, М оправдывает Р уникальным детским статусом и собственным статусом матери, дающим право на оценку поступка только ей.
- М совершает антисоциальный поступок в присутствии П и оправдывает его своим уникальным положением.
- М совершает деструктивный поступок по отношению к Р и оправдывает его тем же уникальным положением.

Повествования подобного содержания набирают большую популярность среди пользователей социальных сетей и вызывают бурный отклик: в комментариях они обычно делятся своим опытом аналогичных контактов и поддерживают П.

Жанр мошеннического дискурса «Мама, я сбил человека»

Развитие технологизированных коммуникативных средств и распространение мошеннических схем, использующих данные средства, привело к появлению нарратива с побудительной основой: мать-защитница должна немедленно оказать финансовую помощь ребенку, попавшему в беду. В интернет-пространстве появляются повествования о случаях совершения мошенничества, в которых мошенник вступает в контакт с потенциальной жертвой и оказывает на нее давление посредством эксплуатации образа близкого ей человека. Основными действующими лицами повествований являются:

- Мать (потенциальная жертва, на которую направлено воздействие) – источник защиты и помощи.
- Сын или дочь (первое ролевое воплощение мошенника) – нарушитель закона, требующий разрешить конфликт/проблему.
- Представитель правоохранительных органов (второе ролевое воплощение мошенника) – человек, который готов разрешить проблему коррупционным путем.

Рассмотрим на примерах:

1. *«Плачущий голос заявил моей маме, что это ее сын, что он только что сбил женщину, что находится в полиции. Попросил поговорить со следователем»* [И. 7].

2. *«Мамочка, я в беде: попала в аварию, лежу с пробитой головой и сломанной ногой в реанимации...я сбита девушку, и чтобы меня не посадили из-за ее гибели, срочно нужны деньги на операцию. Стоит отдать мошенникам должное – отыграли они бесподобно. Чтобы “жертва” не поняла, что разговаривает не со всей дочерью, реплики сопровождалась пронзительными всхлипываниями и душераздирающими “мамочка, мне страшно”. С заднего плана доносился шум больничной толпы, а диалог периодически прерывался “лагами” сотовой связи»* [И. 1].

3. *«Сижу дома, звонок по телефону, и в трубку кричит женский голос: “Мамочка, помоги, спаси, я попала в аварию, у меня разбито лицо”. У меня шок, треск в трубке, и я не могу разобрать голоса, я спрашиваю: “Кто это?” И мне опять повторяют все то же самое. Я понимаю, что этого голоса я не знаю. Говорю: “Вы ошиблись”. Положила трубку»* [И. 6].

4. *«Женщина поведала, что ее на домашний телефон позвонил неизвестный мужчина, который представился следователем. Он сказал, что ее дочь якобы попала в ДТП – она переходила дорогу в неположенном месте и была сбита. Чтобы избежать ответственности, нужны деньги. В это время на заднем плане женский голос крикнул: “Мама помоги мне, этот следователь хороший. Он нам поможет”»* [2].

Все описываемые ситуации происходят в ходе опосредованной коммуникации. С неизвестного номера жертве поступает звонок. Звонит либо мошенник

в роли ребенка, совершившего ДТП, либо мошенник в роли представителя правоохранительных органов с сообщением о том, что ребенок жертвы попал в ДТП. Мошенники всегда работают в группе: в ходе коммуникации один из них выступает сначала с позиции ребенка, а другой – с позиции представителя органов власти, готового нарушить закон для спасения ребенка. Во всех случаях мошенник-ребенок просит помощи у матери-защитницы, используя эмоционально-окрашенную лексику (*Этот следователь хороший! Помоги! Спаси!*), уменьшительно-ласкательные формы слова «мать» – «мамочка», мошенник-полицейский же готов войти в положение родительницы, если она готова заплатить.

Обратим внимание на то, что мошенники создают заведомо тягостную обстановку: «ребенок» плачет, кричит, периодически вставляет в повествование ужасающую деталь о «травме». Таким образом преступники обращаются к желанию матери защитить ребенка любой ценой, провоцируют страх потенциальной жертвы и пытаются лишить возможности адекватно оценить ситуацию.

На основании данных примеров мы можем вывести нарративные формулы, характерные для данных повествований:

- Преступник в роли ребенка сообщает о том, что стал виновником аварии, и просит денег у матери, чтобы передать их представителю органов власти и таким образом разрешить проблему с законом.
- Преступник в роли представителя органов власти обещает помочь избежать наказания ребенку жертвы, виновному в ДТП, за деньги.

Выводы

1. Концепт «материнство» продолжает активно развиваться в современной лингвокультуре, в том числе путем экспансии в новые дискурсы и жанры.
2. Оценочная трансформация (негативизация) концепта обеспечивает его развлекательную аттрактивность в рамках жанра «Я ж мать».
3. Сохранение высокой позитивности концепта детерминирует его интенсивную эксплуатацию в криминальном дискурсе как инструмента мошеннического воздействия (жанр «Мама, я сбил человека»).
4. Названные жанры формируют коммуникативную угрозу интересам российского социума, противоречат государственной политике Российской Федерации в сфере аксиологии и требуют системного противодействия.

Нормативно-правовые акты

1. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

Литература

1. Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Язык и ценности массовой культуры // Вестник Московского университета МВД России. – 2016. – № 2. – С. 14–17.

2. Карасик В.И., Слышкин Г.Г. Тенденции развития современного дискурса // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2021. – № 1. – С. 14–31.

3. Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвоконцептология. – Волгоград, 2014.

4. Милованова М.С. Современное русское аксиологическое сознание и актуальные тенденции в языке // Педагогическое образование и наука. – 2019. – № 1. – С. 63–66.

5. Слышкин Г.Г., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С., Яцзяо С. Лингвобезопасность. Антивакцинаторство как коммуникативная угроза: языковые механизмы манипуляции сознанием // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. – 2022. – Т. 11. – № 5. – С. 81–84.

6. Слышкин Г.Г., Малыгина Л.Е., Павлова Е.С. Лингвобезопасность в аспекте ценностных, идеологических и социальных изменений // Верхневолжский филологический вестник. – 2022. – Т. 1 (28). – С. 64–69.

Источники

1. Автовзгляд. Мама, я умер: старый способ обмана родственников водителей получил новую жизнь [Электронный ресурс]. – 2020. – URL: <https://www.avtovzglyad.ru/obshchestvo/socium/2022-01-21-mama-ja-umer-zhutkij-razvod-na-dengi-rodstvennikov-voditelej/?ysclid=I9vm9q1cry608914020> (дата обращения: 15.10.2022)

2. Московский комсомолец. В Иркутске задержали девушку, собиравшую деньги с обманутых пенсионеров [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://baikal.mk.ru/incident/2022/12/31/v-irkutske-zaderzhali-devushku-sobiravshuyu-dengi-s-obmanutykh-pensionerov.html> (дата обращения: 14.10.2022)

3. Пикабу. Я рожаю, чтобы в Египет поехать! [Электронный ресурс]. – 2019. – URL: https://pikabu.ru/story/ya_rozhayu_chtobyi_v_egipet_poekhat_6082248 (дата обращения: 16.10.2022)

4. Пикабу. Рождение грязнули [Электронный ресурс]. – 2016. – URL: https://pikabu.ru/story/rozhdenie_gryaznuli_4433166 (дата обращения: 16.10.2022)

5. Пикабу. Моя прививочная компания... [Электронный ресурс]. – 2017. – URL: https://pikabu.ru/story/moya_privivochnaya_kompaniya_5464546 (дата обращения: 14.10.2022)

6. CTV.by. Мамочка, помоги, спаси, я попала в аварию. История женщины, которая не поверила мошенникам [Электронный ресурс]. – 2022. – URL: <https://ctv.by/mamochka-pomogi-spasi-ya-popala-v-avariyu-istoriya-zhenshchiny-kotoraya-ne-poverila-moshennikam?ysclid=I9vкупw72s864394361> (дата обращения: 15.10.2022)

7. Lifejournal [Электронный ресурс]. – 2015. – URL: <https://athunder.livejournal.com/420129.html?ysclid=I9vlzdd61c302192401> (дата обращения: 14.10.2022)

Abstract. The article deals with the concept of “motherhood” as an object of linguistic security. The tendencies of the negative transformation of the concept in modern communication are revealed, the necessity of the resisting destructive information flows aimed at its compromise and manipulative exploitation is substantiated. The genres of entertaining and criminal discourses are analysed in detail.

Keywords: narrative genres, fraudulent discourse, linguistic security, concept, traditional values.

СЛОВО-КОНЦЕПТ ЛЮБОВЬ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. Концепт «любовь» рассматривается как важная часть русской культуры. Данное исследование посвящено анализу использования слова «любовь» в туристическом дискурсе. Отбор текстов осуществлялся на основе русского национального корпуса русского языка и сайтов, связанных с туризмом, изучались уникальность семантического содержания слова «любовь» в соответствующем дискурсе, по сути – рекламном.

Ключевые слова: концепт, любовь, туристический дискурс, реклама, манипуляция.

Туристический дискурс представляет собой употребление языка в устной и письменной речи, форма деятельности, в которой создаются и распространяются социальные и культурные значения мест и народа; язык, используемый в продвижении туризма, представленный определенными жанрами [Vestito, 2016, 3].

В целом существует три основные группы путешественников – отдыхающие, верующие и находящиеся на службе [Гончарова, 2012]. Адресатами в общем туристическом дискурсе являются преимущественно отдыхающие путешественники. В этом случае цель туристического дискурса очень похожа на цель рекламного дискурса: не только предоставление информации, но и создание положительных эмоций у получателя сообщения, побуждающих его приобрести данный туристический продукт. Другими словами, помимо предоставления информации читателю, он стремится оказать на него эмоциональное воздействие, создавая благоприятное впечатление о городе или даже намерение совершить поездку.

Одно из самых распространенных понятий использования концепта *любовь* – это увлечение определенными городами, местами или действиями. «Любовь и доверие русских туристов к басурманским all-included-курортам практически безграничны». В журнальной статье «Пхукет: из России с любовью» говорится о восторженном отношении россиян к Пхукету, когда люди приезжают в этот уютный, теплый, тихий и спокойный город рядом с морем, чтобы снять стресс. Помимо общего туристического аспекта, в статье также упоминаются деловые: «Пхукет очень хорош именно для российских предпринимателей».

Путешествие, согласно Юнгу, представляет собой пылкую тоску и неосуществленное желание. Оно также может включать в себя грезы, фантазии и мечты. Именно с этой позиции многие из соответствующих морфем вызывают множество ассоциаций с понятием любви. «Любовь устала ждать, любовь требует поступка» [Василий Голованов, 2002]. Прежде всего, путешествие подразумевает искать и действовать. Для жителей Китая путешествия традиционно были связаны с таким понятием, как опыт. Для жителей европейских стран путешествие – это форма освобождения от скуки, физической усталости или познания неизвестного мира, а «странник» в русской культуре также связан с изгнанником [Степанов, 2004]. Город, представленный в туристическом тексте, в большей или меньшей степени связан с его образом в сознании и восприятии людей. Стереотипы, связанные с городами и странами, выражают представление субъекта о жителях той или иной страны. Вечный город (Рим – один из столпов цивилизации), загадочная Поднебесная (Китай – таинственная страна Востока) и др. Городской стереотип, напрямую связанный со словом *любовь*, – это «столица / город любви (Париж)» – вежливость, романтика и красота всегда ценятся в столице Франции. Благодаря своему романтическому образу города и городской атмосфере, полной культуры и искусства, Париж известен как столица любви, опираясь на свою успешную систему продвижения туризма в туристическом дискурсе посредством культовой архитектуры, художественных и культурных объектов (художественные и культурные центры, уличные представления). «Окутан своеобразной романтической атмосферой Монмартр — район на высочайшем холме Парижа.... Сверху можно рассмотреть весь *город любви*» [Вера Новикова, 2020]. Понимание *любви* здесь связано с такими представлениями, как *романтика*, *встреча* и *искусство*.

Кроме того, национальные культурные особенности, связанные с религией, часто выражают эмоциональную привязанность к божественному в понятии любви, даже если она не предназначена для религиозных паломников: «Всенародную любовь давно заполучили красочные и колоритные боги индуистского пантеона Шива и Вишну»; «Одна сплошная любовь, вот и вся религия» [Марина Москвина, 2003]; «Они поверили в то, что именно он поможет им обрести здоровье, любовь, материальное благополучие...» [Игорь Шухов, 2002]; «... и всячески выражают любовь к божественному пастуху и его возлюбленной» [Ксавье Зимбардо, 2004]. Понятие *любовь*, имеющее статус общечеловеческой ценности, используется для сближения адресата с другой культурой и углубления представления о ней.

Традиционные представления вступают в контакт с новым и актуальным ценностями общества потребления, изменяя базовые предпосылки и приводя к постепенному и неравномерному смещению концепций в национальном ценностном сознании. Для современного общества характерно противо-

речивое взаимодействие традиционно значимых и актуальных ценностей [Милованова, Шамсутдинова, 2019].

Культуры смешиваются в туристических встречах. Представление туристического дискурса может быть одновременно и культурным диалогом, и культурным конфликтом. Подобные формулировки часто используются для привлечения внимания адресата в заголовках статей или в ключевых фразах. Например, концепт *любовь* используется здесь для противопоставления неуместности поступка. Многие туристические новости также содержат сюжеты о нецивилизованном поведении. К примеру, сообщения о наклеивании писем на туристические достопримечательности с помощью жевательной резинки: «Страдающие от неразделенной любви туристы со всех концов света съезжаются в Верону...». Или: «Это уже трудно назвать простодушной любовью к «халяве» – это настоящее продвинутое воровство, отмечают исследователи». В новости «Российскую туристку подвела любовь к сувенирам»: обнаружено чучело, купленное туристами на рынке в Бангкоке – чучело крокодила, который относится к исчезающему виду, и таможенная служба обвинила их в контрабанде. Статья «Не так легли: на Бали за любовь будут давать от года до пяти» посвящена сожительству (т.е. сексу) за пределами брака, которое строго запрещено на Бали. В этих статьях, посвященных теме туризма, мы видим, что слово *любовь* «встроено» в противоречивый, контрастный контекст: речь идет не о любви как таковой, а о ее суррогатных заменах – любовь как увлечение редкостями, любовь как соительство.

В туристическом дискурсе в целом и в рекламных текстах в частности преувеличение используется для усиления эффекта путешествия на получателя дискурса, создавая «соблазнительный эффект» дискурса. Его можно классифицировать как форму манипуляции дискурсом, имеющей целью внедрение позитивных стратегий: «Манипуляция – это не насилие, это соблазн» [Кара-Мурза, 2013, с. 19].

Именно по этой причине слово *любовь* нередко используется в туристическом дискурсе, чтобы отразить положительные ценности или вызвать положительную реакцию. Посмотрим на применение слова *любовь* в следующих туристических текстах: «Кошачья любовь длится примерно часов до пяти утра, потому что после пяти улица потихоньку возвращается к жизни...» [К.В. Арутюнова. Античный путь. Фрагменты из тетради путешествий (2014) // «Волга», 2015]. Здесь: любовь – поэтическая метафора, создающая яркий образ в воображении, романтизируется общение кошек, создаётся образ, что у них своя жизнь ночью, когда люди спят. Это время, которое любят кошки, то есть время, когда их никто не потревожит. *Любовь* в этом контексте имеет оттенок романтического, интимного.

Для демонстрации того, что культурные коннотации определенного географического региона отражаются во фразах, содержащих *любовь*. Ис-

100 | пользуются такие сочетания, как «любовь к свободе», «любовь и красота»; любовь к чему-то конкретному, например «любовь к земле» и «любовь к зеленому ковру = траве»:

За любовь к земле, способность адаптироваться и неистребимую любовь к свободе символом штата был выбран упорный броненосец [Яна Зубцова. Прекрасный маршрут // «Домовой», 2002.04.04]; У туарегов существует традиция использовать одну и ту же заварку трижды. Первая чашка чая, считают они, горька, как жизнь, вторая – прекрасна, как любовь, третья – сладка, как смерть [А. Б. Подцероб. В сердце Сахары // «Наука и жизнь», 2007]; Любовь к изумрудному зеленому ковру объясняется ностальгией по пасторальному английскому ландшафту... [Мария Игнатьева. Где живет американская мечта, Или прогулка по садам Сиракуз // «Ландшафтный дизайн», 2003.01.15].

Такие рекламные тексты о туризме ставят цель создать у получателя романтическое настроение, вызвать любопытство, удивление и желание увидеть описанные чудеса своими глазами. Это вариант трансляции на адресата – потенциального клиента мысли о развлечениях, удовольствии, о возможности обучения и получения нового опыта.

В туристическом дискурсе, особенно в рекламе, слово *любовь* может вызвать **обращение к чувствам**, то есть используются стратегии, основанные на сентиментальности. Приведем следующие примеры.

Стремление к счастью и, следовательно, к любви: *От стариков слышал: если хочешь, чтобы любовь была счастливая, непроходящая – отправляйся в те земли. Любовь нельзя обменять на материальное богатство: «Такую, что за деньги не купишь, ни на что не выменяешь и другому не подаришь. Любовь свою! Годами закаленную, дорогами дальними проверенную, молвой испытанную, ответной любовью согретую, добротой спасенную». Любовь к своим близким и любовь к себе: «Приглашаем Вас и Ваших детей в мир сказочного отдыха и беззаботности, а о детях позаботимся мы!»; «Подарите отдых своим любимым!»; «Ваше будущее – это Ваши дети»; «Признайся в любви к самому себе».*

В туристической рекламе также часто используется гипербола, которая может быть отражена в тексте в виде императивов, либо как изображение или намек на ограниченность времени: «Да что говорить, если в одном Пафосе запланирован ввод в строй двух десятков новых отелей... Поэтому отправляйтесь на Остров любви немедленно. Любовь вообще не прощает медлительности».

В итоге применение слова *любовь* в текстах туристического дискурса подвержено влиянию собственных паттернов дискурса, которые связаны с его дискурсивной целью и аудиторией. Слово используется для воздействия на воображение и волю адресата, незаметно манипулируя его желанием ознакоми-

миться с известными мировыми культурными ценностями и открыть для себя новые впечатления. Несомненно то, что упоминание любви в туристическом дискурсе имеет традиционно положительную оценку: контраст с реальной жизнью, полной рутины, позволяет углубить впечатление получателя и убеждает его в необходимости действовать – это способ завоевать потенциальных клиентов. Однако частое использование слова *любовь* в коммерческих текстах может привести к девальвации самого концепта, содержание которого может размываться из-за широкого и утилитарного характера его использования.

Литература

1. Гончарова Л.М. Концепт «путешествие» и его межкультурная представленность в рекламной коммуникации сферы туризма // Современная коммуникативистика, (2). 2012. С. 58–64.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо-Пресс, 2001.
3. Лю Цзюань. Концепт «Путешествие» в китайской и русской лингвокультурах: Автореф. дис. канд. филол. наук. – Волгоград, 2004.
4. Милованова М.С., Шамсутдинова Р.Р. Трансформационные процессы в аксиологическом сознании современной российской молодежи // Современная коммуникативистика. 2019. № 6. С. 63–67.
5. Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры. 3-е изд., испр. и доп. М.: Академический проект, 2004.
6. Vestito C. Tourism disburse and the representation of Italy: a critical analysis of English guidebooks, 2006 [Электронный ресурс] / Режим доступа: http://www.fedoa.unina.it/2780/1/Vestito_Lingua_Inglese.pdf (дата обращения: 14.05.2022).

Abstract. The concept of «love» is considered an important part of Russian culture. This study is devoted to the analysis of the use of the concept «love» in the tourist discourse. The texts were selected on the basis of the Russian national corpus and sites related to tourism, the uniqueness of the semantic content of the concept «love» in the relevant discourse were studied.

Keywords: concept, love, tourist discourse, advertising, manipulation.

АРХАИЧНЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В НАЗВАНИИ ТРАДИЦИОННОГО НАРОДНОГО БЛЮДА КАЛИНА (НА МАТЕРИАЛЕ ВОРОНЕЖСКИХ ГОВОРОВ)

Аннотация. В статье рассматривается слово «калина», которое в воронежских диалектах служит названием древней фруктовой каши, а также ряда других блюд, различных по консистенции и составу. В заключении делается вывод об обособленности названия «калина» относительно других блюд подобного типа, а также о сохранении в семантике слова «калина», выступающего в качестве названия блюда, архаичных семантических компонентов.

Ключевые слова: однодворцы, названия пищи, воронежские диалекты.

Территориальное и этнокультурное членение России всегда характеризовалось неоднородностью и изменчивостью. Неоднородность русского населения проявляла себя в формировании особых субэтнических групп: поморов, казаков и т. д. — групп, характеризовавшихся как отличающимися диалектными чертами, так и чертами религиозного и бытового характера. Разнообразие этих групп складывалось в единый красочный калейдоскоп идентичностей, ставший базой для формирования русской нации. Жизненный уклад каждого из русских субэтносов представляет собою значительный интерес как пласт культуры, несущий в себе массу ценных и полезных сведений о мире, человеке и его ценностях. В этом аспекте особый интерес представляют субэтноты Воронежской области, в частности — однодворческий субэтнос как субэтнос, воплощающий в себе множество архаичных черт, наличие которых отмечала Н. П. Гринкова: «В среде этой части населения особенно устойчивыми являются многие пережиточные этнографические черты, восходящие к глубокой древности» [1: 34]. В аспекте специфических черт однодворческих говоров интерес представляет название одного из кушаний, имеющего восходящее к древности происхождение — *калина*. Слово *калина* включается в выделяемый Т. В. Карасевой набор названий фруктовых каш. Кушанья данной группы характеризуются Т. В. Карасевой следующим образом: «Древнее тестообразное блюдо, которое готовится с помощью заваривания муки, иногда слегка прожаренной с последующим ее томлением в печи и добавлением следующих компонентов: яблок, груш, калины, вишен, сухофруктов, тыквы, свекольного сока, сахарной свеклы, кваса и т. п.» [3:

93]. С точки зрения В. Ф. Филатовой наличие слова *калина* является характерным признаком однодворческих говоров, отличающих, например, говор потомков однодворцев поселка Мировой Октябрь Борисоглебского района от говоров населяющих данное село потомков монастырских крестьян: «Калина и кулага – блюдо, представляющее собой тесто из ржаной муки, которая заваривалась кипятком, тесто затем ставилось солодеть, в него добавляли сушеные яблоки, калину или терн. Первую лексему называют потомки однодворцев, вторую – потомки монастырских крестьян» [8: 226]. Целью нашей статьи мы ставим рассмотрение слова *калина* в аспекте сохранения в нем ряда архаичных черт и особенностей значения, отраженных в современных русских говорах. Т. В. Карасева отмечает наличие слова *калина* в говорах Семилукского, Новохоперского, Эртильского, Бобровского, Нижнеусманского, Борисоглебского, Аннинского, Калачеевского, Терновского, Грибановского и Хохольского районов Воронежской области (см. подробнее [3: 313–314]). *Калина* и *кулага* могут рассматриваться как соответственные диалектные различия плана выражения, но *кулага* в отличие от *калины* характеризуется более стабильным и однородным содержанием, обозначает примерно одно и то же – кашу из ржаной или пшеничной муки, в которую могут добавляться фрукты, свекла, калина, но устойчивым компонентом которой всегда остается мука, залитая кипятком. Под словом *калина*, напротив, объединены несколько достаточно сильно различающихся между собой блюд. По информации, отраженной в Словаре русских народных говоров, *калина* может обозначать ‘род киселя’ в калужских говорах; в брянских и курских областях оно может обозначать ‘кушанье из солода и ягод калины’; в рязанских говорах – ‘кушанье, приготовляемое из теста с ягодами калины, паренного в печи’ или ‘ржаное запаренное тесто’; в курских говорах *калина* – это ‘кушанье из пареного теста с калиной или другими ягодами’; в московских говорах – это ‘запеканка из ржаной муки и яблок’ [4]. В работе Т. В. Карасевой представлены еще две дефиниции, записанные в воронежских говорах: ‘свекла, жаренная в мукe’ и ‘свекла с хлебом и ягодами калины’ (см. подробнее [3: 313–314]). Нам приходилось записывать описание этого блюда в речи бывшей жительницы села Дубровка Терновского района Мерзликиной Лидии Михайловны 1957 г. р., чье детство пришлось на 60–70 годы XX века: *Калина – заварное тесто, кипятком заваривали, а потом замешивали, получалась густоватой и сладковатой, ничего не добавляли* (запись речи информанта приводится без фонетической записи, поскольку фонетика говора не принципиальна для целей нашей работы), – примечательно, что, по словам Мерзликиной Л. М., калину еще готовили в пору ее детства, а также то, что в данном описании отсутствуют какие-либо упоминания о ягодах калины, добавляемых в это блюдо. Информантка не помнила о том, что в это блюдо добавляли какие-либо ягоды или фрукты. Таким образом, большинство описаний блюд,

104 объединенных названием *калина*, складываются в единый образ древнего славянского блюда, сочетающего в себе свойства киселя и каши (возможно, именно такое блюдо было представлено в Сказании о белгородском киселе из Повести временных лет). Из общего ряда блюд, объединенных в данный единый образ, в значительной степени выбиваются два определения, представленные в работе Т. В. Карасевой: ‘свекла, жаренная в муке’ и ‘свекла с хлебом и ягодами калины’.

Интерес представляет не только достаточно разнообразный характер блюд, объединенных словом *калина* и не связанных ни по сходству внешнего вида, ни по сходству консистенции, но и то, что слово *калина* совпадает полностью с названием одного из ингредиентов и на этом основании достаточно явно выпадает из общего списка названий продуктов питания, которые, как правило, представляют собою производные наименования, образованные суффиксальным способом от названий ингредиентов: *пшено* – *пшеник*, *лапша* – *лапшевник*, *мед* – *медовик*, *каша* – *кашник* и др. Остановимся подробнее на разных версиях происхождения слова *калина*, породивших оттенки значения, способствовавшие сохранению слова *калина* в неизменном словообразовательном облике в качестве названия блюда.

На наш взгляд, в своем неизменном виде данному слову помогла закреплиться его сохранившаяся связь с первоначальным значением, не ощущаемым явно современными носителями языка, а также связь с глаголом *калить*, которая получила свое эксплицитное выражение, например, в толковании, зафиксированной в словаре В. И. Даля: *Каленая калина, топленая, испеченная в вольном духу под наглухо замазанной тестом крышкою* [6].

Другие семы, сохранившиеся в слове *калина*, восходят, на наш взгляд, к тем же самым семам, которые, по мнению отдельных ученых, были свойственны слову *калина* в его наиболее известном значении, закреплённом в толковых словарях русского языка: ‘кустарник сем. жимолостных с белыми цветками и красными горькими ягодами’ (см. подробнее [7]). Версии о происхождении слова *калина* в значении ‘кустарник’ можно разбить на три группы. По первой, которая была представлена в словаре М. Фасмера, этимологически слово *калина* восходит к древнему слову, имевшему значение ‘куст с черными ягодами’ [9]. Две другие версии мы приводим по статье украинского исследователя Г. Пивторака – их можно обобщить следующим образом: 1) значение слова *калина* связано с цветом ягод калины, ассоциирующейся с каленым железом (данную версию ученый опровергал на том основании, что металлургия на тот момент еще не достигла такого развития, чтобы давать столь богатую почву для метафорического переосмысления названий ягод: «Широкий загаль народу не мав справи ні з виплавленням, ні з гартуванням заліза, отже, навряд, щоб назва рослини, виведена звідси, була настільки всім зрозумілою, що стала загальнонародною» [10: 84]); 2) слово *калина* ассоци-

ируется с древнеславянским корнем *kaľь, обозначающим ‘болото, грязь, топкое место’, которое не имело негативных ассоциаций, сложившихся к настоящему моменту, и было обусловлено, прежде всего, особенностями почвы, на которых, как правило, произрастает это растение [10: 84]. На наш взгляд, использование слова *калина* в качестве названия блюда сформировалось не только в результате переноса по смежности от названия ягоды, являющейся одним из ингредиентов (который зачастую может и отсутствовать в разного рода кушаньях, объединенных под рассматриваемым нами общим названием), но и в силу причин, обусловленных переносом по сходству и способу приготовления. Перенос по сходству обусловлен актуализацией исконных сем бесформенности и расплывчатости, наличие которых достаточно частотно в названиях различных жидких каш и супов – ср. в воронежских говорах: *размазня, болтушка, бреднюшка* и т. д. (см. подробнее [3]). С другой стороны, в названии *калина* могли быть актуализированы и семы нагревания, кипячения, получившие свое эксплицитное выражение в словаре В. И. Даля, а также в северных говорах и говорах позднего формирования – например, *калить* имеет значение ‘греть, согревать’ в новгородских говорах, ‘кипятить воду’ – в костромских говорах, ‘топить печь’ – в архангельских говорах [4], что несколько отличает диалектное значение от значения, сформировавшегося в современном русском литературном языке – ‘сильно нагревать на огне, на жару’ [7]. Слово *калина* может считаться примером того, как имплицитные архаичные черты могут влиять на бытование слова в русских говорах.

Литература

1. Гринкова Н.П. Воронежские диалекты // Ученые записки Ленинградского госпединститута им. А.И. Герцена. Т. 55. – Л., 1947. – 298 с.
2. Дьякова В.И., Хитрова В.И. Названия жилых и хозяйственных построек в современных Воронежских документах // Научный альманах. Традиционная культура. – № 2. – М., 2009. – С. 22–27.
3. Карасева Т.В. Названия пищи в воронежских говорах: Этнолингвистический аспект: дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2004. – 492 с.
4. Словарь русских народных говоров [Электронный ресурс]. Институт лингвистических исследований РАН. – URL: <http://iling.spb.ru/vocabula/srng/srng.html> (дата обращения: 10.09.2022).
5. Словари и энциклопедии [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/> (дата обращения: 10.09.2022).
6. Толковый словарь живого великорусского языка В.И. Даля [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovardalja.net/> (дата обращения: 04.08.2022).
7. Толковый словарь Ожегова [Электронный ресурс]. – URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения: 04.08.2022).
8. Филатова В.Ф. Говор поселка Мировой Октябрь Борисоглебского городского округа // Воронежское краеведение: традиции и современность:

106 | материалы ежегодной областной научно-практической конференции (Воронеж, 26 нояб. 2016 г.) / Воронежский областной совет краеведов. – Воронеж, 2017. – С. 216–226.

9. Этимологический словарь Макса Фасмера [Электронный ресурс]. – URL: <https://gufo.me/dict/vasmer> (дата обращения: 04.08.2022).

10. Півторак Г. До етимології слова «калина» / Мовознавство. – № 7. – С. 85–89.

Abstract. The article discusses the word «калина», which in Voronezh dialects is the name of an ancient fruit porridge, as well as a number of other dishes of various textures and compositions. It concludes that the name «калина» is separate from other dishes of this type, as well as the preservation of archaic semantic components in the semantics of the word «калина», which acts as the name of a dish.

Keywords: Odnodvortsy, food names, Voronezh dialects.

ИЕРАРХИЯ НАЗВАНИЙ ВНУТРИГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ КАБУЛА И МОСКВЫ В СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АСПЕКТЕ

Аннотация. В статье сопоставляются названия внутригородских объектов Москвы и Кабула. Топонимика Кабула и Москвы представлена в виде сложноорганизованной иерархической структуры, обладающей как рядом сходных, так и рядом отличающихся моментов. На вершине данной структуры находятся названия городов, характеризующихся неясной этимологией, ниже располагаются названия административных районов и округов, в основе образования которых лежит наиболее абстрактный признак, еще ниже располагаются названия улиц, которые в Кабуле образуются с использованием более архаичной модели, чем в Москве.

Ключевые слова: московская топонимика, афганская лингвокультура, Кабул, сопоставительный аспект.

Целью данной статьи мы ставим сопоставление иерархии топонимических единиц Москвы и Кабула, ориентируясь, как правило, на топонимику Юго-Западного района Москвы и Десятого района Кабула. Обратимся к вершинам двух данных иерархий – топонимам *Москва* и *Кабул*. Для названий городов, которые являются топонимами, находящимися на вершинах иерархических структур, связывающих воедино названия внутригородских объектов более низкого порядка, характерна неясная этимология, выражающаяся во множестве версий происхождения. Например, при изучении топонима *Москва* могут быть выделены три группы гипотез: славянская, балто-славянская, финно-угорская, рассмотрение которых является темой для самостоятельного исследования (о происхождении названия см. подробнее [4: 159–161]). Ученые, придерживающиеся этих версий, едины в одном – город получил свое название от одноименной реки *Москва*, на берегах которой располагался всегда.

Что касается версий о происхождении названия города Кабула, то они также характеризуются достаточным многообразием, представлены в виде топонимических преданий. По одной из версий, слово *Кабул*, которое раньше звучало как *Капул* (لپاک), восходит к речению *په لپ ځای* (‘со-ломенный мост’). Такое название сложилось на основе впечатлений местного короля, объезжавшего свои владения и увидевшего во время одного из

108 | странствий озеро с загадочным зеленым островом посередине, затем посетившего этот остров по соломенному мосту, наведенному по его приказу. На острове жили искусные музыканты, которые так очаровали короля своей игрой, что он решил построить здесь город, ставший впоследствии столицей Афганистана [2: 212]. Существует еще одна версия происхождения названия данного города, основанная на афганском выражении: لښکر د بآ, которое переводится как ‘вода между цветов’ или ‘река, текущая между цветочными берегами’ [3: 26].

В соответствии с третьей версией, город был известен в древние времена под названием *Кубха* (کوبها), восходящим к выражению ‘хорошее место для жизни в горах’. Данное название сложилось тогда, когда город был культурным центром зороастризма, буддизма и индуизма на территории, ставшей впоследствии Афганистаном.

Таким образом, мы можем видеть, что для единиц, занимающих самые верхние позиции в топонимической иерархии, характерен ряд признаков, среди которых можно выделить такие признаки, как спорность этимологии и возможная трансонимичность названия (возникновение названия в результате переноса с топонима, относящегося к другому классу).

Данный факт объединяет названия *Москва* и *Кабул*. На следующем уровне рассматриваемой нами иерархии находятся названия округов, построенные по сходным принципам, но различающиеся между собою по характеру признака, положенному в основу каждого из данных принципов. Названия округов Москвы и районов Кабула достаточно абстрактны и предполагают возможное расширение и дальнейшее добавление. В Москве названия округов образованы (за исключением Зеленоградского округа) от названия частей света (*Центральный, Северный, Северо-Восточный, Восточный, Юго-Восточный, Южный, Юго-Западный, Западный, Северо-Западный*), а в Кабуле – от порядкового номера: *Первый район – Нахия Авал – ناحیه اول; Второй район – Нахия Дувум – ناحیه دوم; Третий район – Нахия Совум – ناحیه سوم; Четвертый район – Нахия Чахамром – ناحیه چهارم; Пятый район – Нахия Пнджом – ناحیه پنجم* и др., примечательно, что если в Москве все названия районов сложились примерно в одно и то же время, то в Кабуле номер того или иного района соотносится со временем его появления – чем меньше число, составляющее номер, тем в более раннее время сформировался тот или иной район. Центр Кабула состоит из 22 районов. Кроме того, в Третьем и Шестом районах расположено множество коммерческих и государственных достопримечательностей. Наиболее урбанизированы север и запад города, в отличие от юга и востока. Двадцать второй район считается новым районом города, этот район появился 10 лет назад, потому что многие переехали сюда из округов и соседних провинций Кабула. Данный способ номинации детерминирует дальнейшее развитие каждого из данных территориальных

образований. В Москве название потенциально детерминирует территориальное развитие в одном из направлений, в Кабуле – развитие посредством включения еще одного члена в данный числовой ряд.

В Москве существует еще один уровень административного деления, в соответствии с которым округа делятся на районы, образованные от названий деревень, бывших на месте данных районов: *район Алтуфьевский – Алтуфьевское шоссе – Алтуфьево*, район *проспект Вернадского* – городская магистраль и станция метрополитена «Проспект Вернадского» и др. Названия районов могут быть образованы как от старых московских районов (*Арбат, Сокольники*), так и от названий бывших подмосковных населенных пунктов: *Бабушкинский* (от города *Бабушкин*), *Вешняки* (от поселка *Вешняки*). Такому принципу переноса уже существующего названия на новый административно-географический объект Забелин дал определение «топонимическая экстраполяция» [1], которое, на наш взгляд, является синонимом термину «трансонимизация», также используемому для обозначения данного явления (см. [5]).

В соответствии с этим принципом, реализованным в той или иной степени, возникли названия микрорайонов Москвы, входящих в том числе и в Юго-Западный административный район (*Северное Бутово, Зюзино, Коньково, Теплый Стан, Ясенево* и т. д.), на которых мы не будем останавливаться в силу отсутствия у него аналогов в городской топонимике Афганистана.

В Кабуле подобный тип названий, как и уровень территориального деления, отсутствует, но есть образования, похожие на советские микрорайоны и названные словом, образованным от заимствованного *микрорайон*. Внутригородские территориальные образования, соответствующие русским микрорайонам, были построены в Кабуле за время советского присутствия. Само русское слово *микрорайон* получило распространение среди местных жителей в виде слова *ناىوړكم*, которое в упрощенной фонетической записи звучит как *микроян* (иногда в Афганистане произносят и пишут это как *ناىوړوكم*, что звучит почти как русское *микрорайон*). Это слово употребляют как местные жители, так и западные журналисты, которые пишут о данном явлении. Советские дома строили на северо-востоке Кабула, недалеко от аэропорта. Даже некоторые улицы афганской столицы получили названия на основе именованного данного топообъекта (например, *ناىوړكم Улица Микроян*).

Нами было выявлено, что в принципах именования улиц и в распространенности разных номинативных типов Москвы и Кабула внешне больше схожих, чем отличительных черт, а существующие различия обусловлены причинами не столько лингвистического характера, сколько характера исторического – разницей во времени вхождения того или иного объекта в городскую черту с последующим его развитием и строительством по принципам, характерным для крупных городов своего времени. Названия улиц

110 Кабула часто образуются от названий профессий: *Гозар-е Ахенгар* (Улица Кузнецов *چوگ یرگنه*), *Гозар-е Калали* (Гончарная мастерская улица *چوگ یرگنه*), *Гозар-е Танорсази* (Улица Тандыров *چوگ یزاس رونت*) и др. Данный тип именования является очень архаичным, он сложился в те времена, когда города играли роль ремесленных центров. В основе названий улиц, именуемых в соответствии с данным типом, лежат названия ремесленных слобод (*Гончарная улица* – по *Гончарной слободе*).

В Москве сохранились названия исторических районов, образованных по данному типу (*Хамовники, Печатники, Кожевники, Котельники* и др.), но в рассматриваемом нами Юго-Западном административном округе представлено крайне незначительное количество таких названий. К ним можно отнести *Хлебобулочный проезд* (по расположенному здесь кондитерско-булочному комбинату «Черемушки»), *Типографская улица* (по расположенной здесь Щербинской типографии), *Фруктовая улица* (по названию бывшего барачного поселка «Фруктовка», который, в свою очередь, был назван по фруктовому саду, находившемуся на этом месте (*Коробковский сад*) – надо сказать, что в названиях подобного типа представления о примете места и роде занятий переплетены теснейшим образом. К похожим по способу образования названиям можно отнести такие популярные в российских городах номинации, как *Дачная улица* или *улица Строителей*, которые также представлены среди названий ЮЗАО. В них содержатся указания как на характер строений, так и на род занятий, но данные характеристики представлены здесь в более абстрактном виде, если сравнить их с названиями типа *Типографская улица* или *Хлебобулочный проезд*. Таким образом, можно сказать, что обилие названий, образованных от названий профессий, характерное для Десятого района Кабула и отсутствующее в Юго-Западном округе Москвы, связано с более ранним характером застройки рассматриваемого нами района Кабула.

Еще одним архаичным типом именования, отраженным в названиях улиц Десятого района Кабула в большей степени, чем в рассматриваемом нами районе Москвы, являются наименования, сложившиеся на основе агиотопонимов. По данному принципу в Десятом районе Кабула образовано несколько названий улиц, в составе которых представлены наименования мечетей: *улица Мечеть Поли Хешти* (*یتشخ لپ دجسم کرس*), *улица Мечеть Шах До-Шамшера* (*هری شمش ود هاش دجسم کرس*) – название мечети, входящей во второе из рассматриваемых нами именований, переводится как *Мечеть Царя Двух Мечей*. Нам приходилось сталкиваться с историей о том, как один русский журналист приехал в Кабул, увидел эту мечеть и сказал, что ее построили русские инженеры. Он назвал ее «мечетью Николая II». Хотя никаких доказательств данного факта нам обнаружить пока не удалось, необходимо отметить, что архитектура этой мечети очень похожа на русскую храмовую архитектуру, поэтому вполне возможно, что она могла быть построена рус-

скими инженерами, присланными Николаем II. Что касается подобных же наименований Юго-Западного округа города Москвы, то здесь они встречаются намного реже – одним из ярких именований, относящихся к данному типу, является *Андреевская набережная*. Свое историческое название Андреевская набережная получила в 1902 году по расположенному здесь Андреевскому ставропигиальному мужскому монастырю Русской православной церкви.

Наиболее распространенным типом именования улиц Юго-Западного округа города Москвы, реализующим новую модель, являются названия улиц, образованные от фамилий видных деятелей науки и культуры. Для ЮЗАО – округа, в котором расположено большое количество университетов, характерно обилие наименований, включающих в себя фамилии ученых: *улица Бутлерова, улица Введенского, улица Вавилова* и др. Для улиц Кабула, образованных по данному типу, характерно образование названий, сложившихся на основе фамилий военных и политических деятелей.

Одной из ярчайших фигур, увековеченных в названиях улиц, является Везир Акбар Хан (وزير اكبر خان) – афганский политик и военный, активно участвовавший в Первой Англо-афганской войне, в честь которого названо большое количество улиц в Десятом районе на севере Кабула.

Также в ЮЗАО широко представлены улицы «выездного типа», якобы указывающие на направление пути: *улица Севастопольская, улица Северодонецкая, улица Изюмская, улица Краснодарская* и т. д. Надо отметить, что эти названия сформированы по чисто внешнему блочному типу – с улицы *Севастопольской* не проще попасть на территорию Крыма, чем с какой-либо другой улицы Москвы. В данном случае важна объединенность всех названий южной тематикой, соотносимой с названием Юго-Западного административного округа и отличающейся от названий улиц северных районов Москвы, часто содержащих фамилии покорителей Севера: *Берингов проезд, проезд Дежнева, улица Летчика Бабушкина* и др. Для Кабула названия подобного типа нехарактерны. Кабульские улицы пока больше хранят память об истории мест, по которым они проходят, и это больше роднит их с улицами центра Москвы, имеющими многовековую историю.

Таким образом, сопоставление принципов номинации Москвы и Кабула позволяет нам сделать вывод о лежащих в их основе общих принципах именования, которые носят универсальный характер и отличия между которыми носят скорее исторический, но не лингвистический характер, отражают более традиционную модель именования внутригородских объектов, которая при дальнейшем расширении города будет дополнена названиями нового типа.

Литература

1. Забелин Н.Ю. Московская городская топонимия: структурно-семантический анализ [Электронный ресурс]. – 2007. – URL: <https://www.disserscat>.

112 | com/content/moskovskaya-gorodskaya-toponimiya-strukturno-semanticshii-analiz-toponimicheskoi-sistemy (дата обращения: 24.05.2022).

2. Мир Гулам Мохаммад Губар. Афганистан на пути истории. – Кабул, 2000. – 812 с. (میر غلام محمد غبار. افغانستان در مسیر تاریخ. جلد دوم, سال چاپ 1380, 812 ص.)

3. Мохамма Хуссаян Ямин. Исторический Афганистан // Принципы именования городов, гор и рек. – Кабул, 2001 (1380). – 311 с. (روسى فورپ) کرمش, امرمش یرانگمان هفسلف: ىخىرات نانتسناغفا. نیمى نیس ح دمحم روتکود (ص. 311, 1380. لىباک. اداىرد و اه موک, اه).

4. Смолицкая Г.П. Занимательная топонимика. – М.: Просвещение, 1990. – 128 с.

5. Тельпов Р.Е. Грибань и Грибановка: словообразовательные процессы при трансонимизации / Славянские этносы, языки и культуры в современном мире. Материалы VII Международной научно-практической конференции, посвященной 95-летию со дня рождения доктора филологических наук, профессора Леонида Михайловича Васильева. – Уфа, 2021. – С. 222–226.

Abstract. The article compares the names of inner-city objects of Moscow and Kabul. The toponymics of Kabul and Moscow are presented in the form of a complex hierarchical structure with both a number of similar and a number of different points. At the top of this structure are the names of cities characterized by unclear etymology, below are the names of administrative districts, the formation of which is based on the most abstract feature, even lower are the names of streets that are formed in Kabul using a more archaic model than in Moscow.

Keywords: Moscow toponymy, Afghan linguoculture, Kabul, comparative aspect.

НЕОПРЕДЕЛЕННО-ЛИЧНОСТЬ И ОЦЕНОЧНОСТЬ: ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. В фокусе исследования – некоторые типы употребления русских неопределенно-личных предложений, сопряженные с трансляцией оценки в рамках перспективы текста. Неопределенно-личные предложения не предназначены к выражению собственно аксиологических значений, но в силу специфики семантики неопределенного лица они формируют прагматические эффекты, которые активно взаимодействуют со стратегиями передачи оценки. Материал исследования – русские переводы англоязычных художественных текстов, включающие эти особые (не имеющие в английской грамматике прямых коррелятов) синтаксические конструкции.

Ключевые слова: неопределенно-личные предложения, семантика, прагматика, оценка.

В этой статье мы рассмотрим типы употребления неопределенно-личных предложений, тесно связанные с трансляцией оценочных смыслов. Попробуем ответить на вопрос: почему такие предложения, не содержащие в своей семантике аксиологических характеристик, активно используются говорящими в контексте выражения оценочного отношения к действительности? Особенно показательны в этом плане художественные тексты, возникшие в результате перевода с языка, в котором неопределенно-личные конструкции отсутствуют, – например, с английского. Переводчики регулярно привлекают русские неопределенно-личные предложения при оформлении фрагментов, воплощающих аксиологически окрашенную точку зрения, и случаи такого рода типичны – они позволяют наметить ряд тенденций во взаимодействии неопределенно-личности и оценочности. Проведенное нами исследование опирается на соответствующий материал: проанализировано 126 русских переводов 26 англоязычных нарративов, все тексты созданы в период с конца XIX по начало XXI века.

Сама по себе семантика конструкций типа *За окном поют* не имеет связи с оценочной шкалой. Однако, как отмечала Е. М. Вольф, любое «безразличное для оценки» может быть интерпретировано в аксиологическом ракурсе, если оно соприкоснется со сферой интересов субъекта модуса (говорящего или слушающего) [2]. Такое соприкосновение, на наш взгляд, происходит опосредованно – не в зоне семантики, а в зоне прагматики, а уже затем обо-

114 | гашает «комбинаторные» потенции самой конструкции в дискурсе, дает ей возможность вкупе с лексическими средствами участвовать в выражении оценочно окрашенной точки зрения. При этом специфическая прагматика неопределенно-личных предложений в свою очередь сформирована их семантическими характеристиками. Рассмотрим эту взаимосвязь подробнее.

Первый тип употребления неопределенно-личных предложений, который мы выделим, связан с реализацией так называемой **прагматики отчуждения**. Как она возникает? Обратимся вначале к семантике. Как известно, неопределенно-личные предложения акцентируют так называемую «исключенность говорящего» [3: 116] из круга действующих лиц. «Во всех случаях референция производится к «посторонним», к лицам, из числа которых исключается протагонист» [1: 341]. Представляется, что отмеченное исследователями дистанцирование говорящего от субъекта диктума является специфическим эгоцентрическим смыслом, часто сопутствующим использованию предложений с неопределенно-личным субъектом. Актуализируя оппозицию *свое – чужое*, это дистанцирование может быть осмыслено по аналогии с дейктическим противопоставлением *Я – НЕ-Я*. Смысловое противопоставление нередко сопровождается оценочным окрашиванием чужого как **чуждого**, порой недружественного – такой эффект возникает уже на уровне прагматики: «Оставили его одного, побежали развлекаться, а не получилось. Или: Слушали меня холодно, глядели отчужденно» (Н. Ильина), цит. по [1: 346]. Эффект обусловлен тем, что «личная сфера изначально оценивается говорящим положительно: как правило, ‘то, что связано со мною, – хорошо’» [6: 46].

Фокус эмпатии может смещаться и более радикально: как пишет Т. В. Булыгина, произнося фразу *Говорят тебе русским языком*, говорящий словно «покидает» собственную дейктическую позицию, становясь для адресата «чужим», посторонним, враждебно настроенным деятелем [1: 341]. Добавим, что в предложениях типа *Намусорили, напачкали тут!* подразумевающих конкретного адресата, негативная эмоция подчеркивается его перемещением в зону неопределенного, т. е. чуждого говорящему субъекта.

Отмеченный нами выше смысл *чужой (не-я)* у предложений с неопределенно-личной семантикой способствует формированию прагматики отчуждения и объясняет тот факт, что авторы и переводчики предпочитают подобные конструкции для воплощения оценочной точки зрения. Обладая специфическим формальным устройством, неопределенно-личное предложение выбирается в качестве переводного эквивалента разнообразных иноязычных двусоставных предложений не автоматически, а осознанно. Результаты сопоставительного исследования показывают, что это регулярно происходит, когда речь в сюжете произведения идет о противопоставленных протагонисту персонажах. Например:

О. Уайльд «Счастливый принц»	
And now when I am dead they have set me up here so high that I can see all the ugliness and all the misery of my city.	И вот теперь, когда я уже неживой, меня поставили здесь, наверху , так высоко, что мне видны все скорби и вся нищета моей столицы. (Пер. К. Чуковского, 1960)
So they pulled down the statue of the Happy Prince.	И свергли статую Счастливого Принца. (Пер. К. Чуковского, 1960)
О. Уайльд «Преданный друг»	
You will never be in the best society unless you can stand on your heads.	Если вы не научитесь стоять на голове, вы никогда не примут в хорошее общество. (Пер. Ю. Кагарлицкого, 1960)
Э. По «Рукопись, найденная в бутылке»	
I have often been reproached with the aridity of my genius; a deficiency of imagination has been imputed to me as a crime.	Меня часто упрекали в сухой рассудочности, недостаток фантазии вменялся мне в вину как некое преступление (Пер. М. Беккер, 1976)
Р. Брэбери «Убийца»	
"I did join fraternities, picket, pass petitions, take it to court. Year after year I protested. Everyone laughed ".	Я уже вступал во всякие общества, вышагивал в пикетах, подавал петиции, обращался в суд. Я протестовал годами. И везде меня поднимали на смех . (Пер. Н. Галь, 1976)
К. С. Льюис «Хроники Нарнии»	
"And so would you, <...> if you'd lived all your life in the country <...>, and a river at the bottom of the garden, and then been brought to live in a beastly hole like this ".	«Ты небось тоже бы разревелась, если бы всю жизнь прожила в деревне, в домике над рекой <...>, а потом тебя притащили бы в эту проклятую дыру! » (Пер. Д. Афиногенова, 2003)

Особый интерес для исследования представляет сопоставление последовательных редакций перевода, созданных кем-либо из мастеров переводческого цеха. В таблице ниже приведены две редакции перевода рассказа Рэя Брэбери "Tomorrow's child", предложенные Норой Галь. Работая над текстом о маленьком мальчике, переводчица намеренно заменила близкое к оригиналу двусоставное предложение с определенно-личным субъектом (*Они задрязнят его до смерти*) неопределенно-личным вариантом (*Его в два счета задрязнят до смерти*), выводящим обозначение агрессивного деятеля за пределы текста, фокусирующим внимание читателя на состоянии жертвы издевательств:

R. Bradbury "Tomorrow's child"	1 редакция перевода Норы Галь	2 редакция перевода Норы Галь
This child can't be allowed to have normal playmates; why, they'd pester it to death in no time.	Этому ребенку нельзя будет иметь обычных товарищей, ему не с кем будет играть – они его задрязнят до смерти. (Пер. Н. Галь, 1975)	Этому ребенку нельзя будет иметь обычных товарищей, ему не с кем будет играть – ведь его в два счета задрязнят до смерти. (Пер. Н. Галь, 1983)

Неудивительно, что реализация прагматики отчуждения при помощи неопределенно-личных предложений регулярно поддерживается эгоцентриками с оценочно-эмотивной семантикой: в приведенных выше фрагментах нарративов реализуются негативные смыслы, характеризующие враждебное или просто чуждое окружение героя, его бедственное положение, страдания, способные вызвать эмпатию читателя.

Второй интересующий нас тип употребления неопределенно-личных предложений реализует **прагматику дефокусирования**. Неопределенность личного субъекта в предложении может быть следствием нежелания говорящего концентрировать на нем внимание: *Когда уже мне погладят рубашку?* Такая ситуация, безусловно, связана с оценкой, но иным образом. Е. Н. Никитина справедливо замечает, что в текстах XIX века неопределенно-личные конструкции часто используются при обозначении действий слуг, подчиненных, которые как бы «не имеют личностных, индивидуальных черт <...>, уподобляются инструменту, обслуживающему героя» [5: 51]. Действительно, во фразах типа «Вам князь, подвязывали салфетку за кушаньем?» (Ф. М. Достоевский) или «Несут на блюдечках варенья» (А. С. Пушкин) деятель в соответствии с оценочной установкой, со стереотипом говорящего как бы не заслуживает упоминания. При этом само по себе «затушевывание» субъекта диктума, перемещение его в область фона высказывания, дефокусирование – это явление уровня прагматики, которое может воплощаться в языке разными способами [4; 7]. В европейских языках сходную прагматическую функцию реализует пассивный залог, в русском же языке, как мы знаем, страдательные конструкции тяжеловесны, и неопределенно-личные предложения зачастую представляются переводчикам удобным стилистическим решением при передаче «дефокусирующего» пассива.

Э. По «Прыг-Скок»	
The king and his ministers were first encased in tight-fitting stockinet shirts and drawers.	На короля и его министров прежде всего надели плотно прилегающие белые балахоны из полшерстяной материи. (Аноним. пер., изд. И. Д. Сытина, 1908)
Р. Брэдли «Водосток»	
Juliet looked slowly up from her work. “You are my sister, aren’t you, Anna? You were born , weren’t you?”	Джюльет не сразу оторвала глаза от вышивки: – Анна, ты ведь моя сестра, разве нет? Тебя родили – так? (Пер. С. Сухарева, 2009)

В подобных примерах оценка не выражена явно, ее можно и не заметить. И все же, как уже было сказано выше, исключение протагониста из зоны внимания обусловлено установкой говорящего, считающего субъект диктума не стоящим упоминания. Такая установка имеет аксиологическую составляющую. В художественной литературе подобные контексты демонстрируют нам приоритеты говорящих, их взгляд на мир и окружающих. Иногда он подается как нормативный, иногда – как отклоняющийся от оценочных установок автора и читателя.

Наиболее яркие из обнаруженных нами примеров связаны с решениями переводчиков ввести неопределенно-личные предложения в тех случаях, когда протагонист не является ни неопределенным, ни личным – и все же именно такая конструкция наилучшим образом помогает передать отчуждение и дефокусирование, воплотить оценочный взгляд на ситуацию. Так, в переводе повести анималиста Дж. Даррелла поросенок обижается на свинку, которая больше не хочет с ним играть:

He used to become very incensed at being ignored .	Его очень оскорбляло, что им пренебрегают .
---	--

Неназванный деятель здесь чужд персонажу, с точки зрения которого подана ситуация, он представлен как недружелюбный. Его действие, или вернее бездействие, «оскорбительно» для героя – именно оно выдвинуто в зону фокуса. В некотором смысле для этого героя событие оказывается важнее второго участника, который к тому же дистанцирован. Так реализуется субъективная оценка происходящего, позволяющая нам безошибочно определить перспективу – взгляд обиженного поросенка на поведение неверной подруги.

Итак, несмотря на то, что сами по себе неопределенно-личные предложения не предназначены к выражению аксиологических смыслов, некоторые особенности их семантики обуславливают появление устойчивых прагматических эффектов, влияющих на общую оценочно окрашенную трактовку контекста. Исключенность говорящего из сферы субъектов диктума может порождать ощущение отчужденности субъекта речи от действующих лиц, его идеологической противопоставленности им. Неопределенность деятеля также часто сопутствует трактовке его как неважного или нежелательного для упоминания – так реализуется прагматика дефокусирования. Значение лексем, наполняющих конструкцию, взаимодействует с ее, так сказать, семантико-прагматической предрасположенностью, и в итоге оценка говорящего или мыслящего субъекта проявляется в тексте – читатель ощущает его пристрастия и приоритеты.

Конечно же, далеко не все типы употребления неопределенно-личных предложений связаны с выражением оценки. Мы не транслируем ее, когда с помощью таких конструкций указываем на свою неосведомленность или вежливо умалчиваем об известном. Однако нельзя не обратить внимание, что именно предрасположенность подобных предложений к выражению оценочного отношения, возможность взаимодействия их семантики и прагматики с соответствующими характеристиками оценочно-эмотивной лексики в ряде вышеописанных случаев влияют на выбор переводчиков, создающих русскоязычные версии зарубежных художественных произведений.

Литература

1. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.
2. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки. Изд. 2-е, доп. – М.: УРСС, 2002. – 280 с.
3. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. – М.: ИРЯ им. В.В. Виноградова, 2004. – 544 с.
4. Ирисханова О.К. Игры фокуса в языке. Семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – 320 с.
5. Никитина Е.Н. Другие в синтаксической конструкции, в образной системе и в развитии сюжета // Gramatyka a tekst. Ed. H. Fontański, J. Lubocha-Kruglik. Katowice. – Т. 4. – 2014. – С. 45–61.
6. Норман Б.Ю. Лингвистическая прагматика (на материале русского и других славянских языков): курс лекций. – Минск: БГУ, 2009. – 183 с.
7. Уржа А.В. Первый план и фон в повествовательном тексте: нарратология, лингвистика, когнитивные исследования, переводоведение. Монография. – М.: Флинта, 2022. – 288 с.

Abstract. The study is focused on the several types of using Russian indefinite personal sentences employed for expressing evaluation within the text perspective. Indefinite personal sentences are not initially presumed for denoting axiological meanings. Nevertheless semantics of indefinite person produces specific pragmatic effects that are employed in general strategies of expressing evaluation. The material for the research includes Russian translations of English literary texts, where indefinite personal sentences were used by translators.

Keywords: indefinite personal sentence, semantics, pragmatics, evaluation.

АНТРОПОНИМЫ КАК ИДЕНТИФИЦИРУЮЩИЕ ФРАГМЕНТЫ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

Аннотация. Статья раскрывает отражение личностных систем ценностей и идентификаций в антропонимах при глобализации и посвящена проблеме исследования антропонима.

Ключевые слова: антропонимы, идентификация, фрагмент, языковая картина мира.

Современное общество сталкивается с процессом глобализации. По мере развития глобализации все активнее обсуждаются взаимоотношения и взаимосвязи между мышлением, языком и общением с окружающими, проводятся различные исследования, и изучение языковой картины мира находится в центре данных исследований.

Современные исследования языковой картины мира имеют два направления: с одной стороны, предпринимаются попытки реконструировать общую систему репрезентации, отраженную в данном языке, путем систематического семантического анализа лексики. С другой стороны, считается, что определенные языковые концепции являются «ключами» к данной культуре.

Антропонимы – идентифицирующие фрагменты языковой картины мира, могут быть использованы как материалы для решения проблем взаимоотношений и взаимосвязей между языком и культурой. Антропонимы отражают культурно-историческую и духовную картину того или иного народа, являются одним из важнейших компонентов языковой картины мира.

Как известно, идентификация и процессы, связанные с языковой картиной, играют значимую роль в жизни человека как личности. Мировосприятие человека отражается в языке, и конкретные способы и процессы реализации этой деятельности воплощаются в речи.

Когда мы говорим о понятии антропонима, первое, что приходит на ум, это язык. Можно сказать, формирует языковую личность язык. Как считает В. А. Маслова, любую личность, которая владеет каким-либо естественным человеческим языком, можно моделировать как языковую личность [7: 47–48].

В. И. Карасик дает определение языковой личности с точки зрения языка и речи. На его взгляд, на настоящем (антропоцентрическом) этапе развития языкознание раскрывается как языковое сознание и коммуникативное поведение. Языковая личность – «обобщенный образ носителя культурных,

120 языковых и коммуникативных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [6: 298].

Некоторые ученые дают два варианта понятия языковой личности: индивидуальная языковая личность и коллективная языковая личность. Действительно, что этноязыковая языковая личность имеет и индивидуальную сторону, но чаще всего языковая личность вообще рассматривается как социальное явление, тесно связанное с языковой картиной мира.

Понятие «языковая картина мира» широко признано и популярно в связи с антропоцентрическим аспектом современных лингвистических исследований и рассматривается как важная составная часть картины мира человека. Языковая картина мира представляет собой совокупность знаний о мире, которые отражены в языке, а также способы получения и интерпретации новых знаний [10].

В. фон Гумбольдт был одним из первых лингвистов, сосредоточившихся на этническом содержании языка и мысли. Язык – это самый важный способ, с помощью которого люди формируют знания о мире. Работы В. фон Гумбольдта оказали огромное влияние на исследования лингвистов. Основоположителем европейского неогумбольдтианства считается Й. Л. Вайсгербер, который первым ввел сам термин «языковая картина мира» в научную терминологию, отмечая, что в языке конкретного сообщества живет и воздействует духовное содержание, сокровище знаний, которое по праву называют картиной мира конкретного языка [2].

Й. Л. Вайсгербер указывал, что картина мира отражается в лексике языка, а понятие картины мира всецело связано с языком. Его теория языковой картины мира связана с ее идейными, субъективно-национальными, своеобразно-расовыми аспектами идентичности, то есть особый взгляд на мир выражается в языке народов.

В родном языке каждого народа устанавливается определенное мировоззрение, судьба народа тесно связана с его языком, а язык может отражать весь путь этого народа. В. А. Маслова отмечает, что языковая картина мира – это общекультурное достояние нации, она структурирована, многоуровневая. Именно языковая картина мира обуславливает коммуникативное поведение, понимание внешнего мира и внутреннего мира человека. Она отражает способ речемыслительной деятельности, характерной для той или иной эпохи, с ее духовными, культурными и национальными ценностями [7].

По мнению В. фон Гумбольдта, разные языки – это не различные обозначения одного и того же предмета, а разные видения его [5: 13]. К. А. Ниетбайтеги указывает, что лексические основы антропонимов репрезентируют национальное миропредставление, миропонимание, мировосприятие. Если «представление общей картины мира с помощью языка служит основой вербальной, языковой картины мира», то в антропонимии как части лекси-

ки национального языка находят выражение фрагменты общей языковой картины мира [9], так как в любой языковой картине мира антропонимы являются «важнейшим звеном, связывающим человека с непосредственным окружением и обществом в целом» [11: 145]. Все больше и больше ученых стали обращать внимание на этот аспект.

Антропонимика возникла из ономастики в 1960–1970 годах. Нет сомнений в том, что антропонимика изучает антропонимы. Антропоним представляет собой единичное имя собственное или совокупность имен собственных, идентифицирующих человека. В более широком смысле это имя любой персоны: вымышленной или реальной [4].

С. И. Влахов и С. П. Флорин считают, что носителями национального колорита являются все имена собственные, а в особенности антропонимы [3: 238].

Т. В. Шпар, что антропонимические исследования позволяют раскрыть суть социальных процессов, поскольку в имени отражаются не только сведения об отношениях людей, их этнической и религиозной принадлежности, но и социальном статусе, территориальном распространении, популярности/непопулярности, социальной и культурной жизни общества [12: 7].

В. Д. Бондалетов отмечает, что для социолингвистического изучения самый обильный материал представляют собой антропонимы, поскольку они теснее всего связаны с людьми и теми социальными отношениями, которые существуют в человеческом обществе [1: 18].

Антропонимы представляют собой результаты совместного влияния истории, культуры, религии, общества и других факторов. Антропонимы должны быть красивыми, современными или некрасивыми, традиционными? Обычно это субъективно и зависит от многих внешних обстоятельств, от народа данного языка, от окружающей среды, в которой живут носители антропонимов, от их интересов и желаний.

В современном обществе люди все еще могут видеть отражение тотемов животных в фамилиях. Например: Быков, Волков, Медведь... А терминологическая категория «этническая принадлежность» показывает стремление к самоэтнической идентификации, выражает этнические различия через антропонимы и отражается в языке данного народа. Например: Мирослав, Святослав, Ярослав, Владислав (в русской семье); Гарри, Оливер, Джон, Мэри (в английской семье); Андриан, Афина, Дионис, Эллада (в греческой семье); Гертруда, Герберт, Арнольд (в семье немцев).

Язык не стоит на месте, он эволюционирует и совершенствуется, приспосабливаясь к изменениям, происходящим в обществе. Антропонимы также будут меняться вместе с языком, и эти изменения бесконечны. В соответствии с историческими и лингвистическими тенденциями времени будут создаваться новые антропонимы.

122 | Таким образом, антропонимы являются идентифицирующими фрагментами языковой картины мира, частью языковой картины мира и наиболее яркой репрезентацией лингвокультуры. Антропонимы могут отражать развитие культурной и исторической жизни, а также национальный менталитет и систему ценностей народа данного языка.

Литература

1. Бондалетов В.Д. Ономастика и социолингвистика // Антропонимика. – М.: Наука, 1970. – С. 17–23.
2. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: УРСС эдиториал, 2004. – 232 с.
3. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. – Изд. 5. – М.: Р. Валент, 2012. – 406 с.
4. Вежбицкая А. Личные имена и экспрессивное словообразование // Язык. Культура. Познание. – М.: 1996. – С. 89–200.
5. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию: сборник трудов. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
7. Маслова В.А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 296 с.
8. Маслова В.А. Homo lingualis в культуре. – М.: Гнозис, 2007. – 320 с.
9. Ниетбайтеги К. А. Когнитивный подход к изучению антропонимов // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию Казанского университета (Казань, 4–6 октября 2004 г.): Труды и материалы / под общ. ред. К.Р. Галиуллина. – Казань: Казанский университет, 2004. – С. 231.
10. Пименова М.В. Введение в когнитивную лингвистику. – Кемерово, 2004.
11. Рылов Ю.А. Аспекты языковой картины мира: итальянский и русский языки. – М.: Гнозис, 2006. – 304 с.
12. Шпар Т.В. Прозвищные антропонимические номинации в социолингвистическом аспекте: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Уфа, 2012. – 21 с.

Abstract. The article reveals the reflection of personal systems of values and identifications in anthroponyms under globalization, and is devoted to the problem of studying the anthroponyms as identifying fragments of the language picture of the world.

Keywords: anthroponyms, identification, fragment, language picture of the world.

СООТНОШЕНИЕ ЦЕННОСТНЫХ КОНСТАНТ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ В РАЗНЫХ ЧАСТЯХ ЛОГОСФЕРЫ – ПРИЗНАКИ УСТОЙЧИВОСТИ И НЕСТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. В статье анализируются системные свойства, сходства и различия представлений о действии концептов культуры – концепта ГРЕХ (на примере представлений о краже) и концепта ПРОЩЕНИЕ в разных частях логосферы двух народов, английского и русского, на примерах сказок The Master and His Pupil, «Безногий и слепой богатыри», а также текстов романов «Приключения Оливера Твиста» Ч. Диккенса и «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского.

Ключевые слова: лингвокультурология, логосфера, дискурс, концепт культуры, системность.

Вопросы изучения вербальных текстов в междисциплинарных исследованиях традиционно входят в проблематику общего языкознания: философия языка (соотношение познавательной и речевой деятельности – лингвокогнитивистика, референтная и экспликативная функции языка), психолингвистика (добавляются аспекты изучения экспрессивной и апеллятивной функций языка), социоллингвистика (изучение влияния различных социальных факторов на формирование общих и специфических характеристик функционирования языкового кода), в том числе – лингвокультурология, в цели которой входят задачи выявления влияния культуры на всех уровнях языковой структуры, в разных типах коммуникации – этносемиотическая функция языка в речевых актах разного типа. Именно в лингвистической функционально-семиотической парадигме вопросы изучения универсальных и специфических черт индивидуальной, социальной, в том числе – национальной, культурно-обусловленных картин мира приобретают особую актуальность, в том числе в связи с анализом описания действия констант национальной культуры в синхронном и диахронном аспектах.

Многочисленные труды российских и зарубежных ученых посвящены анализу связи языка и культуры в рамках как частного языкознания, так и при сопоставлении языков, что имеет важное значение не только для филологии, этнологии, культурологии, но и для переводоведения, а также преподавания родного и иностранного языков.

В нашей статье поставлен вопрос соотношения констант культуры разного типа в системе концептосферы для определения особенностей их функционирования в разных частях логосферы, с одной стороны, и попыток определения степени устойчивости системных характеристик концептов в синхронии и диахронии – с другой. Сложность поставленной цели требует в рамках отдельной статьи определенных ограничений рассмотрения материала, а также круга выделенных концептов культуры для верификации предположений, что позволяет надеяться на результативность анализа даже на небольшом материале и на продолжение исследования в сфере лингвистической функционально-семиотической парадигмы всей концептосферы.

Если следовать традиции, то концепт понимается как понятие, отражающее квант знания [1; 3; 5]. Так, В. И. Карасик определяет концепты следующим образом: «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [5: 8]. Важно подчеркнуть необходимость установки описывать связи когнитивной и языковой картин мира, что проявляется в многочисленных работах, как, например, в книге З. Д. Поповой и И. А. Стернина [7].

Концепт культуры понимается в традиции работ Ю. С. Степанова [9] как элемент национальной языковой картины мира, фиксирующий национально-культурные ценности, способствующие национальной и культурной самоидентификации Человека в разные исторические периоды истории. Важно подчеркнуть, что Ю. С. Степанов выделяет несколько «пластов» формирования представлений о концепте культуры – исторического и актуального, причем подчеркивается связь концепта и способов его представления в языковом коде, что важно для нашего исследования. В диссертации Г. И. Богина рассматривается связь интерпретации национальной языковой личности в связи с характеристикой текстов, представленных в разных частях логосферы [2]. Строение же логосферы в нашей статье трактуется в традиции Ю. В. Рождественского [8].

Здесь следует оговорить необходимость сопоставления лингвокогнитивного и лингвокультурного анализа при исследовании элемента системы национального языкового кода на лексическом уровне. Приведем только один пример: опираясь на предложенную типологию концептов культуры, выделим только один когнитивный концепт **ХИЩЕНИЕ**, представленный в языке семантическим полем *хищение, присваивание, кража, воровство, ограбление, обкрадывание, разбой*, а также, если учитывать объект кражи, *умыкание, угон, растрата* и др. Психический образ представления о хищении в индивидуальной, социальной, национальной картинах мира включает различные презентации типичных случаев присвоения чужого – хищение при отъеме как материальных, так и духовных ценностей. Естественно, что это понятие должно быть проанализировано в разных дискурсах – напри-

мер, в юридическом и в бытийном. Нужно обратиться к терминологическим и толковым словарям для выявления пересечений и разграничения значений, например, лексемы «кража» в составе национального кода русского языка и термина «кража» в Словаре юридических терминов – для выявления специфических черт при функционировании лексемы *кража* в разных дискурсах.

В поле обыденности представление о краже, как и о других видах хищения, складывается в русской картине мира под воздействием представления о заповеди «Не укради». Заповедь предупреждает о недопустимости действий, если совершается присвоение чужой собственности, грабеж, обман в делах, подкуп, взяточничество, мошенничество. В Евангелии от Марка сказано: «Вы знаете заповеди: “Не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; не обманывай; почитай отца твоего и мать”» [4: 10.19].

Если выбрать лексему *кража* из семантического поля ХИЩЕНИЕ и рассмотреть интерпретацию понятия «кража» в уголовном праве, то получим следующее определение термина: «Кража – преступление, которое заключается в тайном хищении чужого имущества (ст. 158УК): от других форм хищения отличается тайным способом изъятия имущества. Тайное изъятие предполагает не только отсутствие согласия собственника или лица, в ведении которого находится имущество, но и то, что такая операция осуществляется без ведома потерпевшего и при наличии у преступника уверенности, что он действует незаметно для посторонних» [10].

Чтобы выявить универсальные и специфические черты представления о краже в русской национальной картине мира, следует ввести сравнение подобного же представления в другой национальной картине мира, причем для нас важно прежде всего представить сходство и различие именно в сфере обыденности, поэтому обратимся к устной части логосферы – фольклору – английского и русского народов.

В сборнике лучших английских сказок, опубликованных в 1890 году Джозефом Джейкобсом есть сказка *The Master and His Pupil* [11: 74–77]. Текст повествует о том, что однажды волшебник уезжает из дома и нечаянно забывает запереть волшебную книгу. Ученик, вопреки наставлениям учителя, совершает кражу – забирает книгу, читает наугад какие-то заклинания, и перед ним появляется страшное чудовище. Чудовище просит задать ему работу. Мальчик от страха просит полить цветок. В результате ученик волшебника чуть не тонет, поскольку не знает, как остановить чудовище, который все носит и носит воду. Такова расплата за то, что ученик нарушил заповедь «Не укради». Учитель, вовремя появившийся, спас своего ученика, а ученик попросил и получил прощение.

В сказке № 199 из сборника А. Н. Афанасьева о богатырях-братьях Никите и Тимофее [6: 65–71] рассказывается о том, как два богатыря, безногий и слепой, вошли в избушку Бабы-Яги в ее отсутствие, «все начисто приели»,

126 | «все горшки перебили», что вызвало справедливое негодование Бабы-Яги, когда та застала непрошенных гостей в своей избе. Однако богатыри, вместо покаяния, угрожали хозяйке, если она не достанет живой воды, предать ее лютой смерти. О прощении богатырей за их проступок речь не идет.

Явное отличие в отношении к краже в английской и русской сказке очевидно, поскольку концепт TNEFT в юридическом дискурсе и в поле обыденности обладает, как минимум, двумя компонентами: 1) “trespass” («посягательство») – незаконное (без разрешения собственника) вторжение на чужую территорию даже без цели завладения чужим имуществом; 2) “criminal conversion” («криминальная конвертация») — присвоение чужого имущества в свою пользу, что включает порицание, наказание за такие «незначительные» для русского сознания случаи, когда человек берет что-либо в «аренду», либо что-то находит и оставляет себе на время. В русской же картине мира можно оправдать кражу, если собственник имущества не вызывает почтения, как в нашей картине культурного бессознательного персонаж Бабы-Яги, в отличие от самих «воров» – двух богатырей. Следует, однако, отметить, что Баба-Яга выполнила приказ – привела богатырей к двум родникам, а те, в благодарность, не убили, а отпустили старуху и пошли спасать грозного царя от «беды-напастей». Таким образом, можно сделать вывод, что концепт ПРОЩЕНИЕ после совершения кражи не всегда сопровождает действие в сфере интерпретации концепта ХИЩЕНИЕ в двух лингвокультурах, фиксируется определенное отличие русской лингвокультуры, если принять во внимание противопоставленность бытийного и юридического дискурсов в отношении действия концепта ХИЩЕНИЕ.

В авторских прецедентных текстах русской и английской классической литературы неоднократно развитие сюжета базируется на оценке кражи и возможности ее оправдания для персонажа, совершившего хищение. Таковы, например, сюжеты романов «Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Приключения Оливера Твиста» Ч. Диккенса.

Герой романа Диккенса, Оливер, бежит в Лондон из сиротского дома, попадает в шайку карманников Джека Даукинса (Jack Dawkins, в разных русских переводах – Джек Докинз), его учат воровать, но Оливер счастливо избежал печальной участи – он попал в дом мистера Браунлоу (Mr Brownlow), и все приобретает благопристойную оценку: неприемлемые со стороны требования следовать нравственным нормам поступки героя объясняются влиянием внешних обстоятельств и поэтому должны быть оправданы, прощены и забыты со стороны читателя. Такова иллюкутивная сила воздействия текста на адресата, в чем, без сомнения, проявляется цель автора в отношении к читателю.

В романе же Достоевского кража Родиона Раскольникова отягощается двумя убийствами, и грех «Не укради» вызывает нарушение заповеди «Не

убий». Автор повествует о двойном убийстве, совершенном персонажем романа (не только в отношении процентщицы Алены Ивановны, но и ее сестры Лизаветы). Прощение, даже при учете влияния внешних факторов, даже при признании необходимости прощения в православной культуре, что олицетворяет поступок Сони Мармеладовой, последовавшей за Раскольниковым на каторгу, – все-таки автор не дарует своему герою Раскольникову и в конце романа.

Дальнейшее исследование проявления концепта культуры ХИЩЕНИЕ в современном российском обществе показывает, насколько устойчиво проявляется расхождение представлений о законе и порядке: безусловное наказание за нарушение закона и обличение греха кражи в юридическом и фразеологическом дискурсах (ср. данные юридического дискурса, приведенные ранее, и пословицы типа «Хлопочи не о прибыли, а о добром имени», «Лучше бедность да честность, нежели прибыль да стыд»), с одной стороны, и частичное оправдание кражи при признании, что так повелось. Об этом свидетельствуют тексты смеховой культуры как в устной словесности, так и в текстах художественной литературы: ср. констатацию обыденности проявления воровства для российского общества в широко распространенном в интернет-источниках анекдоте: «Россия мирная страна. Доля ее бюджета на войну меньше, чем у Америки и Европы. А с учетом поправки на воровство, меньше только у Антарктиды», – и сюжет пьесы «Ревизор» Н. В. Гоголя.

Сходства и различия представлений о действии концептов культуры ГРЕХ на примере представлении о краже и концепта ПРОЩЕНИЕ в разных частях логосфер, английской и русской, вызывает необходимость исследований реализаций именно системных связей концептов культуры в текстах разных жанров, текстов, отражающих разные социальные и исторические эпохи развития разных народов, что представляет большой интерес именно в междисциплинарных исследованиях. Так, сопоставление текстов разных частей логосферы (устной и печатной словесности), разных жанровых характеристик (текстов устного народного творчества и прецедентных авторских произведений художественной литературы) дает основание сделать вывод об устойчивом во времени сохранении соотношений двух концептов культуры – ГРЕХ и ПРОЩЕНИЕ в двух лингвокультурах английского и русского народов.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 896 с.
2. Богин Г.И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. ... дис. д-ра филол. наук. – Л., 1984.
3. Демьянков В.З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–33.

- 128 | 4. Евангелие от Марка [Электронный ресурс] // 10 заповедей и 7 смертных грехов в Православии. – URL: <http://bibliya-online.ru/10-zapovedey-i-7-smertnykh-grekhov-v-pravos/> (дата обращения: 22.09.2022).
5. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В. Иная ментальность. – М.: Гнозис, 2005. – 352 с.
6. Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в 3 т. – Т. 2. – М.: Наука, 1984. – 463 с.
7. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж, 2001. – 191 с.
8. Рождественский Ю.В. Общая филология. – М.: Фонд «Новое тысячелетие», 1996. – 246 с.
9. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Изд. 3, испр. и доп. – М.: Академический проект, 2004. – 992 с.
10. Энциклопедия юриста [Электронный ресурс] // Словари и энциклопедии на Академике. – URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_law/1095/ (дата обращения: 22.09.2022).
11. English Fairy Tales. – London: G. P. Putnam and Sons, 1890.

Abstract. Systemic properties, similarities and differences of ideas about the action of cultural concepts – the concept of SIN, on the example of the concept of theft, and the concept of ABSOLUTION, FORGIVENESS, in different parts of the logosphere of two peoples, English and Russian, are analyzed on the examples of fairy tales “The Master and His Pupil”, “Legless and blind heroes”, as well as the texts of novels “The Adventures of Oliver Twist” by Charles Dickens and “Crime and Punishment” by F.M. Dostoevsky.

Keywords: linguoculturology, logosphere, discourse, concept of culture, consistency.

Секция 2.

**Аксиологический потенциал
языковых категорий и единиц
в эпоху цифрового мышления**

СУБЪЕКТ ОЦЕНКИ В БИСУБСТАНТИВНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЯХ

Аннотация. В статье рассматриваются субъекты оценки в бисубстантивных предложениях. Выявляются способы выражения субъекта оценки при прямой оценке и при совмещении субъектов оценки. Определяется субъект говорящий как облигаторный компонент структуры оценки. Анализируются особенности совмещенного субъекта, если лицо приписывает свою оценку другому человеку, группе людей и животным.

Ключевые слова: бисубстантивные предложения, оценка, субъект оценки, совмещение субъектов оценки.

Субъект существует в любых высказываниях. В рамках одного высказывания может существовать два и больше субъектов, соотношение которых составляет субъектную перспективу высказывания. Выделяют субъект слушающий, субъект говорящий, авторизатор, казуатор и субъект базовой модели (субъект действия, субъект состояния и субъект качества) [4: 231–232]. Говорящий проявляет себя в выборе средств в любом предложении, и эти средства оказывают влияние на характер оценки предложения. В след за Т. В. Маркеловой, понимаем оценку как функционально-семантическую категорию, реализуемую в речевой деятельности системой разноуровневых языковых средств [8: 7].

Оценка, выражаемая в языке, позволяет увидеть отношение субъекта с точки зрения его ценностного характера к реалиям объективного мира. Оценка может выражаться в языке различными способами. Бисубстантивные предложения (БП) являются одним из продуктивных способов выражения оценочного значения, которое является неотъемлемым компонентом семантики БП [2: 71; 3; 9: 241].

В структуру оценки входят субъект оценки, эксплицитный или имплицитный, объект и основание оценки, а также содержание оценки [5: 26; 1 (впервые опубликовано в 1985): 12; 10: 23]. Е. М. Вольф указывает, что шкала оценок и стереотипы, на которые ориентирована оценка в социальных представлениях говорящих, также входят в структуру оценки, но, как правило, имплицитно.

Субъектом оценки Е. М. Вольф называет лицо или социум, с точки зрения которого дается оценка [1: 12]. Понятие субъекта оценки представляется нам шире. Н. К. Онипенко называет субъект оценки субъектом авторизатором

и указывает, что он может не совпадать с говорящим [4: 233]. М. С. Каган указывал, что субъект полимодален [6: 225]. Он определяет, что в одном человеке могут присутствовать разные субъекты оценки, учитывая то, что в жизни и в деятельности человек выполняет разные роли, например, мужчины, рабочего, русского, шахматиста, человека как представителя вида и т. д. [6: 148].

Можно выделить несколько способов выражения субъекта оценки в би-субстантивных предложениях. Субъектом оценки может выступать **конкретный человек**: «*Я вижу, что вы добрейший молодой человек, – сказала генеральша*» (Ф. Достоевский). В данном предложении субъект оценки выражен эксплицитно, указан в тексте и совпадает с говорящим. Субъект может быть скрыт и восстанавливаться по контексту: *Сорняки, заполонившие огород, превратились в коричневые скелеты* (Г. Яхина). В данном примере субъектом оценки является говорящий, сравнивающий усохшие растения со скелетами.

В. Н. Телия отмечает, что субъект оценочного суждения «погружен» в него, является скрытым компонентом модальной рамки. Субъект распадается на субъекта говорящего и субъекта автора высказывания [10: 33]. М. С. Каган выделяет в отдельную категорию «частичный субъект» как продукт расщепления человеческого сознания на два и более субъекта, ведущих диалог с разных позиций [6: 226]. Частичный субъект встречается в текстах, в которых говорящий ведет внутренний диалог с самим собой, размышляет о чем-то или находится в состоянии измененного сознания: *По всем данным и по всему, что я знаю, что исповедуют все, – говорит себе рабочий человек, – я бы должен быть свободен, равен всем другим людям, любим, а я – раб, я унижен и ненавидим* (Л. Н. Толстой). Во внутреннем диалоге сознание человека расщепляется, позволяя проводить аргументацию с разных точек зрения. Человек может вести диалог и оценивать ситуацию с точки зрения разных ролей, в которых он выступает в социуме. Но возможна также ситуация, при которой человеческое сознание порождает новую личность, позволяя вести диалог с ней, как с совершенно иным человеком.

Оценка может быть отражением восприятия **группы людей**: *Слыл он человеком с большими деньгами, с большими занятиями и с большими связями* (Ф. Достоевский). Субъект оценки выражен имплицитно и является обществом, в котором находится объект оценки. Связка *слыл* указывает на принадлежность субъекта определенному обществу. Группа людей может косвенно влиять на оценку одного человека: *Она слышала, что он человек с энергией, с гордостью, хочет карьеры, хочет пробиться* (Ф. Достоевский). В данном примере оценка принадлежит некой группе людей, которая сформировала оценочное отношение женщины. При этом сама женщина лишь транслирует взгляды общества, не сформировав свои. Оценочное отношение

132 группы лиц может быть выражено при выделении одного типичного представителя данной группы: *Прах над морем для настоящего материалиста – непозволительная роскошь* (Б. Акунин). Для таких примеров характерны слова *типичный, обычный, настоящий*, относящиеся к субъекту оценки. Но настоящим материалистом его определяет субъект, говорящий при помощи предлога *для*, который позволяет диалогическое противопоставление двух сознаний. Субъект говорящий всегда присутствует в оценочных суждениях, проецируя свои взгляды, знания и мысли на окружающий мир.

Субъектом оценки может являться **большая социокультурная группа** людей, объединенных неким общим значимым социальным признаком, например, *россияне, христиане, женщины* и др.: *Тяжелое наследие 70 лет атеизма проявилось в том, что, за редким исключением, люди считают, что именно 10 заповедей составляют основу христианской морали и морали вообще* (В. Бондарев). В предложении речь идет о людях, родившихся и выросших на территории бывшего СССР. Группа людей может быть обозначена с помощью метонимии (*для Москвы, для России, для Кремля* и др.): *Для России Папюс – всего лишь одно из предраспутинских увлечений императрицы Александры Федоровны* (Б. Акунин). Встречаются примеры метонимии, в которых существительное употребляется в предложном падеже (*в Сибири, на Камчатке* и др.): *Вы ведь в курсе, что техногенные изменения климата считаются на Западе едва ли не главнейшей опасностью для человечества?* (НКРЯ).

Субъектом оценки может выступать все **человечество**: *Так что сероводородное заражение никоим образом не является катастрофой для человечества* (А. Городницкий). Необходимо учитывать, что в примерах такого типа субъектом косвенно остается говорящий, который переносит свои взгляды, представления, знания на все человечество, в данном примере при помощи предлога *для*.

При описании группового субъекта мы можем говорить о **совмещении субъектов оценки**, при котором говорящий приписывает свое оценочное суждение **группе людей**. Подобное совмещение субъектов может быть выражено в предложении эксплицитно, если наличествуют такие слова и выражения, как *мне кажется, я думаю, по-моему, по моему мнению* и др.: *Мне кажется, для них была ужасным наслаждением моя любовь к Мари, и вот в этом одном, во всю тамошнюю жизнь мою, я и обманул их* (Ф. Достоевский). Такие конструкции позволяют понять, что оценка принадлежит говорящему, что человек лишь предполагает наличие подобных мыслей и чувств у других людей.

Существуют примеры совмещенных субъектов оценки, в которых истинный субъект оценки скрыт и не выделен в тексте. Скрытый субъект восстанавливается по контексту или считается субъектом говорящим: *Оружие для обороны от бурого медведя – большая тема у «сильных мужчин»*

(М. Кречман). Субъектом оценки является автор высказывания. Говорящий имеет стереотипные представления о некой группе людей, которых он называет «сильными мужчинами» и которым приписывает определенное отношение к объекту оценки, оружию.

При совмещении субъектов оценки человек может приписывать свое отношение другому **конкретному человеку**: *И тут я потерял над собой контроль и сказал ему: «Ах ты сволочь, сволочь! Ты думаешь – ты хозяин жизни. А ты – пес жизни»* (И. Грекова). Такие слова и конструкции, как *ты думаешь, ты считаешь, наверное* и др., показывают, что субъектом оценки остается говорящий, его субъективная оценка приписывается собеседнику. Пытаясь встать на место другого человека и оценить, что может думать и чувствовать другой, говорящий приписывает ему оценочные суждения, которые могут не совпадать с реальными чувствами.

Человек может приписывать свои оценочные суждения не только другим людям, но и животным, как будто бы наделяя их способностью мыслить и чувствовать так, как это могут люди: *Теперь вам понятно, что морской берег, усеянный мертвыми тушами, представляется в воображении нашего героя неким райским местом, ради которого можно поступиться некоторыми принципами?* (М. Кречман). В данном тексте под нашим героем имеется в виду медведь. Субъектом оценки выступает говорящий, по представлениям которого указанное место может быть привлекательным для медведя в силу пищевых привычек зверя. В оценке присутствует сравнение с раем, что является отражением религиозных представлений говорящего, а не животного. Это подтверждает, что субъект оценки является совмещенным, оценку дает именно человек. В подобных примерах животные одушевляются, становятся похожими на людей в сознании оценивающего человека.

Проанализированный материал показывает, что в бисубстантивных предложениях субъект оценки может быть выражен эксплицитно или представлен имплицитно, но его позиция является структурно обязательной, потому что этот тип предложения предназначен для выражения оценочной деятельности человека. Субъектом оценки может быть конкретный человек, человек в диалоге с самим собой (частичный субъект), малая и большая группа людей и все человечество в целом. Субъект полимодален. В одном лице, дающем оценку, может быть скрыто несколько субъектов оценки в зависимости от ролей, выполняемых лицом в социуме. При оценке, выражаемой целой группой людей, возможно использование метонимии. Субъект оценки может быть совмещенным, если человек приписывает свою оценку конкретному человеку, группе людей или животному, наделяя последнего человеческими качествами. Истинный субъект оценки также выражается в тексте или восстанавливается по контексту. Оценка, которую дает группа людей при наличии одного говорящего, обычно считается совмещенной, т. к. говоря-

134 | щий вкладывает свою субъективную оценку и не может до конца отделить себя от роли субъекта оценки. Если говорящий приписывает свою оценку животному, то он наделяет животного человеческими качествами, тем самым одушевляя его и давая оценку животному, как если бы он был человеком.

Литература

1. Вольф Е.М. Функциональная семантика оценки / вступ. ст. Н.Д. Арутюновой, И.И. Чельшевой. Изд. стереотип. – М.: ЛИБРОКОМ, 2020. – 278 с.
2. Герасименко Н.А. Бисубстантивные предложения в русском языке: структура, семантика, функционирование: монография. – М.: МГОУ, 2012. – 292 с.
3. Герасименко Н.А. Семантика предикативного признака в предложениях с субстантивами в роли сказуемого // Русский язык в школе. – 1997. – № 5. – С. 83–87.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. – М., 2004. – 544 с.
5. Ивин А.А. Основания логики оценок. – М.: Директ-Медиа, 2015. – 337 с.
6. Каган М.С. Теоретические проблемы философии. Избранные труды в 2 ч. Ч. 1. – М.: Юрайт, 2018. – 341 с.
7. Каган М.С. Философия культуры: учебное пособие для академического бакалавриата. – М.: Юрайт, 2018. – 353 с.
8. Маркелова Т.В. Прагматика и семантика средств выражения оценки в русском языке: монография. – М.: МГУП им. Ивана Федорова. 2013. – 300 с.
9. Степанчиков М.А. Бисубстантивные предложения с семантикой превращения в современной прессе // Русский язык: система и функционирование (к 95-летию БГУ, 50-летию кафедры русского языка, 90-летию профессора П.П. Шубы): сборник материалов VII Международной научной конференции (Минск, 18–19 октября 2016 г.). – Минск: РИВШ, 2016. – С. 238–242.
10. Телия В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / отв. ред. А.А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 141 с.

Abstract. The article deals with the subjects of evaluation in bisubstantive sentences. Ways of expressing the subject of assessment are revealed in direct assessment and in the combination of subjects of assessment. The speaker is defined as an obligatory component of the evaluation structure. The features of a combined subject are analyzed, if a person attributes his assessment to another person, a group of people and animals.

Keywords: bisubstantive sentences, evaluation, subject of assessment, combination of subjects of assessment.

СВЯЗАННЫЕ СЛОВСОЧЕТАНИЯ, ОФОРМЛЕННЫЕ ПРИ ПОМОЩИ ДВОЙНЫХ (РАСЧЛЕНЕННЫХ) СОЧИНИТЕЛЬНЫХ СОЮЗОВ

Аннотация. Связанные словосочетания, оформленные при помощи двойных (расчлененных) сочинительных союзов так же, как и предыдущие конструкции, включают три компонента и строятся по той же модели комплексного подчинения, т. е. главное слово в них также поясняется комплексом обязательно противопоставленных между собой двух словоформ.

Ключевые слова: связанные словосочетания, элемент, союз, содержание, фразеологизм.

Разница между подобными конструкциями (*крепнет чем дальше, тем сильнее* и т. п.) в том, что в некоторых комплекс зависимых слов обрамляется не подчинительными союзами (типа *чем ... , тем; если ... , то* и т. д.), а расчлененными сочинительными союзами, каковыми являются *столько ... , сколько; не только ... , но и; не столько ... , сколько* и др.

1. *И впечатление это как будто требовало к себе не только внимания, но и разрешения чего-то с ним связанного* (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 3, гл. 26).

2. *Ферапонт скоро сделался вольным, скоро заменил при дяде Жюстина и был не только верным его слугою, но и верным его другом до самой его смерти* (Н. Лесков. Зверь, гл. 16).

3. *Она у нас со всеми знакома... немного болтлива и любит рассказывать про свои семейные дела... то и разнесла всю историю в короткое время не только в городе, но и по уезду* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание, ч. 1, гл. 3).

Мы специально привели примеры только с союзом «не только..., но и» с тем, чтобы была понятна ситуация с одним и тем же союзом, который, как правило, признается сочинительным, но расчлененным, «градиационным» [1: 358].

Характер подобных союзных единиц определяется, как правило, через те синтаксические отношения, которые они выражают. В данном смысле градиационные отношения квалифицируются как сочинительные и поэтому считается, что члены предложения или части сложного предложения, которые эти союзы объединяют, находятся в отношениях сочинения, т. е. семантической и синтаксической равнозначности.

Материалы семантико-синтаксически связанных словосочетаний свидетельствуют об ином характере этих союзов: они объединяют элементы (члены предложения), не находящиеся в отношениях сочинительной равнозначности, и даже не в отношениях «сочинительного сопоставления», как считают некоторые ученые [4: 173].

Такая квалификация синтаксических функций отмеченных расчлененных союзов, видимо, в определенной степени вызвана осмыслением роли этих союзов внутри сложных предложений – сложносочиненных.

Представляется, что функциональную сущность этих союзов следует определить не в рамках того комплекса, который они создают (*не только слугой, но и другом*), но и с учетом характера того элемента, по отношению к которому (для пояснения которого) эти комплексы создаются: *разнесла ← (не только в городе, но и по уезду)*.

Иначе говоря, считать семантико-синтаксические отношения между элементами «в городе» и «по уезду» сочинительными, т. е. как «и по городу, и по уезду» не совсем соответствует характеру семантических отношений между этими компонентами прежде всего по отношению к главному, поясняемому слову.

В приведенных выше примерах связанные конструкции выражают прежде всего отношения противопоставленности, отношения семантического столкновения двух элементов внутри союзного комплекса, посредством которого раскрывается содержание главного слова. Так, в первом примере глагольное сказуемое сконструировано на базе фразеологизма «требовало внимания». Элемент этого устойчивого сочетания включен в комплекс объектного значения: «требовало не только внимания, но и разрешения...». Объектное значение формируется не внутри комплекса, оформленного союзом, а под влиянием лексической семантики слова «требовало», которое в данном тексте поясняется не сочинительными смысловыми отношениями: контекст не обусловлен значением «требовало внимания и разрешения», хотя и здесь сохраняются объектное значение сочинительного ряда «внимания и разрешения». Однако это объектное значение не осложнено никаким другим оттенком, который продиктован предыдущим текстом. В предложении из романа Л. Толстого значение связанного трехкомпонентного словосочетания складывается из следующих компонентов смысла: а) *Левин находится под впечатлением неприхотливой, спокойно-творческой жизни семьи богатого мужика, у которого в хозяйстве порядок и развитие*; б) *и на охоте «нет-нет и опять ему вспомнился старик со своей семьей»*; в) *осмыслив степень успехов в хозяйстве старика, Левин думает, как использовать опыт старика в более широких масштабах, в больших хозяйствах – в пределах губернии или всей страны...*; г) именно в этом плане «впечатление требовало к себе не только внимания (оно было естественно – принимать во внимание то, что впечатлило), но

и разрешения чего-то с ним связанного (т. е. решения вопросов, связанных с таким способом ведения хозяйства). Иначе говоря, семантико-синтаксические отношения между словами *внимания* и *разрешения* никак не укладываются в рамки обычных сочинительных отношений и союз «не только ... , но и» выполняет, на наш взгляд, не функцию выражения отношений семантической и синтаксической однородности между единицами «закрытого» блока, тем более по отношению к поясняемому слову «требовало».

Данное сочетание, на наш взгляд, имеет такую смысловую нагрузку: «дело требовало внимания как естественную реакцию заинтересованного человека, однако естественной реакции в таких вещах, конечно, мало, следует заняться вопросами разрешения того, какие идеи при этом пришли на ум». Такая картина не укладывается в рамки простого сочинительного ряда слов и сочинительных отношений. Поэтому великий писатель и пользуется особой синтактико-семантической фигурой, достаточной в выражении внутреннего смысла выше описанной сложной картины.

Данный тип семантико-синтаксической фигуры считаем синтаксически устойчивым словосочетанием, в котором компоненты «закрытой» части находятся не в сочинительных отношениях, а проявляют особую форму взаимосвязи и противопоставления. Это свойство и делает поясняющую часть абсолютно связанной, неразложимой по отношению к определяемому слову. Как показывает конкретный материал, в структуре простого предложения союзы типа «не только ... , но и» не являются выразителями отношений «и/и» или же «или/или». Следовательно, смысловые отношения между словоформами, которые заключаются в рамки этими союзами в пределах простого предложения, являются не сочинительными, а отношениями взаимной предполагаемости, при которой ни тот, ни другой компонент блока не способен существовать самостоятельно.

Такая картина ясно представлена во втором из приведенных предложений, в котором именная часть составного именного сказуемого выражена антонимической парой словосочетаний *верная слуга* / *верный друг*. И сила этой взаимопредполагаемости заключается как раз в нерасторжимой взаимосвязи по смыслу. В третьем примере эта смысловая оппозиция представлена столкновением слов, находящихся в отношениях родовидового соотношения – *город/езд*.

Поэтому квалификация данных союзных единиц, с точки зрения способности объединения однородных членов предложения, нам представляется не совсем точной, если даже эти отношения называются противительными [1: 75]. О некоторых особенностях так называемых противительных отношений между элементами простого предложения при их соединении противительными союзами и об отсутствии характерной для однородных элементов симметричности сообщает и А. Ф. Прияткина, которая призывает учитывать

138 не только типы смысловых отношений между элементами, связанными тем или иным союзом, но и конструктивные свойства союзов, т. е. возможности самих союзных единиц в формировании структуры словосочетаний или предложений [2: 190–191].

Так, например, в предложении «Пострадавший и изнуренный... не столько от телесного страдания, сколько из тяжкого морального потрясения, Ферাপонт напоминал короля Лира» (Н. Лесков. Зверь, гл. 11) расчлененный союз «не столько, сколько» конструирует сочетание, в котором противопоставленными оказываются понятия физического и духовного состояния. И только такое «сопряженное» состояние делает героя похожим на короля Лира, что видно из дальнейшего объяснения писателя: «Так же, как и Лир, он был и взъерошен, и местами опален...».

Конструкции связанных словосочетаний, о которых шла речь в двух последних параграфах нашего исследования, требует еще одного уточнения. Эти словосочетания являются средствами в основном описательной прозы. Поэтому они чаще всего встречаются в языке художественного описания. Стилистическая отмеченность (маркированность) этих словосочетаний сказывается в том, что они в редких случаях встречаются в разговорной речи, в речи персонажей.

В разговорной речи чаще всего употребляются их «упрощенные» варианты:

1. – *Нет. Какой-то математик сказал, что наслаждение не в открытии истины, но в искании ее* (Л. Толстой. Анна Каренина, ч. 2, гл. 14). Ср.: *Наслаждение не столько в открытии истины, сколько в искании ее*.
2. – *И затем никто не знал с точностью ни дня, ни часа, когда сановник пожалуется* (Н. Лесков. Однотум, гл. 8). Ср.: *Никто не знал не только дня, но и часа, когда...*
3. *Она немного болтлива и любит рассказывать про свои семейные дела и жаловаться на своего мужа всем и каждому* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание, ч. 1, гл. 3). Ср.: *И встречному и поперечному жаловаться.*
4. – *Господи, поскорей бы уж! Он бросился на колени молиться, но даже сам рассмеялся, – не над молитвой, а над собой* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание, ч. 2, гл. 1). Ср.: *Засмеялся не столько над молитвой, сколько над собой.*
5. *Больше я его на том не расспрашивал... а вынес ему билетик, – рубль то есть, потому-де думал, что не мне, так другому заложит, все одно – пропьет...* (Ф. Достоевский. Преступление и наказание, ч. 2, гл. 4).
6. *Ей хочется не то сердиться, не то смеяться* (А. Куприн. Яма, ч. 1, гл. 3).

Как видно из примеров, не все «противительные» сочетания допускают трансформацию на связанные словосочетания. Те, которые имеют такое свойство, следует считать стилистическими синонимами конструкций с союзами «не только ... , но и» или «не столько ... , сколько», следовательно, синтаксически связанными. А те конструкции (*жаловаться... всем и каждому*;

заложит не мне, так другому и т. п.), которые не допускают трансформации в союзное сочетание, при сохранении значения противопоставления зависимых элементов проявляют свойство синтаксической устойчивости, синтаксической фразеологизированности наподобие сочетаниям «вдоль и поперек» (изучать вдоль и поперек), «каждому встречному и поперечному» (рассказывать каждому встречному и поперечному), например:

– Из этого, впрочем, вовсе не следует, чтобы Ньютон имел право убивать кого вздумывается, встречных и поперечных, или воровать каждый день на базаре (Ф. Достоевский. Преступление и наказание, ч. 3, гл. 5).

Установление границ синтаксической устойчивости (как в связанных словосочетаниях) и фразеологизированности (как в последнем примере) не так уж просто. Зафиксированность во фразеологических словарях тех или иных сочетаний (*встречные и поперечные*; *не жизнь, а масленица*; *не думал и не гадал* и т. п.) и их отсутствие во фразеологических источниках (*день и ночь* (работать); *гром и молния* (произошло нечто вроде грома и молнии); *все чаще и больше* (говорить все чаще и больше); *никогда и ни с кем* (говорить никогда и ни с кем) и т. п.) не может быть принято как критерий определения отнесенности отмеченных «противоположенных» конструкций. Ведь трудно объяснить, почему «правдами и неправдами» – фразеологизм, а «не мне, так другому» фразеологизмом не считается; *ни в чох, ни в сон* (не верить) считается фразеологизмом [5: 749], а «ни в чох, ни в смерть (не верил)» таковым не считается. В некоторых случаях понятны варианты и их признание в качестве фразеологизмов: «ни в чох, ни в птичий грай» представляет редуцированную форму фразеологизма «не верить ни в чох, ни в сон, ни в птичий грай». *Васька Буслаев увлек своих новгородцев на богомолье в Иерусалим, и там, к ужасу их, выкупался нагим телом в святой реке Иордане, ибо не верил “ни в чох, ни в птичий грай”* (И. Тургенев. Дым, гл. 21).

Дифференциация отмеченных конструкций в этом аспекте немаловажна как для теории синтаксиса словосочетаний, так и для фразеологии в целом.

Литература

1. Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. – М.: Высшая школа, 1977. – 247 с.
2. Прияткина А.Ф. Конструктивные особенности союза а в простом предложении русского языка // Исследования по современному русскому языку. Сборник статей, посвященных памяти Е.М. Галкиной-Федорук. – М.: МГУ, 1970. – С. 190–206.
3. Современный русский язык / под ред. В.А. Белошапковой. – М.: Высшая школа, 1981. – 560 с.
4. Современный русский язык. Теория. Анализ языковых единиц. В 2 ч. Ч. 2. – Изд. 2. / под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Академия, 2006. – 619 с.

- 140 | 5. Федоров А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка. – Изд. 3. – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 878 с.

Abstract. Related phrases, formed with the help of double (splitting) coordinating conjunctions in the same way as the previous constructions, include three components and are built according to the same model of complex subordination, i. e. the main word in them is also explained by a complex of two word forms necessarily opposed to each other.

Keywords: related phrases, element, union, content, phraseological unit.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ НИШИ (НА МАТЕРИАЛЕ ДИАЛЕКТНЫХ ДЕРИВАТОВ С ФОРМАНТОМ -УШ/А)

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению аксиологического потенциала словообразовательной ниши, которая понимается как ментально-языковая категория, члены которой связаны формантом и инвариантным словообразовательным значением. Словообразовательная ниша диалектных дериватов с формантом -уш/а эксплицирует процесс познания явлений аксиогенного бытия носителями диалекта.

Ключевые слова: словообразовательная ниша, диалектные дериваты, формант, аксиологический потенциал.

Система ценностей является непосредственным атрибутом жизнедеятельности человека: взаимодействуя с окружающим миром, он выражает свое отношение к происходящим событиям и формирует оценку воспринимаемых явлений. Ценность как «значение объекта для субъекта» актуализируется в процессе функционирования языковых единиц и категорий, коррелируя с особенностями индивидуального и коллективного восприятия. Такой подход к аксиологической сфере языка мы находим еще в трудах Э. Б. де Кондильяка, в частности, в его труде «Опыт о происхождении человеческих знаний»: «так же как форма правления влияет на характер народов, так и характер народов влияет на характер их языка» [3: 212]. Каждый человек имеет свой язык соответственно особенностям своего характера. Нет ни одного человека, речь которого не обнаруживала бы его истинный характер, даже в те минуты, когда он пытается скрыть его. Чтобы получить представление о языке отдельного человека, нужно лишь некоторое время понаблюдать за ним. Характер индивидуального языка складывается под влиянием темперамента человека, исключение, по мнению философа, представляет язык «людей хладнокровных и флегматичных, так как они легко сообразуются с языком других людей, т. е. не имеют индивидуальности» [3: 234]. Если индивидуальность проявляется в языке отдельных людей, то характер народов проявляется еще более открыто, т. к. действуя сообща, «толпа не может скрыть свои страсти». «К тому же мы не помышляем делать тайну из наших склонностей, когда они присущи и нашим соотечественникам. Напротив, мы

142 | кичимся ими, и нам нравится, что они позволяют узнать страну, в которой мы родились и в пользу которой мы всегда настроены» [3: 237]. Индивидуальное, став национальным, определяет преобладающее качество языка. Это преимущество не может быть свойственно многим языкам, оно характерно только для языка, сложившегося в рамках именно этой нации.

Между тем ценностные ориентации, актуализирующиеся в языковой картине мире, вербализуются на разных уровнях языка. В. фон Гумбольдт в своем основном труде «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» выдвигает следующий тезис: «язык есть как бы внешнее проявление духа народа; его язык есть его дух, и его дух есть язык» [2: 156]. Значимо, что, формулируя процессы влияния духа языка на дух народа, В. фон Гумбольдт оперирует оценочными прилагательными, тем самым проецируя собственные аксиологические установки на особенности анализируемых языков: «*простые* фонетические формы латинского языка предопределяют *мужественный* гений народа, сосредоточенный на реальности. *Сложная* модификация гласных звуков внутри слова у арабов определяет *рассудочную* способность к тонким разграничениям» [2: 179].

Важной при описании аксиологического потенциала языковых единиц является идея Л. Вайсгербера об идиоэтничности языкового содержания в работе «Связь между родным языком, мышлением и действием»: «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность *понятийных* мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество. И по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами. В этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определенную картину мира и передает ее всем членам языкового сообщества» [1: 25].

Л. Вайсгербер в своих работах достаточно подробно останавливается на комплексных единицах языка, которые объединены неким общим элементом, обладающим определенным значением (стан, ниша). Так, суффикс немецкого языка *-ling* он использует в качестве объединяющего элемента для разнокорневых производных слов, входящих в одну языковую нишу на условиях общности значения форманта, который используется для номинации человека в характеризующем аспекте, аспекте внутрисемейных отношений и аспекте пространственного взаимодействия с окружающей средой. Здесь важным является элемент переноса свойств человека в заданных аспектах на явления неодушевленного мира, на мир растений [1], так как подобные процессы наблюдаются при анализе организации словообразовательной ниши диалектных дериватов с формантом *-uш/a*. Таким образом, можно говорить, что процессы, характерные для взаимодействия компонентов словообразова-

тельной ниши в немецком языке, прослеживаются уже в рамках словообразовательной ниши на материале русского общенационального языка. То есть междисциплинарность самого термина «ниша», употребляемого в дискурсе естественных наук и гуманитарных, присоединяет межкультурную и межкузыковую корреляцию разнокорневых лексем с одинаковым формантом.

Диалектная подсистема общенационального языка – результат освоения действительности носителем диалекта. Дифференциальная лексика словарей русских народных говоров – вербализованная экстраполяция когнитивных процессов, охватывающих в своем функционировании все уровни языковой иерархии. Представляя собой обособленное, но не автономное языковое пространство, диалектная система оперирует при номинации лиц, объектов и субъектов своими специфичными языковыми разноразноуровневыми единицами. Формант *-yui/a* относится к их числу в силу своей уникальной семантической валентности в сфере номинации (не единственной, но одной из значимых) природных объектов окружающей действительности, которые из-за особенностей географического положения страны и ее исторического развития могут рассматриваться как значимые элементы повседневной жизни носителя диалекта.

Формирование в качестве комплексной единицы словообразования диалектной ниши позволяет подойти к описанию словообразовательных процессов на уровне диалектной подсистемы языка уже в междисциплинарном аспекте: само понимание словообразовательной ниши как ментально-языковой категории подразумевает ее гносеологическую и аксиологическую направленность в процессе вербализации лиц, артефактов и натурфактов носителями диалекта. Словообразовательная ниша с формантом *-yui/a* включает три словообразовательных типа, имеющих ядерно-периферийное устройство, что эксплицирует доминирование онтологически значимых для диалектоносителя структур окружающей действительности. В описываемую словообразовательную нишу входят 558 дериватов с формантом *-yui/a*. Эмпирической базой для отбора языковых единиц послужили материалы толковых, диалектных словарей, что связано с возможностью вычленять единицы не только из названий словарных статей, но и из контекстов к ним, в которых пометы «экспрессивное», «бранное» отсутствовали, однако построение предложения, знаки препинания, набор лексем позволяли сделать вывод об эмоциональной «наполненности» деривата.

В этом аспекте рассмотрения аксиологического потенциала словообразовательной ниши с формантом *-yui/a* представляют особый исследовательский интерес производные диалектизмы, номинирующие *женщину*, что обусловлено их яркой эмоциональной окраской широкого спектра: от мелиоративной и нейтральной до пейоративной, причем значимым для нас является факт доминирования слов с пейоративной окрашенностью, что позволяет говорить

144 | о функции языковой «стигматизации» форманта *-уш/а*. Анализ контекстов словарей, представляющих собой запись речи диалектоносителя, позволяет говорить о вербализации отношения диалектоносителя к женщине через призму традиционных ценностей, в рамках которых вступление в процесс коммуникации по незначительному поводу с употреблением множества слов оценивается как непродуктивное, например: *чекуша* («чекуша-то чекочет, язык у ее всегда с собой», «чекуша-та, что вольна ответить где нужно и где не нужно», «ох и чекуша она»); *потрекуша* («моя соседка такая потрекуша, просто кошмар», «да ты хоть немного помолчишь, потрекуша?»); *блекотуша* («полно вам, слушаешь-то блекотушино, она ведь все и блекочет, все и пересыпает из пустого в порожнее»). Лень, распутство, брезгливость, злость и злоба, нелюдимость, ветреность, нечистоплотность – вот далеко не полный перечень качеств женщины, номинируемой при помощи суффикса *-уш/а* диалектоносителем: *потаскуша* («и охота тебе кь потаскуше идти?»); *таскуша* («у Полины сноха таскуша, дома редко бывает, все где-то слоняется»); *моргуша* («баба дура-моргуша: ни ткать, ни прясть, ни чулка связать»); *мякуша* («на мужика и женщину мякуша говорят, вроде ругают так, мякушу все заставлять надо, сам не может»); *неркуша* («ой, кака неркуша, и все-то нерка ворчит», «Зина неркуша эка, нерковата», «приеживала, дак вижу, что нерковата, а Ганька уж не нагрубит никого», «о, кака неркуша у вас хозяйка, все ворчит»); *хвостуша* («бегают, как хвостуша, хвостом вертит эта Катя»).

Вместе с тем, номинация натурфактов (например, *горькуша*, *скрипуша*, *метлуша*) в пределах словообразовательной ниши демонстрирует тенденцию к номинации природных объектов окружающей действительности диалектоносителя через актуальные для него характеристики предмета. Знание о вкусовых характеристиках таких объектов помогает носителю диалекта в условиях повседневной жизни овладеть способами обращения, например, с растениями для приготовления пищи и эликсиров. Тем самым диалектный дериват в силу своей бытовой функциональности, прагматичности противопоставляется терминам научной картины мира, которая определяет общие онтологические свойства предметов согласно принятой научной классификации. Диалектные слова здесь способствуют формированию этнокультурной идентичности носителей диалекта, определяя и характеризуя окружающую действительность. Подобные выводы мы находим в работах уже упоминавшегося ранее Л. Вайсгербера, который, обращаясь к лексике немецкого языка, указывает на существование в нем слова «*kraut*» ‘полезная трава’ и «*unkraut*» ‘сорняк’. Именно в такой аксиологической дихотомии «ценность/антиценность» Л. Вайсгербер определяет актуализацию отношения носителей немецкого языка к травам как к «полезным» и «не полезным», говоря одновременно о навязывании такой точки зрения младшему поколению. Отличие названий растений в языковой картине мира от терминов

ботанической классификации Л. Вайсгербер объясняет тем, что многие из необходимых языковых средств вообще нельзя обосновать или оправдать ботанически [1: 177].

Устная форма бытования диалекта, унификация подсистем русского национального языка, специфика функционирования форманта *-ush/a* предопределили постепенное исчезновение словообразовательной ниши с формантом *-ush/a* из узуса носителей русского языка, но тем значимей становятся исследования в аспекте ее аксиологического потенциала.

Литература

1. Вайсгербер Й.Л. Родной язык и формирование духа. – М.: УРСС, 2004. – 229 с.
2. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М.: Прогресс, 1984. – С. 37–297.
3. Кондильяк Э.Б. Сочинения: в 3 т. Т. 1. Опыт о происхождении человеческих знаний. – М., 1980. – 333 с.

Abstract. The article is devoted to the consideration of the axiological potential of the word-formation niche, which is understood as a mental-linguistic category whose members are connected by a formant and an invariant word-formation meaning. The word-formation niche of dialect derivatives with the formant *-ush/a* explicates the process of cognition of the phenomena of axiogenic being by dialect speakers.

Keywords: word-formation niche, dialect derivatives, formant, axiological potential.

АКСИОЛОГИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ГЛАГОЛЬНЫХ НОВООБРАЗОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В докладе речь идет об усилении прагматического компонента в современной русской речи, о возрастании эмоционально-оценочной составляющей русского общения. Целью статьи стал анализ глагольных неoderиватов с точки зрения способов выражения в них оценки номинируемых действий и событий. На материале глагольных новообразований автор анализирует механизмы формирования оценочного компонента. К ним относятся: соотносительность корневой морфемы с общественно значимыми понятиями; использование словообразовательных возможностей языка; глагольная универбация; реализация аксиологически заряженной словообразовательной модели; использование англоязычных заимствований; трансформация англоязычных аффиксов, служебных элементов в корневые на русской почве; фоносемантический фактор. В отдельных случаях проводится сравнение с родственным словацким языком, что позволяет выявить русскую языковую специфику в выражении оценки у глагольных неoderиватов. Примеры, приведенные в статье, становятся иллюстрацией «оценочной реакции» носителей языка на разнообразные бытовые, общественные, политические ситуации.

Ключевые слова: глагольные неoderиваты, эмоционально-оценочный компонент, механизмы выражения оценки.

Стремительные изменения в жизни российского общества неизбежно приводят к усилению лингвокреативной деятельности носителей русского языка. Активно происходит поиск языковых, в том числе деривационных, возможностей, которые помогают выразить отношение к изменяющимся явлениям и процессам действительности [6]. Отмеченная А. Вежибицкой такая черта, как установка на эмоциональное и оценочно окрашенное отношение к миру и к людям, свойственная русской языковой картине мира [3: 34], на современном этапе развития языка находит все большее и большее подтверждение.

Экстралингвистическими причинами объясняются, главным образом, и бурные процессы в области словообразования. В эпохи общественно-политических перемен, тотальной перестройки в жизни общества и связанных с ними волнений и переживаний язык всегда реагировал повышением его эмоциональной составляющей. Язык отражает общеприятельные эмоции,

господствующие в обществе, скептицизм в отношении к тому, что происходит в экономике, политике, общественной жизни, а также стремление осмеивать, иронизировать над происходящим, для передачи чего активизируются различные языковые средства [6]. Разумеется, нельзя не отметить роли в этом процессе и внутриязыковых факторов – заложенных в системе языка возможностей для творчества: наличия экспрессивных деривационных средств, реализации словообразовательных моделей, в том числе неузусального характера, использования приемов языковой игры. Играют свою роль в создании и распространении окказиональных образований также СМИ, которые активно внедряют в нашу речь необычные формы. Исследователи русского языка отмечают приоритетность экспрессивных форм при выборе лексической единицы для номинации, а в случае отсутствия таковой – подключение словообразовательных возможностей языка, создание максимально нагруженного экспрессивной оценкой обозначения. «В современном словопроизводстве обнаруживается высокая доля оценочных и вообще экспрессивных моделей» [2: 149].

Деривационная активность касается в большой степени и глагольной лексики, т. к. русский язык, как и все славянские языки, отличает тенденция к повышенной глагольной деривации. Глагольная номинация позволяет объективировать целую ситуацию, в компактной языковой форме запечатлеть процесс, выразив при этом субъективное отношение говорящего к нему. Глагольные новообразования, как и другие неологические явления, зачастую связаны с какими-либо злободневными, насущными, широко обсуждаемыми явлениями, событиями, которые вызывают эмоциональную реакцию и которые у всех «на языке». Например, отрицательное отношение к ЕГЭ спровоцировали создание таких окказиональных форм, как *обьЕГЭрить* (на основе заместительного словообразования от *объегорить* ‘обмануть’ и ЕГЭ), *ЕГЭкнуться* и т. п. Вновь образованный глагол характеризуется, как правило, ярко выраженным лингвокультурным, лингвокреативным, эмоционально-оценочным характером. Эти возможности глагольной номинации делают ее чрезвычайно активной и востребованной в повседневном общении, в Интернете, в языке СМИ. Вследствие этого глагольные неодериваты стилистически ограничены: как правило, функционируют в разговорной, профессиональной речи, рекламе.

Среди механизмов создания экспрессивно-оценочного значения у окказиональных глаголов можно выделить следующие: соотносительность корневой морфемы с общественно значимыми понятиями, подлежащими оценке; использование словообразовательных возможностей языка, в том числе аффиксов, выражающих эмоционально-оценочное значение; глагольную универбацию как способ образования семантически емкой, полифункциональной, компактной номинации; использование словообразовательной модели,

148 | имеющей аксиологическое значение; активную ассимиляцию англоязычных заимствований ввиду их краткости, выразительности, экспрессивности; использование англоязычных морфем, в том числе служебных элементов, в качестве корневых в силу их лаконичности и образности; фоносемантический фактор.

Значения глагольных новообразований, как правило, полиакциональны и реализуют уже известную словообразовательную модель, напр., глагольный дериват *скитаёзить*, означающий ‘украсть китайцами (используя китайскую хитрость)’, образован по той же модели, что и недавний окказионализм *свиолончелить* («Слово года – 2016»; в значении ‘украсть’ в связи с расследованием дела виолончелиста Сергея Ролдугина, на счетах которого обнаружены 2 миллиарда долларов и которые он, якобы, провез в виолончели), и появившийся в связи с воровством при строительстве олимпийских объектов в Сочи глагол *солимпиадить*, и известный еще в советские времена глагол *скоммуниздить*, восходящий в конечном итоге к известному русскому обценному слову.

Продуктивной в современном русском языке является и модель, образованная с помощью конфикса *на-...-ся* с категориальным значением чрезмерной интенсивности и доведения до предельного состояния и представленная такими глаголами в русском языке, как *напиться, наестся, наиграться, насмотреться* и т. п. Продолжают эту цепочку окказионализмы *накорвалолиться* (‘напиться корвалола’), *навалокординиться* (‘напиться валокордин’) (из передачи 1 канала ТВ «Жить здорово!»), *намакияжиться* (‘сделать макияж’), а также образованные от китайских корней *наулуниться, нацигуниться, начифаниться, нашаолиниться* и др. (всего 18 единиц) [5: 140].

В русле аффиксального аксиологического словообразования появляются многочисленные окказионализмы с двойными и даже тройными формантами. По аналогии со знаменитым *понаехали* был образован *понаоставались*, а также глагол с тремя префиксами *понаотсосать*, возникший в связи с воровством газа, идущего через Украину. Значение отрицательной результативности, сопровождаемое оценкой осуждения, свойственно глаголам с префиксам *до-* и постфиксом *-ся*, широко распространенными в современной речи: *доработаться, допить, допомогаться, доразговариваться* и т. п.

Не только в разговорной речи, рекламе, но и в общественной, профессиональной областях, в экономической, политической сферах жизни образуются и находят распространение глагольные новообразования. Активно в этих сферах используются глагольные универбаты: однословные глагольные номинации, образованные на основе формальной и семантической компрессии на базе словосочетания. Глагольные универбаты позволяют в стяженной форме не только номинировать процесс, но и выразить свою отношение к нему, дать ему оценку. Так, реакцией одного из журналистов на ежегодный

прямой эфир президента РФ В. В. Путина были слова: «Слов нет. Вы опять *дзюданули* весь мир» (Интернет). Глагол **дзюдануть** образован на основе словосочетания *провести прием дзюдо* и употреблен в данном контексте в переносном значении ‘обыграть, победить в какой-либо схватке’. При этом употребление его мотивировано знанием экстралингвистической ситуации: увлечением президента В. В. Путина борьбой дзюдо. Примерами глагольных универбатов, употребляемых в политическом дискурсе, являются и глаголы **финализировать** (← *осуществлять финал*) («Мы *финализируем* наши действия по обмену пленными»), **педалировать** ‘ускорять’ (← *нажимать на педаль газа*) («Мы не можем *педалировать* этот процесс») и т. п.

Пополняют корпус аксиологически заряженных глаголов и дериваты, образованные на основе английских корней. Привлекательность иностранного слова кроется в специфике русского менталитета, для которого все иностранное престижно. «Культурно отдаленное, “чужое” всегда позитивно окрашено» [4: 28]. Однако русская языковая система подчиняет чужие элементы действию своих законов, включает его не только в свою лексико-грамматическую систему, но и систему выражения ценностей, систему «эмоционально-экспрессивного и оценочного отношения к миру» [1: 73], благодаря чему расширяются экспрессивные возможности русского языка.

При этом одним из механизмов создания аксиологического значения может стать изменение функций словообразовательных элементов или их морфологической характеристики при заимствовании. Так, морфема *ship*, по происхождению являющаяся суффиксом, указывающим на отношения (*friendship* ‘дружба’, *relationship* ‘отношения’), в русском глаголе **шипперить/шипперить** ‘следить за развитием отношений двух людей Интернете’ является корневой и несет основную семантическую нагрузку (из англ. *Shipper/shipper* – ‘человек, следящий за чьими-либо отношениями’) (напр.: «Я вас уже *шипперю*» – комментарий в vk.com под перепиской-спором двух пользователей). Английский послелог *off* также трансформировался в корневую морфему в русских глаголах **оффнуть, заоффнуться**, получивших благодаря этому ярко выраженный аксиологический компонент («*Оффни свет!*» → «*Заоффнись!* ‘Выключись, заткнись!’»).

Заимствование закрепляется и активно функционирует в речи благодаря компактности формы, яркости и оригинальности слова, фоносемантическому критерию, новизне. Благодаря этим признакам глагольные дериваты вытесняют из современной русской речи фразеологизмы. Так, активно используемый в молодежном жаргоне глагол **флудить** (от англ. *flood* ‘потоп’) ‘нести бессмысленные потоки информации’ (*Флудить в беседе*) по своему фонетическому облику (близок глаголу *блудить* с семантикой длительного бессмысленного хождения, плутания), словообразовательному характеру (краткости формы благодаря суффиксу *-и-*), экспрессивному (пренебрежи-

150 | тельному) заряду предпочтительнее, чем его фразеологические синонимы *растекаться мыслью по древу; нести околесицу*. Однословные новообразования имеют не меньший экспрессивный заряд и оценочный характер, чем фразеологизмы, но обладают и еще одним достоинством с точки зрения современного носителя языка – краткостью и лаконичностью.

Играет свою роль в развитии аксиологического компонента в значении и фоносемантический фактор. Популярные в молодежной среде глаголы *апгрейдиться* (от *апгрейд*, англ. *up-grade* ‘подъем; улучшение, обновление’) ‘обновить детали компьютера’, ‘обновить одежду’, ‘повысить уровень, приобрести какие-л. навыки’, *левел апнуться* ‘улучшить свои навыки’ (от англ. *level up* ‘повысить уровень’) благодаря форманту *ап* (фонетически сочетающему в себе краткий гласный нижнего подъема и взрывной губно-губной) ассоциируются с прыжком, подъемом, успехом. Звукосочетание *оф* в глаголе *заоффнуться* символизирует закрытие, выключение благодаря округлости лабиализованного *о*, переходящего в губно-зубной щелевой *ф*. Фоносемантически эти английские звукосочетания привлекательны тем, что их можно отнести к «семантическим прототипам, способным давать жизнь новым значениям» [9: 242–243].

Сочетание шипящих с гласными среднего подъема и сонорными в глаголе *шеймить* ‘унижать, издеваться’ (от англ. *shame* – ‘1) позор; стыд; 2) позорить’) ассоциативно связано с шипением, низким постыдным положением. Сочетание *лекс* в глагольном деривате *флексить* (от англ. *to flex* – ‘сгибать’, ‘гнуть’) ‘выпендриваться, показывать состояние, возможности’ (*флексить шмотками*) ассоциируется с люксом, модничаньем, шиком.

Много примеров глагольного окказионального словообразования не только в русском, но и в родственном словацком языке, который в этом плане если не превосходит русский язык, то уж никак ему не уступает. При этом глагольные новообразования часто прагматически заряжены, напр., *letovať* ‘интересно проводить лето’, *vidličkovat* ‘взбивать что-либо вилкой’ (от *vidlička* ‘вилка’), *hranit’ sa* ‘чесать спину о дверной косяк’ от *pošuchat’ sa o hrani*), *bankovať* ‘держат деньги в каком-либо банке с определенной выгодой’, *dovolenkovat* ‘весело проводить отпуск’ (от словц. *dovolenka* ‘отпуск’), *slniť sa* ‘лежать на солнце, причиняя вред здоровью’ (от *slnce*, хотя в словацком языке существует аксиологически нейтральный глагол, соответствующий нашему загорать – *opalovať*), *premierovať* ‘громко провести премьеру спектакля, фильма’, *zakružkovat* ‘выбрать, обвести кружком что-то в анкете’) и др. При сравнении глагольных дериватов встречаются универсалии, но чаще они отмечены этнокультурной спецификой. Так, словацкий глагол *premierovať* находит аналог в русском – премьерить («Премьерим свои главные новинки еще до премьеры на телеэкране», ТВ). Напротив, словацкий глагол *zakružkovat* имеет ярко выраженную специфику: в словацкой культуре принято

обводить «кружком» выбранный в каком-либо перечне элемент, в отличие от русской традиции, где чаще ставят «галочку» около выбранного варианта, что вербализовалось в русском общении в универбате *галковать/галкнуть* (← *ставить/поставить галочку*) [8].

Приведенный материал, иллюстрирующий одну из тенденций в сфере глагольной лексики, – тенденцию к аксиологической заряженности, демонстрирует его соотнесенность с важными явлениями общественной или социальной жизни, а также с бытовыми ситуациями, актуальными для живой разговорной речи. Новые глагольные номинации требуют сопряжения с оценкой явлений и событий, чаще всего отрицательной, а иногда и осуждением происходящего, а также с иронией, насмешкой. Аксиологическая составляющая является следствием фоновых, событийных, культурных знаний, присущих носителям языка – авторам глагольных неодериватов. Подобные образования «приобретают предельно общий экспрессивно-оценочный смысл <...>, позволяющий употреблять данные глаголы в самых разнообразных коммуникативных условиях, в качестве оценочной реакции на самые разнообразные ситуации» [1: 45].

Литература

1. Активные процессы в современном русском языке новейшего периода: Учебное пособие / под ред. Т.Б. Радбиля. – Москва: ФЛИНТА, 2022. – 232 с.
2. Валгина Н.С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2001. – 303 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. – М., 1996. – 441 с.
4. Вепрева И.Т., Купина Н.А. О творческом потенциале русского языка, иноязычной лексике и оценочном отношении к «чужому» слову // *Studia Russico-Slovaca*. – Ružomberok: VERBUM, 2014. – С. 25–34.
5. Ли Сыци. Лексика китайского происхождения в русском языке: функциональный подход: дис. ... канд. филол. наук. – Казань, КФУ, 2020. – 290 с.
6. Маркова Е.М. Прагматическая составляющая современной русской речи на фоне словацкого языка // *Русский язык в поликультурном мире. Сборник научных статей по материалам I Международного симпозиума в Ялте (8–12 июня 2017 г.)*. В 2 т. – Т. 1. – Симферополь: АРИАЛ, 2017. – С. 171–179.
7. Маркова Е., Григорянова Т. Динамические аспекты лексики современных славянских языков. – Brno: TRIBUN EU, 2016. – 187 с.
8. Маркова Е.М., Рацибурская Л.В., Иссерс О.С., Мельник Ю.А., Зайцева И.П., Сипко Й., Радченко М.В. Роль СМИ в демократизации и креативизации современного русского языка // *Вестник МГОУ: Филологические науки (Электронный журнал)*. – 2017. – № 1.
9. Михалев А.Б. Теория фоносемантического поля. Двадцать лет спустя: монография. – Пятигорск: ПГУ, 2018. – 518 с.

152 | *Abstract.* The report deals with the strengthening of the pragmatic component in modern Russian speech, the increase in the emotional and evaluative component of Russian communication. The purpose of the article was to analyze verbal neoderivatives from the point of view of ways of expressing the evaluation of the nominated actions and events in them. Using the material of verbal neoplasms, the author analyzes the mechanisms of formation of the evaluative component. These include: correlation of the root morpheme with socially significant concepts; use of word-formation possibilities of the language; verbal univerbation; implementation of an axiologically charged word-formation model; use of English borrowings; transformation of English-language affixes, service elements into root ones on Russian soil; phonosemantic factor. In some cases, a comparison is made with the related Slovak language, which makes it possible to identify the Russian language specificity in the expression of evaluation in verbal neoderivatives. The examples given in the article become an illustration of the “evaluative reaction” of native speakers to a variety of everyday, social, political situations. abstract.

Keywords: verbal neoderivatives, emotional-evaluative component, mechanisms for expressing evaluation.

СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСЕМЫ «РАДУЖНО» И ЕЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности функционирования лексемы «радужно», связанные с активным развитием категории состояния. Краткое прилагательное среднего рода и наречие на -о стремительно переходят в предикативы, что свидетельствует о явлениях переходности в области частей речи на современном этапе развития русского языка. Основанием для перехода может быть назван семантический потенциал лексемы «радужно».

Ключевые слова: категория состояния, семантический потенциал, явления переходности, предикативация.

В современном обществе на первое место выходят переживания человека, его впечатления и состояние. Этому активно способствуют социальные сети, ориентированные на предельную откровенность в выражении чувств и эмоций.

В связи с этим носители русского языка начинают употреблять в речи те слова, которые позволяют им охарактеризовать свое состояние точнее и экспрессивнее. Становится более частотной та лексика, которая отражает мысль о состоянии.

С 2010-х годов в интернет-коммуникации наблюдается всплеск в употреблении лексем, входящих в семантическое поле «погода», но не в качестве характеристики каких-либо природных явлений, а человека. Все вышесказанное можно подтвердить, проанализировав развитие семантики и особенности функционирования лексемы «радужно» в современном русском языке.

Начнем с исходного существительного «радуга». Вопрос о происхождении этого слова неоднократно поднимался отечественными учеными. На современном этапе развития российской лингвистики существуют следующие точки зрения:

- 1) общеславянское *radoga* – производное от праславянского корня *radъ*, значение которого аналогично англосаксонскому *rot* (радостный, благородный);
- 2) корень *rad* – производный от *Arda* (имя одного из славянских вождей);
- 3) народная этимология – образовалось в результате слияния слов «рай» и «дуга». Так, в ряде диалектов современного русского языка слово произ-

154 | носится как «райдуга», так же оно звучало в русском языке в XVII–XVIII веках [5].

Радуга имеет огромное значение в славянской картине мира. Так, в библейской традиции радуга – знак Божий в небесах, который является символом того, что мир не будет уничтожен водой: «С библейскими представлениями о всемирном потопе (Бытие, IX, ст. 8–17) связано восприятие радуги как божественного знака благополучия и благодати. Ср. рус. архангельское “божья дуга, знаменье господне”, карпат. “божий знак”, укр. “знамене”, “святка” и др. На основе ветхозаветного текста и апокрифов возникли народные предания о радуге, например зап.-болг.: “Бог сказал Еве – пока существует радуга, люди будут плодиться, а как только она исчезнет, наступит второе пришествие”» [4].

Соответственно, это небесное явление имеет и определенный смысл в сознании носителей славянских языков, прежде всего, русского. Об этом говорят, например, существующие в русском языке пословицы: «радуга по утрам – предупреждение пастухам»; «радуга вечером – дождю здесь делать нечего».

Перейдем к производному прилагательному «радужный». Оно имеет несколько значений:

- 1) ‘относящийся к радуге’;
- 2) перен. ‘разноцветный, расцветкой, блеском или сиянием напоминающий радугу’ + ‘окрашенный в цвета радуги’;
- 3) перен. ‘ничем не омраченный, радостный’;
- 4) жарг. ‘относящийся к ЛГБТ’;
- 5) жарг., субстантивир. ‘человек, относящийся к ЛГБТ’ [1].

Лексема «радужно» представляет собой омокомплекс (термин В. В. Бабайцевой).

В словаре даны следующие толкования:

- 1) нареч. к радужный; ‘напоминая радугу’;
- 2) перен. ‘то же, что радостно; испытывая или выражая радость, счастье’ [1].

Покажем все вышеизложенное на конкретных примерах.

1) Думаю, **все хорошо и радужно** 100 % времени у тех, кто в психбольнице. (03.10.2022)

В данном примере «радужно» является частью составного именного сказуемого. «Радужно» связано с местоимением «все» связью, которая называется координация. Краткое прилагательное среднего рода здесь имеет значение ‘хорошо, приятно’. «Здесь мы наблюдаем двойственность семантики. С одной стороны, формально субъект выражен определительным местоимением “весь”. С другой стороны, субъект имплицитно присутствует, т. е. делегирует свои полномочия более абстрактному слову» [2: 51]. Кроме того, мы наблюдаем и явление «семантической аккомодации» (термин К. Я. Сигала), т. е. «радужно» встает в однородный ряд с лексемой «хорошо».

2) *На самом деле мои дела не так уж и плохо, я просто не хочу жить, а так **все радужно*** (03.10.2022).

Здесь исследуемая лексема имеет значение ‘хорошо, в порядке’. Также мы видим оппозицию «плохо – хорошо»: «не так уж и плохо <...>, а так все радужно». Это является показателем того, что «радужно» вполне успешно замещает более привычное краткое прилагательное в данной позиции.

3) *Мне порой интересно, как выходя из дома, где **все радужно** и **красиво**, вас еще об колено не сломала суровая действительность...* (26.09.2022).

В данном предложении «радужно» имеет значение ‘хорошо, без каких-либо происшествий’ и встает в однородный ряд с лексемой «красиво», которая тоже усиливает эмоциональность автора.

4) *Также на первом курсе рассуждалось с товарищами. **Радужно** звучит.* (13.09.2022).

Здесь «радужно» является качественным наречием и имеет значение ‘хорошо, вполне логично’.

5) *Собираешься домой ехать и тут тебе **радужно** сообщают, что твою станцию закрыли...* (12.04.2017).

В этом примере лексема «радужно» – это наречие образа и способа действия, которое имеет значение ‘радостно’.

6) *в Тбилиси сегодня **радужно*** ~ (03.10.2022).

В данном предложении исследуемая нами лексема представляет собой предикатив, который характеризует и состояние природы, и обстановку/ситуацию в целом. Контекст позволяет сделать неоднозначные выводы. Обычно в таких случаях «радужно» имеет положительную коннотацию.

Для нас же более интересной является лексема «радужно», которая на современном этапе развития русского языка входит в категорию состояния. «Традиционным грамматическим центром категории состояния являются слова на -о в безлично-предикативном употреблении, восходящие к качественным прилагательным и в современном русском языке сохраняющие с ними и с адъективными наречиями омонимическую связь» [3: 151].

Так, например, о переходе лексемы «радужно» в категорию состояния свидетельствует ее способность организовывать дативно-предикативные конструкции с местоимением «мне»:

1) *Что-то я принял факт дистанционки, и теперь мне абсолютно **радужно** на нее* (05.05.2020).

В данном примере «радужно» не только управляет дательным падежом местоимения «я», но и к нему примыкает наречие меры и степени «абсолютно», усиливающее экспрессию мысли автора. Здесь «радужно» имеет значение безразличия, равнодушия.

2) *Мне **радужно** и **тепло*** (2017).

В этом примере «радужно» встает в однородный ряд с лексемой «тепло», что говорит о таком явлении, как «семантическая аккомодация». Лексема «радужно» имеет значение ‘хорошо, приятно’.

3) *Так как, вот так – и так и сяк с тобою радужно мне, и мы не против быть напротив навсегда* (2019).

Здесь лексема «радужно» тоже имеет значение ‘хорошо, приятно’. Мы наблюдаем и инверсию: «радужно» стоит на первом месте, местоимение «мне» – на втором. Это говорит о том, что состояние субъекта важнее, чем сам субъект.

Во всех примерах мы видим субъективное представление человека о мире, его характеристику какой-либо ситуации, мнение по поводу чего-то и т. п. «Именно такие лексемы впоследствии получают дополнительную валентность на дативный компонент, который становится одновременно маркером субъективизации семантики слова» [3: 151].

Таким образом, мы можем говорить о том, что «изначально нейтральные лексемы, характеризующие природный объект, в результате метафоризации получают субъективные оттенки». Этот факт позволяет сделать вывод, что в сознании современного носителя русского языка происходят активные изменения, меняются ценностные установки и т. п. Человек начинает обращать все больше внимания на свое состояние, настроение и т. д. Этому способствуют социальные сети и мессенджеры, которые ориентированы на предельную искренность, откровенность в выражении мыслей, чувств и эмоций.

Литература

1. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.
2. Коваленко С.М. Семантический потенциал лексемы солнечно в современном русском языке: выпускная квалификационная работа. – М., 2021. – URL: <https://nauchkor.ru/pubs/semanticheskij-potentsial-leksemy-solnechno-v-sovremennom-russkom-yazyke-60d4be9be4dde5000108bcd5> (дата обращения: 29.09.2022).
3. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология. – М.; Ярославль: Канцлер. – С. 148–194.
4. Толстой Н.И. Из географии славянских слов, «Радуга». Общеславянский лингвистический атлас. – М., 1974.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка = Russisches etymologisches Wörterbuch / пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 1–4.

Abstract. The article discusses the features of the functioning of the lexeme «радужно» associated with the active development of the category of condition.

The short adjective of the neuter gender and the adverb on -о are rapidly turning into predicatives, which indicates the phenomena of transitivity in the field of parts of speech at the present stage of the development of the Russian language. The semantic potential of the lexeme «радужно» can be called the basis for the transition.

Keywords: category of state, semantic potential, transitivity phenomena, predicativity.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЭВФЕМИЗИРУЮЩЕЙ/ДИСФЕМИЗИРУЮЩЕЙ ПАРОНИМИЧЕСКОЙ АТТРАКЦИИ

Аннотация. В статье рассматриваются случаи возникновения оценочных смыслов в значениях нейтральных номинаций за счет привлечения к интерпретации потенциальных паронимических аттрактантов. Особое внимание уделяется аксиологическому потенциалу ПА, используемой в речевых стратегиях эвфемии и дисфемии. Авторы приходят к выводу, что успех стратегии воздействия зависит от точности выбора говорящим паронимов-аттрактантов и языковой компетенции адресата.

Ключевые слова: паронимическая аттракция, эвфемия, дисфемия, языковая игра, оценочность.

Паронимическая аттракция (далее – ПА), которую мы определяем как системно обусловленное и проявляющееся в речи сближение слов, различающихся семантически, но благодаря фонографемному сходству продуцирующих новые смыслы, активно используется сегодня как инструмент создания имплицатур при не прямой коммуникации. При этом «одно слово “вживляет” своих агентов в другое, инверсивно “ввинчивает” элементы собственной формы в другие или, наоборот, извлекает “в преображенном виде” свое из чужого» [2: 244], а выделяемые при этом морфоподобные элементы [8: 598; 9: 483] становятся минимальными единицами означивания.

Важно, что один из аттрактантов может быть имплицитным: ПА базируется на установлении «точного соответствия между слышимым/читаемым словом и словом, хранящимся в ментальном лексиконе» [7: 210], а паронимическая трансформация манифестирует «с одной стороны, то, что “было”, с другой стороны, что “получилось” как результат изменений фонетического плана выражения» [1: 65]. Именно эта двуплановость и формирует внутреннюю предикацию в парадигме аттрактантов, потенциально разворачивающуюся в серию высказываний о характеризуемом ею объекте.

Сегодня на первый план выходит изучение ПА, которая используется в речевых стратегиях эвфемии/дисфемии [5: 3], актуализируя положительные/отрицательные коннотации в представлении предмета сообщения.

В бытовой коммуникации нечто неприличное или неприятное для собеседника часто «переназывается» с помощью созвучного слова, приобретающего

статус контекстуального эвфемизма. Например, представляя *аллергию* как *аллегорию* (*Это у меня **аллегория***), можно значительно смягчить впечатление о болезненных проявлениях, «поэтизируя» неполадки в организме, но все же прозрачно намекнуть на истинное положение дел: *Не пугайтесь. Это не грипп, и я не заразен. Чихаю от аллергического насморка*. Этот пример интересен тем, что само подменное слово содержит эксплицитное указание на стратегию, избранную говорящим: *аллегория* – это и есть иносказание, намек на скрытый смысл. Так же некоторым кажется гораздо «приличнее» *блуждать* ‘переходить с одного на другое, не сосредотачиваясь на ком-либо или чем-либо’ *меж женщин*, а не откровенно *блудить* ‘распутничать’.

В том же случае, если нейтральная номинация заменяется созвучной с отрицательно-оценочными семами в зоне импликационала значения, можно говорить о дисфемии. Так, сегодня *аллигатором* могут назвать и *агитатора*, и *олигарха*. Из-за наличия у слова *аллигатор* зафиксированного словарями переносного значения ‘злой, хищный человек’ безоценочные слова дисфемизируются, получая новые определения: *агитатор* ‘хищник, охотящийся на избирателей’, *олигарх* ‘особо хищный капиталист, который только и знает, что грабить народ, людоед’. Дисфемизмом может стать и имеющая положительные ассоциации номинация, как, например, *демократия*, за которой в известных контекстах стоит постперестроечный обцененный неологизм *дерьмократия*, на что указывают маркеры замены вроде *извините, с позволения сказать* [5: 76]: *Вы это что же – меня, я извиняюсь, за **демократа** принимаете?* (лидер коммунистов Г. Зюганов, «Эхо Москвы», 03.08.2010).

Особый случай ПА представляют собой словообразовательные бленды, в которых в определяемое слово-аттрактант «вживляются» другие созвучные номинации, вызывающие процессы «скорнения», или реэтимологизации. Первое в его общеязыковом значении становится темой непрямого высказывания, его аттрактанты вносят в высказывание рематический компонент. Например, реагируя на неприятные для тренерского штаба Этери Тутберидзе «вбросы» американского блогера, хореограф Алексей Железняков замечает: *Такой **журнаглист**, как Дейв Лиз, не достоин внимания и комментариев* (Sports.ru, 21/09/22). Словом-темой в этом примере каламбурной ПА является нейтральная номинация *журналист* ‘человек, занимающийся профессионально литературно-публицистической деятельностью в одном из СМИ’, рематическими расширениями становятся паронимы *наглец* ‘крайне дерзкий и бесстыдный человек, нахал’ и *глист* ‘паразит’. В результате паронимически оформленный бленд превращается в «свертку» высказывания о *журналисте*, оцениваемом крайне отрицательно: *Журналист – дерзкий и бесстыдный человек, паразитирующий на других*. Таким образом, ПА реализует стратегию дисфемизации. Примером свернутого высказывания об объекте можно назвать приведенный и приводимый С. Ильясовой каламбур *НАФТАлиновый бизнес*

160 [3: 77], в котором ПА связывает прилагательное и созвучную ему известную аббревиатуру: с учетом жаргонного значения прилагательного *нафталиновый* ‘устаревший, неактуальный’, оно превращается в дисфемизирующую рему к теме НАФТА и дает нелестную характеристику деятельности компании «Нафта», экспортера нефти и нефтепродуктов.

Иногда ПА маркирует амбивалентность предмета высказывания, обозначая его эвфемистично-дисфемистичной парой аттрактантов. Приведем и случай намеренного смягчения представления о денотате с одновременным эксплицированием эвфемизации из поэтической практики Н. Искренко: *О нежная девочка юная стройная баба юная стройная Барби* («Игра в куклы»). В этом примере, однако, об эвфемии можно говорить в том случае, если предполагается, что, с точки зрения адресата, *Барби* лучше, чем разговорно-сниженное *баба*, к тому же имеющее ряд отрицательных коннотаций (*грубая, крикливая, неопрятная* и т. п.). Если же в системе стереотипов адресата *Барби* – это «кукла», хорошенькая, нарядная голубоглазая блондинка, «пустоголовая», как и кукла-прообраз, малолетка, пытающаяся представить себя взрослой, то речь уже о функциональной дисфемии. Автор же закладывает в тексте возможность двоякого прочтения семантических отношений аттрактантов *баба* – *Барби* [6: 231], которые уже на уровне интерпретации наполняются конкретным смыслом.

Фактор адресата играет важную роль и в актуализации оценочности при ПА в нейминге. Так, называя кондитерскую «Торт в рот», номинаторы, безусловно, использовали устойчивую ассоциацию с представлениями о прекрасном вкусе кулинарных изделий, которые *прямо в рот просятся*, а ПА, придавая номинации цельнооформленность, по их задумке превращала ее в знак дегустации лакомства, которое буквально просит, чтобы оценили его вкус. Между тем, поскольку *торту в рот* может быть сопоставлен *торт в лицо*, рассматриваемая номинация распадается на два компонента, и второй компонент может быть прочитан адресатом обценно, вызвав у него нежелательные ассоциации и тем самым переключив регистр общения с возвышенного на сниженный. Таким образом, номинация в оценочном плане оказывается положительно-отрицательной, а восприятие ее как мелиоратива или пейоратива зависит от точки зрения.

Основываясь на приведенных речевых фактах, можно заключить: поскольку ПА предполагает семантическое контрастирование при возможности обнаружения не вполне определенного семантического изоморфизма взаимодействующих единиц, ее потенциал делает возможным и подмену одного денотата другим, как это происходит, если говорящий прибегает к речевой стратегии эвфемии/дисфемии, связанной соответственно с положительной/отрицательной оценочностью входящих в ПА номинаций. Однако избранная говорящим стратегия может оказаться неэффективной при возникновении

Литература

1. Гусейнова Т.С. Парономические фразеологические трансформы в газете // Евразийский союз ученых. – 2015. – № 4–8 (13). – С. 64–65.
2. Векшин Г.В. Метафония в звуковом повторе (к поэтической морфологии слова) // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 90. – С. 229–250.
3. Ильясова С. Языковая игра в газетном тексте // RELGA. – 2001. – № 23. – С. 77.
4. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М.: ГИРЯП, 2010. – 23 с.
5. Саакян Л.Н., Северская О.И. Эвфемия в межкультурной коммуникации // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 3. – С. 75–80.
6. Северская О.И. «Новые» слова и смыслы: системные и функциональные возможности паронимической аттракции // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – 2019. – № 1 (19). – С. 229–237.
7. Филд Дж. Психоллингвистика: Ключевые концепты. Энциклопедия терминов (с английскими эквивалентами). Пер. с англ. / общ. ред. И.В. Журавлева. – М.: ЛКИ, 2012. – 344 с.
8. Gauthier M. Les équations du langage poétique / Thèse du Docteur d'Etat. – Lille: Ed. Univ. De Lille, 1973. – 624 p.
9. Lord R. A new concept in structural semantics. The homoneme // Actes du X-e Congrès International des Linguistes. Bucarest, 1970. – Vol. II. – Pp. 433–441.

Abstract. The article examines the cases of the occurrence of evaluative meanings in the values of neutral nominations due to the involvement of potential paronymic attractants in the interpretation. Special attention is paid to the axiological potential of paronymic attraction used in the speech strategies of euphemia and dysphemism. The authors conclude that the success of the impact strategy depends on the accuracy of the speaker's choice of paronyms-attractants and the addressee's linguistic competence.

Keywords: paronymic attraction, euphemia, dysphemism, language game, axiology.

О СТАТИСТИЧЕСКИХ МЕТОДАХ В ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Аннотация. В статье представлен краткий обзор работ, в которых к языковому материалу применяются количественные методы.

Ключевые слова: лингвистика, математическая лингвистика, статистика, частотность, закон Ципфа, формальная грамматика.

Синтез статистических и филологических методов остается актуальной задачей: лингвистика понимается как точная наука, что сближает ее с математикой. История и эволюция применения количественных методов в лингвистике описана, например, в монографии Э. Кели [5]. Как отмечают авторы рецензии на эту монографию, применение квантитативных методов характерно уже для филологической науки XIX века. В это время исследователи ограничивались лишь «простейшими методами частотно-статистического анализа» [4: 134]. А. С. Будилович исследовал частотность букв в старославянских текстах, М. А. Дикарев проводил сравнительные подсчеты частотности употребления гласных и согласных букв в русском и украинском языках. А. Х. Востоков и Н. Г. Чернышевский в своих работах заложили основы методики квантитативного анализа стиха. В начале XX века математик А. А. Марков применил методику теории вероятностей к языку и провел эксперимент с текстом романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» [2]. Его исследование заключалось в определении оценок вероятностей появления в тексте гласных и согласных букв и буквосочетаний. Преобразовав исходный текст в сплошную последовательность символов без пробелов, кавычек, ь и ъ, а также без букв латинского алфавита и выделив начальную последовательность длиной 20 000 символов, А. А. Марков определил вероятность появления гласных и согласных букв и их сочетаний. А. А. Марков разработал собственную модель (т. н. цепь Маркова), которая позволяет лингвистам определять авторство текстов на основе анализа вероятности сочетаемости словоформ в заданной последовательности. Отметим между строк, что та же модель использовалась при создании алгоритма PageRank системы Google – алгоритма ссылочного ранжирования, позволяющего оценить «важность» и «авторитетность» текстового источника в сети Интернет на основании количества ссылок и гиперссылок на данный источник. Этот алгоритм применяется во многих существующих сегодня поисковых системах.

Несмотря на живой интерес ученых к вопросу возможности применения формальных методов к естественному языку, на осознание необходимости

применения количественного, «математического» мышления (термин И. А. Бодуэна де Куртенэ), работы в рамках рассматриваемого научного направления стали массовыми лишь к концу 1950-х годов XX века. Подобная «массовость» и всплеск интереса, по-видимому, объясняются тем, что к этому времени достаточно продвинулись вперед такие научные дисциплины, как алгебра, теория алгоритмов, теория автоматов и математическая логика: оформился необходимый формальный методологический аппарат анализа. Н. Хомский создает *теорию формальных грамматик* – центральный раздел математической лингвистики. Кроме этого, отмечается рост интереса к проблемам теории информации, машинного перевода, к исследованию языка и речи при помощи ЭВМ. На этом этапе организуются многочисленные конференции, создаются проекты на стыке лингвистики и технических наук. Статистические методы нашли свое применение на всех основных уровнях языковой системы (анализировалась частотность звуков, фонем, звукосочетаний, частей речи, надежных показателей, создавались словари частотности).

В 1960-х годов выходят сборники под редакцией Р. Г. Пиотровского «Статистика речи». Исследовательская группа работает по трем основным направлениям. Скажем несколько слов о каждом из них.

Первое направление связано с выявлением и описанием кодовых свойств языка. Для выполнения этой цели предлагаются экспериментально-статистические методы вычисления энтропии (т. е. неопределенности) языка. Смысл экспериментов состоит в том, что испытуемым, говорящим на данном языке, дается незнакомый текст и предлагается последовательно отгадывать отсутствующие буквы этого текста. На основании полученных данных вычисляются верхняя и нижняя границы энтропии букв. В результате становится возможным дать количественную оценку лингвистическому понятию «контекстные связи». Показано, что существуют различные статистико-лингвистические ограничения, которые накладываются на синтагматику языка. Иными словами, контекст может способствовать устранению энтропии.

Второе направление связано с определением статистических характеристик лексики, фразеологии, грамматики, фонемно-графемного уровня. Статистическую модель лексики, например, предлагается создать при помощи частотных списков слов, составленных на основе текстов, объединенных тематически. Данные списки анализируются как при помощи методов языкознания, так и при помощи методов математики. Ставятся вопросы о том, каким образом можно выявить количественную меру эффективности и достоверности частотных словарей; какие статистические закономерности стоят за употреблением лексических единиц... Для ответа на них необходимо построение вероятностной модели, рассматривающей текст как случайный процесс, а единицы текста – как случайные события.

Наконец, в рамках третьего направления разрабатываются системы автоматического анализа текста с использованием ЭВМ. Лексико-статистический анализ текста предполагает решение двух задач. Первая предполагает поиск и упорядочение по частоте и алфавиту словоформ и комбинаций словоформ. Вторая состоит в том, чтобы выявить общие информационные закономерности текста (например, соответствие распределения закону Ципфа¹).

Статистические исследования проводятся на материале научно-технической, публицистической и разговорной речи (см. подробнее [3]). На основе полученных информационно-статистических описаний речи оказывается возможным создание работающих программ по автоматическому анализу и синтезу научно-технических, публицистических и разговорных текстов по основным европейским языкам.

По всей вероятности, начиная с 1970-х годов XX века интерес лингвистов к разработке собственно статистических методов начинает падать: лингвостатистика уходит на периферию языкознания. Отметим для полноты картины и тот факт, что некоторые ученые скептически и с недоверием относятся к применению статистических и (шире) математических методов, к тому, чтобы таким способом *поверить алгеброй гармонию*. Как отмечают А. В. Гладкий и И. А. Мельчук, «целый ряд лингвистов находит, что «математическая лингвистика» есть *contradictio in adjecto*, что язык и математика несовместимы и ничего общего между собой не имеют, что попытки внедрить математику в лингвистику ведут к дегуманизации последней и тем самым к ее гибели как самостоятельной науки» [1: 8–9].

Стремительное развитие технологий, создание и совершенствование компьютерных систем в первые два десятилетия XXI века – все это привело к тому, что появились новые направления лингвистической науки – корпусная лингвистика, машинный перевод, компьютерная лексикография, автоматическое распознавание речи, синтез речи и др. Необходимость имплицитной и эксплицитной интеграции формальных методов описания в лингвистическую науку можно считать своеобразным требованием времени.

Литература

1. Гладкий А.В., Мельчук И.А. Элементы математической лингвистики. – М.: Наука, 1969. – 192 с.
2. Марков А.А. Пример статистического исследования над текстом «Евгения Онегина», иллюстрирующий связь испытаний в цепь // Известия Императорской академии наук. Серия 6. – Санкт-Петербург, 1913. – Т. 7, вып. 3. – С. 153–162.
3. Статистика речи / под ред. Р.Г. Пиотровского и др. – Л.: Наука, 1968. – 258 с.

¹ Закон, утверждающий, что частотность употребления слова в тексте обратно пропорциональна его рангу в ранжированном списке слов данного текста.

4. Толпина Э.А., Скулачева Т.В., Буякова М.В. Рецензия на книгу: Kelih E. Geschichte der Anwendung quantitativer Verfahren in der russischen Sprachund Literaturwissenschaft / E. Kelih. – Hamburg, 2008. – 350 s. // Вопросы языкознания. – 2010, № 1. – С. 133–138.

5. Kelih E. Geschichte der Anwendung quantitativer Verfahren in der russischen Sprachund Literaturwissenschaft (Studien zur Slavistik). – Bd. 19. – Hamburg 2008, Verlag Dr. Kovač. – 350 S.

Abstract. The article observes researches, which apply quantitative methods to the language.

Keywords: linguistics, mathematical linguistics, statistics, quantity, Zipf's law, formal grammar.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ ПРЕДИКАТИВНЫХ ПРЕДЛОЖНО- ПАДЕЖНЫХ ФОРМ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОГО

Аннотация. Статья посвящена анализу причин перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния. Стремление современного человека (и прежде всего молодежи) к самореализации и самовыражению способствует предпочтению формы именительного падежа имени существительного или личного местоимения и всей конструкции бисубстантивного предложения с моделью *S + связка + предикативная предложно-падежная форма*. Новые факты и «перемены» прежде всего происходят в разговорной речи, в интернет-пространстве. Интернет-мониторинг позволил обнаружить ряд новейших лексем состояния, у которых категориальное значение еще не определено, но которые широко употребляются среди молодежи.

Ключевые слова: аксиологический потенциал, предикативные предложно-падежные формы существительного, категория состояния, явления переходности, языковой эгоцентризм.

Монография В. В. Бабайцевой «Явления переходности в грамматике русского языка» открывается словами Л. В. Щербы: «...Надо помнить, что ясны лишь крайние случаи. Промежуточные же в самом первоисточнике – в сознании говорящих – оказываются колеблющимися, неопределенными» [12: 36]. Существование явлений переходности в языке и речи обусловлено спецификой человеческого сознания, его переменчивостью и непостоянством. В современном русском языке существует разряд транспонированных единиц предложно-падежных форм существительного, функционирующих в предикативной позиции и демонстрирующих активное сближение с категорией состояния [см.: 1; 2; 6; 7 и др.], их появление обусловлено трансформацией сознания человека и, соответственно, адаптацией прежних ценностей к новым представлениям [5: 11].

По результатам опросов, проведенных экспертами в последние десятилетия, *самовыражение* и *самореализация* являются основной ценностной ориентацией. Причем наиболее приоритетными, по мнению экспертов, являются «ценности материального достатка, карьеры, общения, самовыражения, индивидуализма» [9: 49]. По данным социологических опросов среди молодежи России и Казахстана, проведенных в период с октября 2017 года по май 2018 года, молодое поколение («личностные особенности (*уверенность в себе, целеустремленность, независимость*)», характеризующие лидерские

качества, считает более приоритетными, нежели общечеловеческие качества (ответственность и доброта)» [10: 155]. Опросы показывают, что для нынешней молодежи крайне важны самовыражение и субъективное благополучие, что подтверждает «высокий уровень использования молодежью социальных сетей, в особенности: ВКонтакте, Instagram, Facebook, которые, в свою очередь, могут выступать инструментами свободного и откровенного самовыражения и самореализации» [10: 155].

Стремление современного человека (и прежде всего молодежи) к *самореализации и самовыражению* находит отражение в речевой деятельности человека. В современном русском языке наблюдается общая активизация местоимений: «в непрерывном оценивании всего вокруг с позиции **Я-здесь-сейчас** проявляются трансформационные процессы, затрагивающие аксиологическое сознание современного человека, и в первую очередь – поворот к своему **Я**, к *себе*» [11: 196]. На наш взгляд, «поворот к себе» находит отражение в упрочении личного местоимения в позиции подлежащего, ср.: **Я** рада, что судьба дала мне эту возможность (Кейт Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» // «Экран и сцена», 2004.05.06); *Из тех, кто может свою судьбу перевернуть и из тех, кто плывет по течению. Вот ты смог и я смог. А Коля этот, у него даже мечты нет!* (Форум: комментарии к фильму «Все будет хорошо», 2008–2011); **А мы**: «Боже, как мне надоели эти перелеты!» (Евгений Гришковец «ОдновреМенно», 2004).

Выбор формы именительного падежа имени существительного или личного местоимения и всей конструкции бисубстантивного предложения с моделью «‘подлежащее со значением лица + связка + предложно-падежная форма существительного’ (модель *S + связка + предикативная предложно-падежная форма*)» [5: 164] закрепляет тенденцию к актуализации личности: *От удивления, изумления Андрей не знал, что делать, он был просто в шоке* (Лидия Иванова «Искренне ваша грешница», 2000); *Он всегда был в форме, всегда в голосе* (профессионал не может позволить себе посадить голос, выпить накануне спектакля) (Сати Спивакова «Не всё», 2002); *Пока нет закона, основываясь на который можно отчислить чел-ка если он под кайфом!!!* (Наркотики (форум), 2005).

Переход языковых единиц из одной категории в другую – явление динамичное: случаи, прежде не считавшиеся нормой, в будущем могут войти в употребление в роли категории состояния. Так, С. Н. Цейтлин отмечала, что «фразы типа *Я в грусти*; *Он в скуке* являются ‘разрешенными’ с точки зрения языковой системы, но тем не менее совершенно неупотребительными» [8: 164]. В докторской диссертации И. П. Матхановой перечислены однокоренные языковые формы для передачи мысли о состоянии: *Ему грустно, Он грустит, Он грустен, Ему грустится*. При этом высказывание *Он в грусти* автором отмечено как невозможное [3: 12]. Однако наши наблюдения сви-

168 | детельствуют о том, что предикативные предложно-падежные словоформы *в грусти* и *в скуке*, отнесенные к семантической группе *психозмоциональное состояние*, относительно стабильно используются в речи.

Примеры употребления словоформы *в грусти*, называющей ‘состояние печали и уныния’, в сети Интернет отмечаются достаточно часто – особенно в поэтических текстах: **Я в грусти**, и, значит, Светлана появится ночью. / Влетит налегке, как улыбка чеширского барса (Ринат Юнусов²). Когда **мы в грусти** и печали, / Прошу, не надо громких слов...; Когда **ты в грусти** и печали, / Ты громких слов не говори... (Дмитрий Ахременко³). Примеры употребления словоформы *в скуке*, обозначающей ‘состояние душевного томления, уныния, тоски от безделья или отсутствия интереса к окружающему’, в качестве именной части связочно-субстантивных конструкций (термин Н. А. Герасименко) зафиксированы в НКРЯ: Я в ней уверен, что она не будет **в скуке**, потому что у ней есть занятия (А. Е. Лабзина «Воспоминания», 1810); Итак, мы остались опять **в скуке**, занимаясь посещениями врача нашего Политковского, который еще имел довольно к дому нашему приверженности, чтобы прилежно лечить жену мою и стараться о средствах избавить ее от простуды (И. М. Долгоруков «Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни». Ч. 4. 1791–1798 (1788–1822)); И на баке так и раскатились смехом, – даром что все мы **в скуке** были, потому что тормовали в Тихом океане... (К. М. Станюкович «На другой галс», 1900).

Новые факты и «перемены» прежде всего происходят в разговорной речи, в интернет-пространстве, где человек может свободно выражать свои мысли. Интернет-мониторинг позволил обнаружить ряд новейших лексем состояния, у которых категориальное значение еще не определено, но которые широко употребляются среди молодежи, к примеру: *в тренде*, *на позитиве*, *в адекват* и др.

(Быть) *в тренде* чаще всего употребляется в модной индустрии в том смысле, что ‘человек следит за свежими новинками и модными направлениями, а также успешно применяет их в своем гардеробе’, однако границы его применения значительно шире, (быть) *в тренде* – ‘это уметь выделить для себя ключевые аспекты конкретного веяния и суметь воплотить их в жизнь наилучшим образом в текущий момент’, ср.: Так что тут мы полностью **в тренде** (пока) (Коллективный. Форум: Ура! Платные парковки внутри бульварного кольца, 2013); Я отметила про себя: надо же, женщина совсем не молодая, а **в тренде!** (Евгения Пищикова. Чистота // Русская жизнь,

² Юнусов Р. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

³ Ахременко Дм. URL: http://www.hrono.ru/text/2006/yunus10_06.html (дата обращения: 03.03.2021).

2012); По крайней мере знак информации для туриста возле «Красной избу» дает понять, что мы **в тренде** (Мария Клапатнюк. Двигайтесь по стрелке // Новгородские ведомости, 2013.05.28).

Предикативно-падежные формы *на позитиве* и *в адеквате* относим к семантической группе *новейшие разновидности состояния*, характеризующиеся яркой оценочной коннотацией. Словоформа *на позитиве* обозначает состояние, при котором человек *‘сохраняет положительное оптимистичное отношение к жизни’*, это *‘восприятие мира в светлых оптимистичных тонах, вера в светлое будущее и в самого себя, которая сохраняется, вне зависимости от того, как складывается жизнь в настоящее время’*⁴. Примеры такого употребления зафиксированы в НКРЯ и в сети Интернет: *Осчастливили шмелей. Могут ли беспозвоночные жить на позитиве? Этот вопрос изучала группа зоопсихологов из Лондона, 24 шмеля натренировали проползать в трубки, помеченные зеленым или голубым цветом. Будьте всегда на позитиве*⁵! (Естествознание. Новости // Кот Шредингера, 2016).

Словоформа *в адеквате* используется со значением *‘в норме, в сознании и способности отвечать за свои действия, в трезвом состоянии’*⁶. Например: *Если мама в адеквате, то все поймет быстро* (Форум: Новые родственники – как уживаемся? 2008); *Мне иногда кажется, что она вообще, не совсем в адеквате* (Андрей Клепаков. Опекун // Волга, 2016); *Тер сосредоточенно, иногда вскидываясь на Аскара и не умолкая ни на секунду: – Прости, я не в адеквате* (Гузалия Ариткулова. Контур, выжженный на асфальте // Бельские просторы, 2018). Таким образом, словоформы *на позитиве* и *в адеквате* отличаются равновесием семантики состояния и оценки: с одной стороны, речь идет о конкретном состоянии, с другой – словоформы объединяются общей оценкой *‘хорошо’*.

Итак, мы полагаем, что причины перехода предложно-падежных форм существительного в категорию состояния заключаются в аксиологическом потенциале предикативно-падежных форм существительного – усилении языкового эгоцентризма в сознании носителей языка, стремлении к самовыражению и самореализации. Предикативные предложно-падежные формы существительного дают носителям языка возможность найти наиболее точные языковые средства для выражения актуальной мысли о новейшем состоянии во всем богатстве ее оттенков, что соотносится с тенденцией к актуализации личности в общественном сознании.

⁴ <https://fb.ru/article/395355/byit-na-pozitive-ponyatie-opredelenie-garmoniya-vnutrennego-mira-zadachi-i-tseli-pozitivnogo-nastroya-v-jizni>

⁵ <https://napozitive.ru/>

⁶ <https://dictionary.ru/%D0%BE%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B5%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20%D1%81%D0%BB%D0%BE%D0%B2%D0%B0/%D0%B2%20%D0%B0%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D0%B2%D0%B0%D1%82%D0%B5.html>

Литература

1. Берестова О.Г. Бисубстантивные предложения со значением состояния лица в современном русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / МГОУ. – М., 2003. – 22 с.
2. Калинин А.А. Семантика и предикативное функционирование предложно-падежных форм существительных в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2003. – 243 с.
3. Матханова И.П. Высказывания с семантикой состояния в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. – СПб., 2001. – 337 с.
4. Милованова М.С. Аксиологические аспекты семантики состояния // Общая и русская лингвоаксиология. – М.; Ярославль: Канцлер, 2022 (а). – С. 148–191.
5. Милованова М.С. Предисловие // Общая и русская лингвоаксиология. – М.; Ярославль: Канцлер, 2022 (б). – С. 7–11.
6. Пряников А.В. Субстантивные предикаты в современном русском языке: семантический аспект // Мир науки, культуры, образования. – 2012. – № 3 (34). – С. 397–399.
7. Сирота Е.В. Структурно-семантическая и функциональная характеристика категории состояния: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1990. – 16 с.
8. Цейтлин С.Н. Синтаксические модели со значением психического состояния // Синтаксис и стилистика: сборник статей / АН СССР, Институт русского языка; отв. ред. Г.А. Золотова. – М.: Наука, 1976. – 316 с.
9. Ценностные ориентации российской молодежи и реализация государственной молодежной политики: результаты исследования: монография / Государственный университет управления; [под общ. ред. С.В. Чуева]. – М.: ГУУ, 2017. – 131 с.
10. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции: монография / Т.К. Ростовская, Т.Б. Калиев. – М.: РУСАЙНС, 2019. – 228 с.
11. Шамсутдинова Р.Р. Аксиологический потенциал субстантивированных местоимений (на примере материалов социальной сети Instagram) // Современная российская аксиосфера: семантика и прагматика идентичности: сборник статей. – М.: Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, 2020. – С. 196–201.
12. Щерба Л.В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л.: ЛГУ, 1958. – Т. 1. – С. 35–39.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the reasons for the transition of prepositional-case forms of a noun into the category of state. The desire of a modern person (and especially young people) for self-realization and self-expression contributes to the preference of the nominative case form of a noun or personal pronoun and the entire construction of a bisubstantial sentence with a model

(S + bundle + predicative prepositional-case form). New facts and «changes» primarily occur in colloquial speech, in the Internet space. Internet monitoring made it possible to detect a number of new status tokens, whose categorical meaning has not yet been determined, but which are widely used among young people. 171

Keywords: axiological potential, predicative prepositional-case forms of a noun, category of state, phenomena of transitivity, linguistic egocentrism.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ ПРИЗНАКОВОЙ ПИЩЕВОЙ МЕТАФОРЫ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Аннотация. В статье освещается фрагмент русской аксиологической картины мира, отраженный в образных словах и выражениях, мотивированных наименованиями свойств и качеств пищи. Характеризуются когнитивные основания метафорической характеристики различных объектов действительности посредством признаковой пищевой метафоры.

Ключевые слова: пищевая метафора, образная лексика, фразеология, оценка, ценность, картина мира.

Метафора в целом и пищевая метафора в частности является языковым инструментом отражения оценок и ценностей. Цель данной работы – представить фрагмент современной русской аксиосферы через описание ценностных доминант, отраженных в образных средствах русского языка, демонстрирующих метафоризацию признаков пищи.

Актуальность изучения признаковой пищевой метафоры обусловлена тем, что процессуальная метафора и предметная метафора изучены гораздо глубже признаковой, в том числе и на материале пищевой метафоры. В качестве материала исследования рассматриваются образные слова: языковые метафоры – устойчивые лексико-семантические варианты с переносно-образным значением (*сладкий* ‘приятный, доставляющий удовольствие’; *тухлый* ‘скучный, неинтересный, обыденный’; *кислятина* ‘вялый, скучный, унылый человек’); собственно образные слова (*наслаждение* ‘высшая степень удовольствия’); образные выражения: фразеологизмы, устойчивые образные сравнения, пословицы, поговорки, в которых представлена метафоризация различных свойств и качеств пищи (*горький опыт* ‘пережитые испытания, трудности’; *хуже горькой редьки* ‘о чем-либо крайне неприятном, раздражающем, доставляющем трудности, неудобства’; *с пылу с жару* ‘о чем-либо совершенно новом, только что созданном’; *на вкус и цвет товарища нет* ‘пристрастия и предпочтения разных людей могут сильно отличаться друг от друга’).

Рассмотрим на материале данных языковых единиц, как метафорически переосмысливаются свойства и качества пищи в русском языке, на какие признаки других объектов и явлений они распространяются. Главный акцент

в работе сделан на том, какие ценностные аспекты представлены в русской признаковой пищевой метафоре. На уровне исходной сферы-источника выявляется оценка вкусовых и иных качеств продуктов, а на уровне результирующей сферы-мишени анализируются ценностные аспекты в характеристике широкого круга явлений внеязыковой действительности, отраженные в номинативных и коннотативных значениях образных средств русского языка. Таким образом, предметом анализа являются ценностные аспекты метафоризации качеств пищи в лексико-фразеологической системе русского языка.

Материал исследования составили около 200 лексических и фразеологических единиц русского языка, отражающих метафоризацию свойств продуктов питания, которые метафорически мотивированы 15 прилагательными: *вкусный, горький, кислый, лакомый, пикантный, постный, приторный, пресный, пряный, свежий, сладкий, смачный, соленый, терпкий, тухлый*. Эта группа языковых единиц представляет когнитивную модель «свойство Еды (сфера-источник) – свойство X (сфера-мишень)». Все прилагательные можно разделить на четыре группы:

1) прилагательные, выражающие общую оценку вкусового ощущения: *вкусный, лакомый, смачный*. В исходной сфере уже присутствует положительная оценка, которая проецируется на различные явления, которые оцениваются так же положительно, поскольку вызывают у говорящего приятные ощущения, полученные из разных модальностей восприятия (зрительные, слуховые, тактильные). Кроме того, положительная оценка распространяется на метафорически характеризуемые явления из концептуальных сфер, находящихся за пределами чувственного опыта: ментальной, ментально-речевой, экономической, социальной сфер и др.;

2) прилагательные, называющие четыре основных вкуса: *сладкий, кислый, горький, соленый*. Здесь оценка обусловлена вкусовыми предпочтениями и мерой присутствия определенного вкуса в продукте. Однозначно оцениваются сладкий вкус как приятный (положительная оценка) и горький вкус как неприятный (отрицательная оценка) с учетом необходимой и достаточной меры (ср. *приторный* – слишком сладкий и это ‘плохо’, с *горчинкой* – слегка горьковатый и это ‘хорошо’). Прилагательные *кислый* и *соленый*, несмотря на положительное отношение к присутствию этих вкусов в продуктах в небольших количествах, выражают в образных средствах языка амбивалентную оценку, чаще отрицательную;

3) прилагательные, называющие оттенки вкуса с точки зрения более сильного раздражения вкусовых рецепторов: *пикантный, пряный, терпкий, приторный*; или более слабо ощущаемого вкуса: *пресный, постный*. Когнитивным основанием метафоризации является семантический компонент «сильное/слабое раздражение вкусовых рецепторов». Здесь в основе метафорического уподобления лежит пищевой признак остроты и силы раздра-

174 | жения вкусовых рецепторов, что переносится на способность/неспособность предметов, явлений, событий вызывать эмоциональный отклик, привлекать или не привлекать внимание субъекта;

4) прилагательные, называющие качества продуктов с точки зрения высокой или низкой степени их пригодности: *свежий, тухлый*. Здесь исходные номинации выражают однозначно положительную (*свежий*) или отрицательную (*тухлый*) оценку качества продукта с точки зрения сохранности его исходных положительных вкусовых и питательных качеств с учетом длительности хранения (ср.: *с пылу с жару* ‘свежий, только что приготовленный’ и это ‘хорошо’, *черствый* ‘засохший, несвежий’ и это ‘плохо’).

Когнитивными основаниями для метафорической характеристики различных объектов действительности по ассоциации со свойствами продуктов питания являются характер и оценка ощущений, возникающих у субъекта поглощения при восприятии пищи:

- 1) приятный / неприятный вкус;
- 2) ярко выраженный / слабо выраженный вкус;
- 3) высокая / низкая степень пригодности к употреблению.

Данные аксиологические оппозиции проецируются и на результирующую сферу метафорической проекции. Продемонстрируем, как данные основания представлены в семантике образных слов и выражений русского языка.

Чаще всего через телесный опыт человека передаются эмоции. Положительные эмоции, чувство удовольствия, получаемые человеком от различных объектов, ситуаций, общения с приятными людьми, метафорически связываются с удовольствием, получаемым от вкусной пищи: «Чувство дружбы и нерушимой связи друг с другом было таким дорогим и *сладким*, что его нельзя было сравнить ни с чем, прежде испытанным» (Н. Гершензон-Чегодаева «Воспоминания дочери»). Экономически привлекательные объекты, выгодные сделки также образно ассоциируются с вкусной пищей: «В свое время все *лакомые* активы были распределены между близкими к правительству Москвы лицами и структурами» (rbcdaily.ru).

Через метафору кислого вкуса в русском языке образно выражаются эмоциональные состояния недовольства, скуки, неудовлетворенности, апатии, которые обычно проявляются через мимику, интонацию, взгляд человека: «Галочка сидела *кисленькая*. В ресторан ее папик не повел, а предложил романтически покататься по Москве» (М. Зосимкина «Ты проснешься»); «Мне, в принципе, тоже нравится, но без разнообразия я *закисну*» (Коллективный). Во втором контексте метафора выражена посредством глагола «закиснуть», который в исходном значении характеризует процесс порчи продукта, что усиливает негативную оценку эмоционального состояния.

Раздражающий эффект от восприятия острой, пряной, пикантной пищи образно ассоциируется с сильной эмоциональной реакцией на сенсорные

события, вызывающие бурный интерес новости, необычные, парадоксальные явления: «Их наличие придает любому “журналистскому расследованию” *остроту и пикантность*» (Т. Устинова «Подруга особого назначения»).

Испорченные (тухлые, прокисшие) продукты, которые невозможно принимать в пищу, образно ассоциируются с бесполезной и бесперспективной деятельностью: «Но вообще думаю, что *дело это тухлое*. Какие у грузчика там связи? Если б он авторитетом был или что» (П. Галицкий «Опасная коллекция»); неинтересными, скучными произведениями: «По поводу книжки. Пробежался. По-моему *кислятина!*» (Коллективный).

Если проанализировать количественные данные, то мы увидим, что в большей степени подлежат метафоризации поведение человека, характеристика его личности (68 единиц). В характеристике этой сферы-мишени участвуют образные слова и выражения, мотивированные прилагательными *горький, кислый, сладкий, приторный, пресный, тухлый*. Вторая группа связана с социальной жизнью человека (46 образных единиц), характеризуемой языковыми единицами мотивационно-образных парадигм *горький, кислый, сладкий, приторный, пикантный, пресный, терпкий, тухлый, лакомый, пряный*. На третьем месте стоит характеристика художественных и речевых произведений, слов человека (27 образных единиц), которая выражается посредством языковых единиц, мотивированных прилагательными *кислый, пресный, тухлый, сладкий, вкусный, терпкий, пикантный, соленый*. Характеристика внешности человека представлена 11 образными единицами, входящими в мотивационно-образные парадигмы *пикантный, терпкий, сладкий, вкусный, лакомый, приторный*.

Таким образом, аксиологические аспекты значения представлены в самой семантике, во внутренней форме образных средств русского языка, демонстрирующих коннотативный, экспрессивно-оценочный и эмоционально-оценочный потенциал пищевой метафоры. Метафорические контексты из современных художественных, публицистических произведений и интернет-коммуникации иллюстрируют экспрессивно-стилистический эффект использования признаков гастрономической метафоры в речи для эмоционально-психологического, суггестивного, коммуникативного воздействия на адресата.

Литература

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 15.09.2022).
2. Полякова А.А., Юрина Е.А. Метафоризация вкусовых признаков в русском языке и картине мира // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2020. – № 2 (208). – С. 76–84.
3. Юрина Е.А., Полякова А.А., Балдова А.В. Признаковая гастрономическая метафора в русском языке: аспекты типологии // Вестник Томского государственного университета. – 2021. – № 470. – С. 62–71.

Abstract. The article describes a fragment of the Russian axiological picture of the world, reflected in figurative words and expressions, motivated by the names of the properties and qualities of food. The cognitive grounds for the metaphorical characterization of various objects of reality by means of a food metaphor are presented.

Keywords: food metaphor, figurative lexis, phraseology; evaluation; value; picture of the world.

Секция 3.
Аксиологические
характеристики современных
типов дискурсов

«ЭНЦИКЛОПЕДИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОГО И АБСОЛЮТНОГО ЗНАНИЯ» Б. ВЕРБЕРА КАК АКСИОЛОГИЧЕСКИЙ ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ ШИФР-КОД ЖАНРА ФРАНЦУЗСКОГО НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКОГО РОМАНА

Аннотация. Данная статья представляет собой обзор характерных аксиологических и поэтологических особенностей постмодернистского романа «Энциклопедия относительного и абсолютного знания» французского писателя Бернара Вербера. Прослеживается архитектоника произведения и его связь с другими романами автора. Высказывается гипотеза о том, что данный роман является шифр-кодом жанра французского постмодернистского научно-фантастического романа.

Ключевые слова: постмодернизм, Вербер, аксиология, «смерть автора», научное и псевдонаучное знание, научно-фантастический роман.

Научное знание во все времена шло рука об руку с аксиологическими категориями. Ценность научного знания неоспорима. Развитие современной науки сопровождалось идеей о том, что научное знание имеет силу только в том случае, если оно объективно, в том смысле, что ценности, которых придерживаются ученые, не вмешиваются в его содержание. Таким образом, возникает проблема между требованиями к формулированию знаний и ситуацией, в которой оказываются ученые, привязанные к историческому контексту и имеющие свои обязательства перед человечеством.

Экспериментальный роман «Энциклопедия относительного и абсолютного знания» занимает особое место в творчестве современного французского писателя Бернара Вербера. Это своего рода постмодернистский манифест автора, где сочетание несоответствий, деконструкции и рекомпозиции жанра романа рождает гармоничное и стройное постмодернистское произведение, реализующее культурно-философскую постструктуралистскую символику «мир – текст – книга – словарь – энциклопедия – библиотека – лабиринт» [5: 18], характерную для ризоматической постмодернистской парадигмы.

Ссылки на «Энциклопедию относительного и абсолютного знания» часто встречаются в романах Вербера: именно из нее его герои черпают всевозможные знания, из которых затем делают глубокие выводы. «Энциклопедия

относительного и абсолютного знания» – единственная нехудожественная книга Вербера. Он собрал и обобщил все необычные факты, упомянутые в других книгах, и добавил новые – те, которые, вероятно, лягут в основу будущих книг. Как постмодернистский текст, статьи в «Энциклопедии абсолютного и относительного знания» не следуют алфавитному порядку или какой-либо другой структуре, так что ее можно начинать читать с любого места. Нет необходимости искать в этой книге характеристики сложной архитектуры «Хазарского словаря» – это своего рода сборник информации и забавных историй, подчиненных постмодернистской поэтике [2].

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания» – произведение, выдающее себя за энциклопедию. Она основана на вымышленных энциклопедических отрывках в предисловиях глав книг, составляющих «Трилогию о муравьях», которые, как утверждается, были написаны персонажем Эдмонда Уэллса и которые также присутствуют в циклах «Ангелы и боги», а также в романах «Третье человечество» и «Микролюди».

Впервые книга была опубликована в 1993 году. Впоследствии она неоднократно переиздавалась, в частности, под названиями «Тайная книга муравьев» и «Новая энциклопедия относительного и абсолютного знания». Когда она упоминается в различных романах Вербера, ее чаще всего называют просто ESRA или Энциклопедия. Однако именно в 1991 году мы узнаем о существовании энциклопедии через персонажей Николаса Уэллса и мистера Гугна в трилогии «О Муравьях».

Это, прежде всего, собрание удивительных элементов, существующих в вымышленной вселенной Вербера: различные анекдоты на многие темы, позволяющие автору привести в свою вселенную достоверные философские размышления. Таким образом, он занимается физикой, философией или метафизикой. Например, он представляет и объясняет читателю противоречивое уравнение $1 + 1 = 3$ (в своей псевдодемонстрации он использует деление на ноль, процесс, который порождает противоречия в математике за пределами вымышленной вселенной Вербера). Эта формула регулярно повторяется в «Энциклопедии» в качестве метафоры: союз двух существ мощнее их простой суммы, две вещи всегда будут сильнее связаны, чем разъединены.

Книга состоит из 12 глав и в общей сложности 245 коротких отрывков, которые представлены как энциклопедические и могут варьироваться от нескольких страниц до короткого абзаца.

Следует отметить, что многие из «фактов» не подкрепляются надежными источниками. Теория игр, представленная в исследовании американского ученого Анатолия Рапопорта о стратегии «сотрудничества» автора и читателя. Здесь также необходимо упомянуть учение Р. Барта о смерти автора и рождении читателя нового креативного и рефлексивного типа. В данном произведении подтвержденные научные факты соотносятся с псевдонауч-

180 | ными измышлениями для придания «Энциклопедии» ироничного постмодернистского звучания. Например, Вербер стал сторонником мифа о том, что мозг используется только на 10 %, при том что данный факт позже был опровергнут учеными.

Кроме того, статьи «Энциклопедии» не устанавливают реальных научных фактов, они являются постмодернистской игрой. Некоторые из них слишком коротки, чтобы составить мнение о предмете, и не очень подробны.

Бернард Вербер собрал в этом внушительном труде исторические, научные, зоологические, паранормальные, математические, серьезные, надуманные факты, 544 относительных и абсолютных крупницы знаний о диких мирах окружающего мира. Эти статьи, независимые друг от друга, состоят из 12 глав, начиная с запредельного и заканчивая микроскопическим миром, проходя через все, что между ними: боги, люди, живые существа – и их порочность. Одним словом, энциклопедия, которая совсем не обычная, а в некоторых отношениях не очень политкорректная. Здесь имеет место постмодернистская ирония и игра с читателем.

Обратимся к характерным чертам этого знакового для Б. Вербера произведения.

1) Занимательное, непредсказуемое, разноплановое и разножанровое цветистое повествование (рецепт тулузского кассуле или сырного суфле, радостная новость о потоплении «Титаника», зарисовка об омарах и лангустах, которые ждали, когда их положат на сковороду...), эта книга охватывает историю, этимологию, египетский, греческий и римский пантеоны, звезды, духов, практические советы, Библию, математические загадки и занимательный список курьезов.

2) Доступный, не научный стиль изложения, который благодаря своей простоте притягивает как массового читателя, так и более искушенных любителей литературы.

3) Каждая тема, событие, слово разрабатывается на 1–2 страницах, иногда меньше, что позволяет легко, быстро, беспорядочно, интуитивно читать. Чтобы пройти через них, не нужно соблюдать порядок, не нужно концентрироваться, чтобы насладиться ими.

4) Обилие примечательных иллюстраций в духе гравюр XIX и начала XX веков, иногда подобранных с юмором.

5) Сокращения, усредненность, личная точка зрения. Читателю не все следует принимать за чистую монету. Поскольку автор вступает с читателем в «постмодернистскую игру», время от времени проверка достоверности информации может оказаться полезной. Ведь даже самым названием книги Б. Вербер постулирует, что речь идет об относительном (и абсолютном) знании.

6) Стоит отметить также несколько сложное переплетение данной «Энциклопедии» с творчеством и персонажами Бернарда Вербера, которым он

отдает авторство. Так, Эдмонд Уэллс, предстает одним из вымышленных персонажей, вдохновителем «Энциклопедии» и комментатором некоторых ее коротких вводных глав.

«Энциклопедия» претерпела семь изданий, каждое из которых обновлялось и дополнялось Б. Вербером. Седьмое обновленное и дополненное издание этого оригинального литературного приключения – «Энциклопедия относительного и абсолютного знания». Она напоминает нам о блуждающем чтении в более серьезных энциклопедиях, альманахах другой эпохи, страницах образовательных журналов для детей, учебниках истории, Книге рекордов Гиннесса или пояснительных панелях на стенах музеев.

В этой книге есть и инвентаризация в духе Превера, и дерзость а-ля Филипп Гелюк (отец знаменитого «Чата», комикса, высмеивающего современный конформизм), и популяризация а-ля Франсуа де Клозе, и черный юмор а-ля Деπροж, и серьезность, более энциклопедически стройная

Приведем некоторые цитаты:

«Составление энциклопедии – это работа цветовода.

Я не находила цветы, я просто выбирала, подрезала и подбирала их.

Я не придумал ни одной из этих историй, но я удивлялся, когда слышал, видел или читал их...

Я боялся забыть их... Поэтому я скрупулезно собирал их, чтобы иметь возможность обращаться к ним в свободное время». Предисловие.

«Все едино (Авраам)

Все есть Любовь (Иисус Христос)

Все есть экономика (Карл Маркс)

Все есть секс (Зигмунд Фрейд)

Все относительно (Альберт Эйнштейн)

а потом...?» [2: 525]

Вербер в своем произведении использует типичные постмодернистские философские символы, к которым относятся «сопоставление мира с текстом книги, словарем, тезаурусом, энциклопедией, библиотекой и лабиринтом человеческого сознания» [3: 112], а также принцип беспорядочного энциклопедизма.

«Энциклопедия относительного и абсолютного знания» выступает качестве связующего центра всего романного творчества Б. Вербера. В ней автор реализует свои постмодернистские идеи в формах цитатного, клипового, мифологического, религиозного, научного, псевдонаучного и фантастического мышления.

Неомифы являются культурной доминантой в произведениях Вербера, а его постмодернистская энциклопедия относительного и абсолютного знания – универсальный код, который помогает обогатить мозаичные и витражные миры его романов аксиологическими повествованиями на все времена.

Литература

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М.: Прогресс, 1989. – 457 с.
2. Вербер Б. Энциклопедия относительного и абсолютного знания (fr: L'Encyclopedie Du Savoir Relatif Et Absolu). – Paris: Albin Michel, 1993. – 143 p.
3. Деррида Ж. О грамматиологии. – М.: АА Marginem, 2000. – 512 с.
4. Литературный клуб РГБ: встреча с французским писателем Бернаром Вербером [Электронный ресурс]. – URL: <https://olden.rsl.ru/ru/s7/s409/2013/20137783> (дата обращения: 12.06.2022).
5. Руднев В.Г. Прочь от реальности (Исследования по философии текста). – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 430 с.

Abstract. This article presents an overview of the characteristic axiological and poetological features of the postmodern novel *Encyclopedia of Relative and Absolute Knowledge* by the French writer Bernard Werber. The architectonics of the work and its connection with other novels of the author are traced. The author suggests the hypothesis that the novel is a codicil of the French postmodernistic science-fiction novel genre.

Keywords: postmodernism, Werber, axiology, «author's death», scientific and pseudoscientific knowledge, science fiction novel.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ В МЕДИАДИСКУРСЕ О СЕМЬЕ РОССИЙСКИХ И ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ СМИ

Аннотация. В статье приведены результаты анализа медиатекстов о семье общественно-политических национальных интернет-изданий России, Дании и Финляндии. Авторы исследуют отраженные в медиаконтенте социальные тенденции и ценностные ориентиры российского, датского и финского обществ в ракурсе понимания семьи и отношения к семье как социокультурной ценности.

Ключевые слова: сопоставительное исследование, медиадискурс, медиатекст, социокультурные ценности, семья.

Актуальность представляемого исследования определяется не только повышенным интересом к содержанию сложного феномена семьи как одной из базовых социокультурных ценностей, но и возможностью сопоставительного анализа существующих тенденций в освещении данного феномена отечественными и зарубежными СМИ.

Феномен семьи как универсальной ценности и важнейшего социального института в настоящее время требует особого внимания ввиду изменений, затрагивающих ценностные установки в динамике развития общества. В представляемом исследовании сложный в структурном и содержательном планах феномен семьи рассматривается сквозь призму его отражения в текстах современных интернет-изданий. Целью исследования является обнаружение устойчивых тенденций выбора лексико-семантического окружения номинаций семьи в текстах российских и европейских СМИ и определение векторов актуализации семьи как социокультурной ценности.

Массмедийный дискурс чувствителен к условиям актуального социального бытия, контексту происходящих событий, он остро реагирует на доминирующую идеологическую направленность, и, являясь своеобразным зеркалом реального мира, в то же время создает параллельную картину мира, обусловленную запросами современного общества [3: 136].

Материалом исследования послужили статьи в интернет-изданиях России, Дании и Финляндии. В общей сумме материал для анализа был взят более чем из 300 статей: российские интернет-издания «Ведомости» (<https://www.vedomosti.ru>)

184 | vedomosti.ru: 114 статей за период октябрь – сентябрь 2019 года) и «Российская газета» (<https://www.rg.ru>: 50 статей за период октябрь – август 2019); датские интернет издания Berlingske (<https://www.berlingske.dk>: 36 статей за октябрь 2019) и Avisen.dk (<https://www.avisen.dk>: 29 статей за период октябрь – август 2019); финские интернет-издания Helsingin Sanomat (<https://www.hs.fi>: 35 статей за период сентябрь – апрель 2019 года) и Iltalehti (<https://www.iltalehti.fi>: 36 статей за период октябрь – сентябрь 2019 года). Выборка статей осуществлялась на основе вхождения в них лексемы «семья» (датск. *familie*, фин. *perhe*) с учетом возможных морфологических изменений.

Прежде чем привести результаты анализа медиатекстов (также см. [1]), определим, какие ценностные ориентиры характерны для российского, датского и финского обществ по данным социальных опросов.

В статье исследователей С. Н. Варламовой, А. В. Носковой и Н. Н. Седовой «Семья и дети в жизненных установках россиян» приводятся данные исследования «Семья. Демография. Социальное здоровье населения», проведенного Службой социологических рейтингов Российского государственного социального университета, которые свидетельствуют о том, что иерархию наиболее важных ценностей россиян возглавляют ценности здоровья, семьи, наличия детей, душевного комфорта [2: 62].

В 2016 году датское новостное агентство TV 2 опубликовало список десяти базовых ценностей, определяющих Данию, составленный на основе проведенного в Дании опроса [4]. В этот список были включены следующие ценности: «непредубежденное и терпимое отношение и мышление», «гендерное равенство», «благополучие», «доверие», «датский язык», «участие в тех или иных сообществах и волонтерство», «особое чувство уюта», «христианское наследие», «свобода», «равенство перед законом». Многие из перечисленных ценностей заявляют о культуре Дании как о культуре нового времени, ключевыми терминами которой являются толерантность, свобода и равенство.

В феврале 2018 года были опубликованы данные о наиболее важных ценностях финского общества [5]. В десятку финских социальных ценностей вошли «безопасность», «благожелательность», «самостоятельность», «универсальность», «единообразие», «удовольствие», «традиции», «производительность», «сила» и «богатство». Важно отметить, что такая ценность, как безопасность, включает здоровье и безопасность семьи, национальную безопасность и социальный порядок в целом.

Приведенные данные свидетельствуют о существовании как сходств, так и различий в содержании ценностных ориентаций русского, датского и финского обществ. Можно отметить, что по сравнению с ценностями, характерными для русского общества (здоровье, семья и наличие детей, душевный комфорт), приведенные ценности датчан и финнов отличаются

большей универсальностью, не имеют такого личного (интимного) характера, но указывают на черты, которые отражают особенности социокультурного устройства датского и финского обществ.

Теперь обратимся к данным проанализированных медиатекстов.

Рассмотрение российских интернет-изданий позволило обнаружить следующие лексемы, репрезентирующие номинации семьи (приведены по мере убывания частотности): *многодетная семья* 18,6 %, *семья с детьми*, *молодая семья* 11,8 %, *поддержка семьи*, *вся семья*, *выплата семьям*, *семейные субсидии*, *большая семья* 5 %, *многонациональная семья*, *семейные обстоятельства*, *семейные ценности*, *будущее семьи*, *создавать семьи*, *российские семьи*, *богатая семья*, *доход семьи*, *малоимущая семья*, *небогатая семья*, *семейное неблагополучие*, *семья с одним ребенком*, *семейный стартап*, *неблагополучная семья*, *неполная семья*, *приемная семья*, *проблемы семьи*, *семейные праздники*, *семейный очаг* (менее 1–2 %).

Анализ медиатекстов датских интернет-изданий позволил обнаружить следующие лексемы, репрезентирующие номинации семьи (приведены по мере убывания частотности): *nærmeste familie* (ближайшие родственники), *familievirksomhederne* (семейный бизнес), *kongefamilien*, *den royale familie*, *den kongelige familie* (королевская семья), *de danske familier* (датские семьи) 12 %, *familiemedlemmet* (член семьи), *de mest velhavende familier*, *landets rigeste familier* (самые богатые семьи, самые богатые семьи страны) 8 %, *i familie med hinanden* (в родстве друг с другом), *familie-id* (семейный идентификатор), *familieopfattelse* (отношение к семье), *familie-shaming* (семейный позор), *familieejerskabet* (семейная собственность), *de glade familier* (счастливые семьи), *at stifte familie* (создать семью), *aktive familieliv* (активная семейная жизнь), *dage og aftener med familien* (дни и вечера с семьей), *kronprinsfamilien* (семья наследного принца), *erhvervsfamilier* (бизнес семьи или деловые семьи), *fattige familier* (бедные семьи, (Прим. авторов. – Об иракских семьях)) (менее 1–2 %). Примечательно, что из всех обнаруженных в датских интернет-изданиях лексических сочетаний нет ни одного, указывающего на компонент «дети» в лексико-семантическом окружении номинации семьи.

В финских интернет-изданиях были обнаружены следующие лексемы, репрезентирующие номинации семьи (приведены по мере убывания частотности): *lapsiperhe* (семья с детьми) 22,2 %, *perheasunto* (семейная квартира) 11,1 %, *koko perhe* (вся семья) 8,3 %, *perhe-elämä* (семейная жизнь) 8,3 %, *Espoolaisen lapsiperheen äiti*, *lapsiperheen äiti* (мать семьи с детьми из Эспоо), *perheen koti* (семейный дом), *lapsiperheköyhyys* (бедность семьи с детьми), *perheenjäsen* (член семьи), *kolmihenkinen perhe* (семья из трех человек) 5,5 %, *lapsiperhe-elämä* (семейная жизнь с детьми), *lapsiperheiden etuuksia* (пособия семей с детьми), *iso perhe* (большая семья), *perhekerhoja* (семейные клубы), *ekoperhe* (экологическая семья), *suurperhe* (многодетная

186 семья, буквально расширенная семья), *perhepsykologi* (семейный психолог) (менее 1–2 %).

Обнаруженные особенности лексико-семантического окружения номинаций семьи позволяют сделать вывод о социальных тенденциях и ценностных ориентирах актуализации темы семьи в российских, датских и финских интернет-изданиях: для российских СМИ наиболее характерными являются такие аспекты в описании семьи, как вопросы многодетных семей и материальная поддержка семей с детьми, что коррелирует с такими ценностями россиян, как семья и наличие детей; для датских изданий характерно освещение вопросов материального достатка семей и семейного бизнеса, что сопоставимо с такой ценностью датчан, отмеченной в социальном опросе, как «благополучие»; финские СМИ активно освещают проблемы доступности жилья и особенностей жизни семей с детьми, что в определенной мере можно соотносить с такими ценностями финского общества, как «самостоятельность», «универсальность» и «единообразие».

Литература

1. Богуславская В.В. Концепт «семья»: актуализация в медиадискурсе российских, датских и финских СМИ / В.В. Богуславская, А.Г. Чафонова // Дискурс. – 2019. – Т. 5 – № 6. – С. 155–165.
2. Варламова С.Н. Семья и дети в жизненных установках россиян / С.Н. Варламова, А.В. Носкова, Н.Н. Седова. // Социологические исследования. – 2006. – № 10. – С. 61–73.
3. Кувычко А.А., Чафонова А.Г., Богуславская В.В. Концептосфера медиадискурса материнства в российских и датских печатных СМИ // Вестн. ВолГУ. Сер. 2. Языкознание. – 2018. – Т. 17. – № 4. – С. 135–145.
4. Her er den nye Danmarkskanon: Se de 10 værdier, der definerer Danmark // TV 2 [Электронный ресурс]. – URL: <https://nyheder.tv2.dk/samfund/2016-12-12-her-er-den-nye-danmarkskanon-se-de-10-vaerdier-der-definerer-danmark> (дата обращения: 15.10.2022).
5. Kansalle kelpaa työllistyvä maahanmuuttaja, kunhan töitä riittää itselle — turvallisuus on tärkein arvo // Aamulehti [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aamulehti.fi/a/200710904> (дата обращения: 15.10.2022).

Abstract. The article presents the results of the analysis of media texts about the family in national Internet publications in Russia, Denmark and Finland. The authors explore the social trends and value orientations of the Russian, Danish and Finnish societies reflected in the media content from the perspective of understanding the family and the relationship to the family as a socio-cultural value.

Keywords: comparative research, media discourse, media text, sociocultural values, family.

ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНАУГУРАЦИОННОГО ДИСКУРСА В РОССИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ВЫСТУПЛЕНИЙ В. В. ПУТИНА)

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию особенности лингвистических объяснений ценностной ориентации в культурном пространстве РФ, представленных в рамках инаугурационного дискурса президента России – В. В. Путина, избравшегося 4 раза. Инаугурационная речь как первое обращение главы страны к общественности демонстрирует имидж лидера и политическую философию. Автор акцентирует внимание на языковой реализации в речи президента РФ в аспекте измерения национальных культур, предложенных Г. Хофстеде, и выявляет российские национальные культурные ценности.

Ключевые слова: политический дискурс, инаугурационная речь, параметры культуры, ценностные компоненты, языковые средства.

Политический дискурс как специфическая разновидность дискурса употребляется политиками для распространения политических идей, а также удержания и завоевания политической власти [3: 44]. Политический лидер выражает как концентрированное мнение общества от имени избирателей, так и отстаивает собственное мнение. Соответственно, политический дискурс демонстрирует ряд противоположных характеристик, таких как институциональность и индивидуальность, ритуальность и информационность, диалогичность и монологичность, стандартность и экспрессивность и др. [7: 52–71].

Будучи особым видом политического дискурса, президентский дискурс понимается как сложное и многомерное речевое образование, которое характеризуется исторической изменчивостью, культурно-национальной обусловленностью и индивидуальными предпочтениями [1: 8]. Инаугурационный дискурс отражает не только идеологическую позицию, но и национальные традиции, историю, сформированную и отшлифованную столетиями модель политического общения и т. д. [2].

При этом особо интересна фигура В. В. Путина, политика, который занимает пост президента РФ наиболее продолжительное время, избравшегося

188 | 4 раза с высоким рейтингом доверия. Путин создал политический имидж жесткого лидера, проявляющего уверенность в себе, твердость и решительность в своих намерениях. Особенно значимо, что инаугурационная речь В. В. Путина отличается насыщенной экспрессивностью и эмоциональностью, выражена чистым, звучным и твердым тоном и чрезвычайно заразительна и убедительна. Политический дискурс рассматривается нами как средство репрезентации ценностей и идеологии, следовательно, анализ особенностей инаугурационного дискурса позволит нам выявить культурные ценностные изменения, а также определить аксиологическую устроенность, существующую в политическом процессе.

Как известно, каждая национальная культура имеет собственный этнокультурный паттерн, обуславливающий механизмы формирования ощущений, мыслей и моделей поведения. В соответствии с теорией Г. Хофстеде [8] национальные культуры имеют разные индикаторы соотнесенности с 4 значимыми измерениями: **дистанция власти; индивидуализм/коллективизм; маскулинность/феминность; долгосрочная/краткосрочная ориентация.** Мы полагаем, что лингвистические исследования языковых средств речи В. В. Путина, эксплицирующие специфики реализации называемых измерений, могут стать основанием для дальнейшего описания компонентов инаугурационного дискурса российского президента В. В. Путина, произнесенного в 2018, 2012, 2004 и 2000 году.

Дистанция власти определяется как степень принятия людьми неравного распределения власти между членами общества. В культурах с высокой «дистанцией власти» основной объем власти концентрируется на верхних уровнях и члены общества признают правильность и необходимость иерархических различий, а в культурах с низкой «дистанцией власти» члены общества предпочитают консультативный стиль взаимоотношений.

В разный период российской истории отражаются особенные взаимоотношения между властью и обществом. Много отечественных культурологов отмечают традиционно сильную власть в России, оказывающую неизгладимое влияние на общество. Вместе с тем, российская культура характеризуется устойчивостью «европейских корней», западные формальные институты восприняты общественным сознанием россиян. Отношения между властью и обществом также изменились в соответствии с реформами государственного строя – в РФ появилось значительное количество коммуникативных событий, таких как видеообращения главы государства к народу, интернет-конференции, горячая линия президента, которые способствуют уменьшению дистанции власти.

В настоящее время акцент делается на равенство, гражданин имеет право голосовать на выборах президента вне зависимости от статуса, в то же время демонстрируется новый облик власти, более демократичный, открытый.

Идеологическая ориентация отражается в инаугурационном дискурсе на основе провозглашаемых президентом ценностей. Рассмотрим использование лексемы «демократия» в речах В. В. Путина. Многократно употребляется существительное *демократия* и прилагательное *демократический*, которое используется для определения слова государство, а также для характеристики образа передачи власти: «В России впервые верховная власть в стране передается самым *демократическим, самым простым образом* – по воле народа, законно и мирно»; «Мы доказали, что Россия становится современным *демократическим государством*»; «Построение *демократического государства* еще далеко не завершено, но много уже сделано»; «Мы обязаны беречь достигнутое, хранить и развивать *демократию*, сделать так, чтобы избранная народом власть работала в его интересах»; «Именно в гармоничном единстве свободного гражданина, ответственного гражданского общества и сильного, дееспособного, *демократического государства* вижу прочную основу для развития России».

В целом в инаугурационной речи председателя РФ лексема демократия используется многопланово: (1) в значении ‘установление современного устройства и управления государства, характеризующееся рядом признаков, таких как утверждение народа как источника власти, обеспечение свободных выборов как способа формирования властных институтов; гарантирование равноправия граждан и др. [5: 630]’; (2) в значении ‘цель и достижение развития страны’; (3) в юридическом значении ‘равное право граждан вне зависимости от социального статуса’; (4) в значении ‘политические ценности, касающиеся ответственности государства перед народом’.

Индивидуализм/коллективизм. Данный параметр характеризуется степенью социальной связи между личностью и обществом. В связи с данным критерием различаются индивидуалистские и коллективистские сообщества, согласно исследованию Г. Хофстеде, большинство западных стран принадлежит к индивидуалистскому сообществу, обладая свободной структурой организационных отношений, а в восточных странах как в коллективистских сообществах доминируют коллективные интересы и организационное единство.

В связи с географическим положением России, промежуточным между странами Востока и Запада, российская культура обладает уникальными культурными особенностями. Философ Н. А. Бердяев отмечает противоположность черт русского национального характера, и, по мнению О. Морозовой, коллективизм или индивидуализм русского народа менялись в зависимости от конкретной ситуации [4]. В настоящее время старые культурные ценности не исчезли, а все еще переживают трансформацию. Ценности относятся к невидимым программам в нашем сознании, следовательно, с помощью количественного анализа различных лексических номинаций инаугураци-

190 | онной речи В. В. Путина объясняется специфика ценности по отношению к связи между российским обществом и индивидуумами.

Понятие коллективизма раскрывается посредством лексических средств категории обобщенности, соответственно, часто употребляется обобщенное местоимение *весь*, например, *перед всем нашим многонациональным народом; объединив усилия всех, кто радует за страну; Прошедшие годы были для нас всех нелегкими; всех, кому дорога судьба нашего Отечества; всех тех, кто проголосовал за меня*. В инаугурационной речи местоимение, обозначающее адресант, подразделяется на местоимение единственного числа *я*, выражающее собственную позицию, а также местоимение множественного числа *мы*, под *нами* подразумевается нация и общество. Согласно нашей статистике, *мы* произносится В. В. Путиным 51 раз, например: «*Мы* справилась с труднейшими экономическими, социальными проблемами. *Мы* поняли, что вся красота и вся сила – в нашей самобытности и единстве. *Мы* научились отстаивать свои интересы»; «Это все *мы*, граждане России»; «Убежден, что и сегодня *мы* добьемся прорыва, ведь *мы* – одна мощная команда, которой по плечу любые, даже самые сложные задачи»; «*Мы с вами* – наследники тысячелетней России. Родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов». Через многократную повторяемость концепта коллективизма до слушателей доносится мысль о том, что развитие страны предполагает объединение сил всего народа России.

Помимо этого, он также обращает внимание на огромное значение каждого гражданина, который является неотъемлемой частью общества. Например, «*Мы* добьемся наших целей, если будем единым, сплоченным народом, если будем расширять участие *граждан* в управлении страной»; «Как и раньше, буду исходить из того, что помощь и поддержка *граждан* Российской Федерации являются самой главной и самой надежной опорой в деятельности ее Президента»; «Мы обязаны беречь достигнутое, хранить и развивать демократию, сделать так, чтобы избранная народом власть работала в его интересах, защищала российского *гражданина* везде».

Маскулинность/феминность понимается как доминирующее в обществе представление о социальных гендерных ролях. Маскулинное общество обладает высокосоревновательной культурой, придает огромное значение материальным ценностям и поощряет конкуренцию между людьми, а феминное общество с низкосоревновательной культурой утверждает гармоничные межличностные отношения, поощряя скромность и дружелюбие.

Социальный тип России характеризуется маскулинностью. В культурах такого типа приветствуются конкурентная борьба и стремление победить, национальный образ проявляет жесткость и мужественность в международном обществе. Частые войны и расширение территории с момента основания России оказали глубокое влияние на формирование высокосоревновательной культуры.

Национальный менталитет русских основывается на непоколебимой решимости в восстановлении могущества России. Эту убежденность В. В. Путин усиливает, подчеркивая в своих речах мощь, процветание России. С помощью положительно окрашенных лексических средств Россия описывается следующим образом: «Россия – сильный, активный, влиятельный участник международной жизни»; «Мы хотим, чтобы наша Россия была свободной, процветающей, богатой, сильной, цивилизованной страной, страной, которой гордятся ее граждане и которую уважают в мире»; «Россия должна быть современной и динамичной, должна быть готова смело принимать вызовы времени». Итак, внешняя политика России заключается в сохранении статуса мощной державы, защите интересов страны и развитии по собственному пути.

Во время инаугурации президент В. В. Путин выглядит мужественным, решительным и сильным, он предпочитает ценности отечественной культуры и выражает готовность защищать Родину, само речевое поведение Путина полностью соответствует российским культурным канонам. Способы коммуникации включают в себя использование простой и доступной лексики четким и уверенным тоном. В современном российском обществе сохраняется и проявляется мировоззрение маскулинизма, образ президента выступает символом политической состоятельности, характеризуя В. В. Путина как «настоящего мужика», что подтверждают как данные контент-анализа СМИ, так и результаты опросов общественного мнения [6: 166–172].

Долгосрочная/ краткосрочная ориентация характеризуется степенью готовности общества придерживаться традиционных идей и ценностей в долгосрочной перспективе. Согласно данному критерию, различаются сообщества с долгосрочной и краткосрочной ориентацией: в первых из них демонстрируют уважение к традициям, стабильность вектора развития, тогда как во-вторых доминирует акцент на успехах и результатах текущих планов.

В национальной культуре русских преобладают прагматизм и ориентация на долгосрочные проекты. Для данной национальной культуры характерны традиции, память о народной культуре, уважение к историческому развитию страны в целом. Неслучайно в инаугурационной речи президент В. В. Путин неоднократно упоминает российскую историю, подчеркивая значение бережного отношения к ней и продолжения традиций.

Обращаясь к прошлому, президент делает акцент на связи настоящего с историческим прошлым, что способствует повышению национальной идентичности на базе памяти истории и патриотизма. Путин упоминает об истории России как об источнике глубокого влияния на российский народ: «Мы обязательно добьемся успеха, если будем опираться на прочный фундамент *культурных и духовных традиций* нашего многонационального народа, на нашу *тысячелетнюю историю*, на те ценности, которые всегда составляли

192 | нравственную основу нашей жизни»; «Мы не должны забывать ничего, мы должны знать свою *историю*, знать ее такой, какая она есть, извлекать из нее уроки, всегда помнить о тех, кто создал Российское государство, отстаивал его достоинство, делал его великим, мощным, могучим государством. Мы сохраним эту память, и мы сохраним эту связь времен, и все лучшее из нашей *истории* мы передадим потомкам»; «Мы с вами – наследники *тысячелетней* России. Родины выдающихся сынов и дочерей: тружеников, воинов, творцов. Они оставили нам с вами в наследство огромную, великую державу. Наше *прошлое*, безусловно, придает нам силы».

Подводя итоги, можно сказать, что инаугурационный дискурс В. В. Путина выстраивается, опираясь на ключевое значение национальных ценностей и отражает особые российские культурные ориентиры. Обращаясь к традиционным ценностям, президент подчеркивает интересы страны и в то же время ставит на важное место личностное право, соблюдая баланс между коллективизмом и индивидуализмом. Таким образом, по мере внедрения демократической идеологии дистанция между властью и обществом сократится. Уважение к историческому прошлому этноса в долгосрочной перспективе воплощается в политических идеях руководства страны, а внешний курс политики, нацеленный на укрепление суверенитета России и обеспечение для нее достойного места на международной арене проявляет «мужественные» социальные предпочтения.

Литература

1. Гаврилова М.Н. Лингвокогнитивный анализ русского политического дискурса: автореф. дис. ... д-ра филол. наук (10.02.01). – СПб., 2005. – 30 с.
2. Малышева О.П. Политическая коммуникация как феномен этнокультуры // Политическая лингвистика. – 2008. – № 3. – С. 209–212.
3. Маслова В.А. Политический дискурс: языковые игры или игры в слова? // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 43–46.
4. Морозова О.М. «Эгалитаризм», «коллективизм» и «трудолюбие» русского народа: неочевидная очевидность // Cogito. Альманах истории идей. – Вып. 2: НМЦ «Логос». – Ростов н/Д., 2007. – С. 407–427.
5. Мухаев Р.Т. Политология: учебное пособие. – М.: Проспект, 2010. – 640 с.
6. Рябова Т.Б. Пол власти: гендерные стереотипы в современной российской политике. – М.: Ивановский государственный университет, 2008. – 246 с.
7. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2012. – 254 с.
8. Hofstede, Geert H. Culture's consequences. – Thousand Oaks, CA: Sage Publications, 2001. – 616 p.

Abstract. This article is devoted to the study of the peculiarities of linguistic explanations of value orientation in the cultural space of the Russian Federation, presented in the framework of the inaugural discourse of the President of Russia – V.V. Putin, elected 4 times. The inaugural speech, as the first address of the head of the country to the public, demonstrates the image of a literary man and political philosophy. The author focuses on the linguistic implementation in the speech of the President of the Russian Federation in the aspect of measuring national cultures proposed by Hofstede, and reveals Russian national cultural values.

Keywords: political discourse, inaugural speech, cultural parameters, value components, language tools.

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ДОМИНАНТЫ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПОЭТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА XXI ВЕКА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению аксиологического аспекта современного немецкоязычного поэтического дискурса. На основе проведенного анализа стихотворных текстов автор выделяет ряд аксиологических доминант – ядерных концептов, представляющих собой модель лингвокультурных ценностей в современном европейском обществе.

Ключевые слова: немецкоязычный поэтический дискурс, концепт, аксиологический аспект, оценочность.

Проблема экспликации ценностей в языке является одной из актуальных в современной лингвистике, очевидно, что наиболее полную картину изменений в ценностных иерархиях, «апгрейд понятийной сферы» [2: 9] определенного периода времени может дать только языковой материал. Появление новых концептов в XXI веке как в русскоязычном, так и немецкоязычном пространствах способствует трансформации концептуальной сферы и акцентирует внимание лингвистов на приоритетных ценностях, необходимых для этнокультурной самоидентификации.

С развитием когнитивно-дискурсивной парадигмы лингвистического знания аксиологическая проблематика получает особый статус, так как становится ясно, что оценочная функция постепенно подчиняет себе все речевые процессы (неологизацию, вульгаризацию, криминализацию, графическую гибридизацию [1: 66]), связанные с развитием новых языковых тенденций.

Очевидно, что на развитие семантики оценки и способы ее выражения влияет и конкретный исторический период: если язык тоталитарного общества отличают имплицитные формы выражения оценочных интенций, то либерально-демократический режим характеризуется наличием лингвистических механизмов, концептуализирующих картину мира в нестандартном, а зачастую и в креативном русле.

В немецкоязычном пространстве аксиологический аспект речи (*sprachliche Bewertung*) достаточно длительный период был малоисследованным феноменом. Преимущественно аксиология рассматривалась в философском ключе (Ф. Брентано, А. Майнонг, Э. Гуссерль). В XX веке немецкая концепция языковой аксиологии развивается на основе трудов швейцарского лингвиста Ф. де Соссюра. В частности, его представление о языке как системе знаков

(ein System von bloßen Werten), которая имеет свою структуру, а следовательно, лингвистически релевантные качества и статус/оценка языковых элементов могут рассматриваться только во взаимодействии с другими элементами [цит. по 11: 78], получает продолжение в трудах по лингвистике, семантике, лексикологии К.-Д. Людвига (1976), В. Циллига (1982), А. Линке (2004), Г. Глюка (2000), Ф. Норберта (1995, 1996, 2000), Б. Зандиг (1979, 1991, 1996, 2006) и др.

На наш взгляд, в качестве основных работ по немецкоязычной аксиологии можно выделить *Zum Verhältnis von Sprache und Wertung. Untersuchungen an einigen Adjektiven, die negative ästhetische und moralische Wertungen fixieren* К.-Д. Людвига, *Bewerten: Sprechakttypen der bewertenden Rede* В. Циллига, а также ряд книг Б. Зандиг.

Так, К.-Д. Людвиг, занимаясь исследованием связи между лексическим значением, языком и аксиологическим аспектом прилагательного, приходит к выводу о том, что эмоции не могут быть отделены от восприятия и мыслительного содержания, однако они не обязательно должны быть связаны с такими лексическими единствами, которые обладают зафиксированной на семантическом уровне оценочностью [12: 11]. Оценочность, по мнению лингвиста, имеет два уровня 1) *Wertung auf semantischer Ebene* – оценочность на семантическом уровне, эксплицирующаяся посредством языковых средств; 2) *Wertung auf stilistischer Ebene* – оценочность на стилистическом уровне, способами реализации которой служит лексика соответствующих регистров [12: 11]. Кроме того, К.-Д. Людвиг одним из первых обратил внимание на роль суффиксов, выражающих экспрессивные оттенки негативной оценки (например, *-erei*: *Lügerei* (вранье), *Schweinerei* (свинство), *Tanzerei* (танцульки)).

В. Циллиг в книге *Bewerten: Sprechakttypen der bewertenden Rede*, рассматривая речевой акт с прагмалингвистической точки зрения, обозначает его как оценку языковых действий. В. Циллиг считает, что оценочность – это высказывание, при котором говорящий устанавливает соответствие/несоответствие объекта оценивания конкретной лексеме [14: 300].

Результаты исследований Б. Зандиг представляют оценочность как целый комплекс таких релевантных аспектов, как: 1) база сравнения (предмет оценивания + предмет сравнения); 2) классификация оценочных средств; 3) векторы развития (перспектива); 4) интенция; 5) цель оценки; 6) критерии оценивания; 7) сфера оценивания [13: 139]. Б. Зандиг акцентирует внимание на языковых способах экспликации оценочности в немецком языке. В частности, автор предлагает классификацию оценочных средств для конкретного предмета оценивания: базовые частицы: *einigermaßen*, *relativ*, *höchst*; базовые наречия с эмоциональной составляющей: *schrecklich*, *nett*, *super schön*, *krass*, *geil*; лексемы, которые в определенном контексте будут обладать соответствующей оценочной коннотацией: *Deutsch* (немецкий/германский) в период Третьего Рейха; стереотипы: *Franzosen sind arrogant* (французы заносчивые),

196 | Japaner sind hilfsbereit (японцы услужливые); идиоматические выражения с оценочной функцией: *dumm wie Bohnenstroh* (глупый как боб), *schwarz wie der Teufel* (черный как черт) и др. [13: 137–159].

Современный этап изучения аксиологического аспекта базируется на результатах филогенетического анализа, выявляющего постоянные метаморфозы в структуре ценностей, отражающих эпоху, смысл перемен, происходящих в различных слоях населения. Как отмечает М. С. Милованова, в русскоязычной культуре «объектом пристального внимания и активного познания становится сам человек – человек, познающий себя. При этом оценка окружающего мира становится более субъективной – с одной стороны, с другой – все более прагматичной (или утилитарной)» [2: 11]. Аналогичная ситуация сегодня наблюдается в немецкоязычной культуре, что находит свое отражение в том числе и в поэтических произведениях. Проанализировав 3546 стихотворений, нами был выявлен набор ядерных концептов – аксиологических доминант, которые схематично изображают модель лингвокультурных ценностей в современном европейском обществе:

1) классические концепты: GLÜCK (СЧАСТЬЕ), LIEBE (ЛЮБОВЬ), NATUR (ПРИРОДА), FREUNDSCHAFT (ДРУЖБА), LEBEN (ЖИЗНЬ), SEHNSUCHT (ТОСКА);

2) сфера быта: ALLTAG (БЫТ), FAMILIE (СЕМЬЯ), FAMILIENKRISE (СЕМЕЙНЫЙ КРИЗИС);

3) экономика и политика: FINANZKRISE (ФИНАНСОВЫЙ КРИЗИС), POLITIK (ПОЛИТИКА), GELD (ДЕНЬГИ), BANK (БАНК), BREXIT (БРЕКСИТ);

4) религия: APOKALYPSE (АПОКАЛИПСИС), ARMAGEDDON (АРМАГЕДДОН), GOTT (БОГ);

5) социальные табу: ALKOHOL (АЛКОГОЛЬ), DROGEN (НАРКОТИКИ), SPIELSUCHT (ИГРОВАЯ ЗАВИСИМОСТЬ);

6) здоровье: CORONAVIRUS (КОРОНАВИРУС), COVID-19 (КОВИД-19);

7) военная тематика: KRIEG (ВОЙНА), KAMPF (БОРЬБА), HEIMAT (РОДИНА), FLUCHT (БЕГСТВО), SCHMERZ (БОЛЬ).

Каждая из 7 сфер представлена как набор конкретных ценностных смыслов. Базовыми ценностями для современных поэтов выступают традиционные классические принципы о счастье, любви, дружбе, природе и др., а также сфера быта, эксплицирующиеся посредством ряда лексем позитивной семантики: *schön, lustig, Schmetterling, Hunger, stolze Burg, Traum, Königin*, а также цепочек ключевых лексем негативной коннотации, если речь идет о духовных переживаниях лирического героя: *erobern, vergehen, sehnen, traurig, einsam, kalt: Die Liebe ist eine stolze Burg // sie will im Sturm erobert werden* [10: 44]. *Mein Leben rinnt, die Liebe vergeht, //das Herz wird traurig, einsam und kalt, // selbst meine Hoffnung stirbt als bald. // Meine Sehnsucht, ein Leben lang, // nur nach Deiner Liebe mich zu sehnen* [5: 182].

Сфера экономики и политики включает в себя как традиционные для XX века аксиологические доминанты: BANK, GELD, так и новые: FINANZKRISE, BREXIT, отражающие современную ситуацию в мире. Концепт FINANZKRISE представлен лексемами: Trick, die Welt regieren, gute Zeiten: Die können zahlen mit Job und Gehalt, // die guten Zeiten für die Bürger kommen wieder bald // Wir sind jetzt das Geld // und wir regieren die Welt [8: 89].

Поэтические тексты, посвященные выходу Великобритании из состава Европейского союза, строятся преимущественно на иронии, нашедшей свое выражение в соответствующих конструкциях: zurück ins Mittelalter gehen, die Meinung der Briten mit dem Winde weht, die Briten sind auf ihrer Insel wieder allein, der Brexit kommt, der Brexit geht.

Религия также, как сфера экономики и политики, включает не только традиционные ценностные ориентиры, но и по-новому рассматривает явление апокалипсиса. В частности, апокалипсис, по мнению ряда авторов, обозначает сражение сил света и тьмы, после которого наступает новая эра, новый этап в жизни, символизирующий нечто хорошее. Таким образом, положительная оценка концепта APOKALYPSE манифестируется лексемами jubeln, toben, singen, feiern, sich freuen: Die Apokalypse wird schon toben // Im Namen des Lebens, der Liebe und Wärme [9: 147].

Область социальных табу представлена амбивалентными концептами ALKOHOL, DROGEN и др., которые, с одной стороны, выполняют роль маргинализации, а с другой, что не является традиционной точкой зрения, — приобретают позитивный семантический потенциал и предлагают выход из социально-экономического или нравственного тупика для субъектов речевой деятельности. Концепт ALKOHOL актуализируется такими лексемами и цепочками ключевых лексем в текстах современных немецкоязычных авторов, как lieben, genießen, Stärke, Tröster, Freund, Gefährte, sich wohl fühlen. Для концепта DROGE лексемами положительной семантики становятся Göttin, Gewinn, Heldin, Spaß, Herrin, Darling, alte Liebe, lachen, mit Problemen klar Machen.

Die Drogen bestimmen mein Leben // Halfen mir, mit Problem klar zu machen, // sie ließen mich lachen und Spaß haben [6: 96].

Аксиологические доминанты сферы «здоровье» связаны преимущественно с концептом CORONAVIRUS, что акцентирует внимание реципиентов на пандемии как редком историческом событии и угрозе всему миру. Способами реализации данного концепта выступают цепочки негативно-оценочных ключевых лексем, выраженные существительными Sicherheits- und Notfallprodukte, Wartung, keine Entspannung, Schuss, Gefahr; глаголами персонификации verschonen, sich verbreiten, bei Seite schieben, kalt lassen: Das Virus, es nennt sich Corona! // Wenige wird's verschona! // Gefährlich wie es sich verbreite! // Alle anderen Probleme schiebt es jetzt bei Seite! // Keinen lässt es kalt! // Alles schließt jetzt bald [7].

Область военной тематики в некоторой степени, на наш взгляд, можно отнести к базовой, так как чувство коллективной вины (Kollektivschuld) за содеянные преступления в период Второй мировой войны и духовное возрождение стали главными темами многих произведений немецкой художественной литературы XX века. В XXI веке военная тематика строится на экспликации концептов KRIEG, KAMPF, NOT, HEIMAT, FLUCHT, SCHMERZ, а само чувство коллективной вины притупляется и превращается в страх перед войной, борьбой, нуждой и т. д. Преферентными лингвостилистическими средствами вербализации указанных концептов служат цепочки ключевых лексем, метафоры, анафоры, синтаксический параллелизм: Einsam bin ich, // ohne Heimat, // ohne Namen, // ohne meine Lieben [4]. Zugewandt bin ich // dir, // Schmerz, // fall über mich her, // durchdringe mich, // sei meine Tinte // auf dem Papier [4].

Подведем итоги. Поэзия всегда отражала идеологические и эстетические установки. Очевидно, что современная ситуация, сложившаяся в мире масс-медиа и интернет-пространстве, обуславливает не только рождение новых поэтических форм и художественных образов, но и вместе с тем способствует развитию прагматических черт в рамках поэтического дискурса. Аксиологический подход к рассмотрению стихотворных текстов предусматривает выявление ценностных установок современного общества. На основе проведенного анализа стихотворных текстов можно утверждать, что ценностные ориентации немецкоязычного общества в XXI веке несколько поменяли свой вектор. Во-первых, концепты ALKOHOL, DROGE, FINANZKRISE, APOKALYPSE, ранее воспринимавшиеся как исключительно негативные феномены, сегодня имеют амбивалентный характер. Во-вторых, концепт вины, сопровождавший немецкую нацию на протяжении нескольких десятков лет после Второй мировой войны, трансформируется в страх перед войной, смертями, вынужденной эмиграцией (бегством), разрушением, репрессиями. Наконец, в-третьих, ситуация с коронавирусной инфекцией, полностью изменившей привычный уклад, также относится к аксиологическим доминантам немецкоязычного поэтического дискурса, что еще раз подчеркивает масштабность и серьезность произошедшего.

Литература

1. Маркелова Т.В., Дементьева М.К. Актуализация слова «мент» в современном российском политическом дискурсе: оценочный аспект // Научные и учебные тетради Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М.В. Ломоносова. Тетрадь. – М.: Алгоритм, 2010. – С. 60–72
2. Общая и русская аксиология: Коллективная монография / М.С. Милованова (отв. ред.); К.Я. Сигал, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Б.И. Фоминых, Н.А. Боженкова, Л.М. Гончарова, А.Н. Матрусова, Р.Р. Шамсутдинова, П.А. Катышев. – М.; Ярославль: Канцлер, 2022. – 390 с.

3. Adouani H. Immer, wenn ich Abschied nehme [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/dazwischen-das-meer-flucht-und-fluechtende-in-der-literatur-100.html> (дата обращения: 13.09.2022).
4. Adouani H. Zugewandt bin ich [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.deutschlandfunkkultur.de/dazwischen-das-meer-flucht-und-fluechtende-in-der-literatur-100.html> (дата обращения: 21.09.2022).
5. Bockelmann, M. Mein Leben rinnt // Jahrbuch der Lyrik / Hrsg. von Christoph Buchwald und Kathrin Schmidt. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2008. – S. 182.
6. Bossong N. Droge // Jahrbuch der Lyrik / Hrsg. von Christoph Buchwald und Kathrin Schmidt. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2009. – S. 96.
7. Höfinger N. Ein Gedicht, das Hoffnung geben soll [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.noen.at/tulln/coronavirus-hoefinger-ein-gedicht-das-hoffnung-geben-soll-michelhausen-redaktionsfeed-coronavirus-lyrik-niklas-hoefinger-198132363> (дата обращения: 24.09.2022).
8. Krieger A. Wir sind das Geld und wir regieren die Welt // Jahrbuch der Lyrik / Hrsg. von Christoph Buchwald und Kathrin Schmidt. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2011. – S. 89.
9. Jonsis, C. Das nächste Zeitalter // Versnetze: Das grosse Buch der neuen deutschen Lyrik / Hrsg. Von Axel Kutsch. – München: Ralf Liebe Verlag, 2008. – S. 147.
10. Lentz M. Du bist die // 100 Liebesgedichte. – Frankfurt am Main: Fischer Verlag, 2010. – S. 44.
11. Linke A., Paul R. Studienbuch Linguistik. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 2004. – 165 S.
12. Ludwig K.D. Zum Verhältnis von Sprache und Wertung. Untersuchungen an einigen Adjektiven, die negative ästhetische und moralische Wertungen fixieren. – Berlin: Akademie der Wissenschaften der DDR, 1976. – 256 S.
13. Sandig B. Ausdrucksmöglichkeiten des Bewertens: ein Beschreibungsrahmen im Zusammenhang eines fiktionalen Textes. – Berlin: Erich Schmidt Verlag, 1979. – 189 S.
14. Zillig W. Bewerten: Sprechakttypen der bewertenden Rede. – Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1982. – 365 S.

Abstract. The author reflects on the axiological aspect of modern German poetry discourse. Textual analysis of poems showed a set of axiological dominants – basic concepts that are a model of linguocultural values in modern European society.

Keywords: German poetry discourse, concept, axiological aspect, appraisal.

ФОРМИРОВАНИЕ ЖАНРОВОЙ СТРУКТУРЫ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена выявлению факторов, влияющих на формирование жанровой структуры речи. Широта представления о речевом жанре и активный процесс формирования новых закономерностей общения заставляют искать подход к типизации речевых явлений. В статье затрагиваются проблемы анализа и классификации языковых фактов.

Ключевые слова: жанры речи, языковая личность, интернет-коммуникация, языковая система.

Речевой жанр представляется как минимальная единица речи, но ее существование обусловлено социальным бытием и мышлением человека, а также спецификой языка и средствами общения. Речевые жанры изучаются в сфере неофициального, т. е. лично-ориентированного дискурса, а также в сфере профессионального общения. М. М. Бахтин писал: «Богатство и разнообразие речевых жанров необозримо, потому что неисчерпаемы возможности разнообразной человеческой деятельности и потому что в каждой сфере человеческой деятельности вырабатывается целый репертуар речевых жанров, дифференцирующийся и растущий по мере развития и усложнения данной сферы» [2: 159–160]. Часто речевое поведение анализируют, исходя из следующих параметров: письменное/устное, официальное/неофициальное, публичное/непубличное.

Активное формирование новых жанров происходит в сфере опосредованного общения в Интернете. Здесь особое звучание приобретает категория публичности и непубличности общения. По мнению В. Барнета, «фактор публичности – непубличности не имеет характера бинарного противопоставления, а скорее представляет собою два крайних полюса, между которыми признак публичности может проявляться с нарастающей или убывающей силой» [1: 89]. Жанры публичного общения предполагают более высокую степень осознанности в употреблении языковых средств, нежели жанры речи непубличной [12: 224]. Жанры речи существуют в сознании языковой личности в виде фреймов, которые становятся моделью формирования высказывания. Осознанное применение жанровых моделей характеризует уровень коммуникативной компетенции и характер дискурсивного мышления. «Один и тот же жанр в зависимости от степени осознанности речевого поведения, может выступать в качестве риторического и нериторического...

Например, нериторические жанры *болтовня, ссора, сплетня* превращаются в зоне риторического общения в жанры *светской беседы, спора, анекдота* и т. п.» [8: 20]. Классифицируя речевые жанры, часто можно говорить об их тяготении к информативности (информативности по преимуществу) или – фатике (фатические по преимуществу, т. е. направленные на установление контакта, поддержание приятного общения).

Т. В. Шмелева в работе «Модель речевого жанра» подчеркивает, что «главный жанрообразующий признак – это коммуникативная цель, он противопоставляет четыре типа речевых жанров, каждый из которых объединяет довольно большое количество жанров, различающихся внутри названных типов по другим жанрообразующим признакам» [10: 85]. Другие «жанрообразующие признаки» – это «образ автора» высказывания, образ адресата, образ прошлого и образ будущего [11]. «Параметр диктумного содержания вносит ограничения в отбор информации о мире и вносит дифференциации более частного характера, вплоть до различения конкретных речевых жанров» [10: 89]. Все жанрообразующие признаки обращены к условиям и участникам общения. Рассматривая речевые жанры, важно видеть их лексические и грамматические ресурсы. «В этом спектре можно обозначить некоторые полюсы: клишированность/индивидуальность, минимальность/максимальность словесного выражения» [10: 88].

Таким образом, можно представить модель анализа речевого жанра или конкретного текста (высказывания):

- 1) коммуникативная цель;
- 2) образ автора;
- 3) образ адресата;
- 4) образ прошлого и будущего;
- 5) параметр диктумного (типичного) содержания;
- 6) языковые средства и этикетные установки.

Аналогичную модель для анализа новых жанров (мем и демотиватор) используют Ю. В. Крылов и Т. И. Стексова [5: 53–61].

Классификация жанров интернет-коммуникации может создаваться на различных основаниях: тип дискурса; сетевые жанры и жанры, заимствованные из других сфер общения; структура и композиция текста жанра; тип интернет-технологии и лингвистический дизайн [7: 106]. К. М. Шилихина предлагает выделять монологические (блог), диалогические (социальные сети, мессенджер, форум, чат) и гибридные формы коммуникации (комментарий к интернет-публикации) [9: 219]. Проблема классификации жанров сложна из-за постоянного обновления технологических возможностей и соприкосновения с проблемами стилистики. Жанр может быть реализован в разных функциональных стилях, т. е. с использованием различных сочетаний языковых средств (например, статья). Эта мысль впервые сформулирована

202 | М. М. Бахтиным [2]. В соответствии с представлениями М. М. Бахтина все жанры публичной, деловой, научной сферы, а также художественной прозы и поэзии имеют прообразы в бытовой речи. В. И. Карасик выделяет восемь жанровых групп, соотносимых с типами речевых актов Дж. Остина и Дж. Серля: демонстративы (самопрезентация с использованием фотографий), репортативы (сообщения о важных новостях), социативы (заметки и рассуждения об интересных вещах), креативы (художественное творчество или его комментирование), агитативы (сообщения, продвигающие товар или образ жизни), инструктивы (рекомендации для решения конкретной практической проблемы), прескриптивы (назидательные послания морального плана), аттрактивы (развлекательно-шутливые послания) [4: 50]. Автор отмечает, что «сообщение новостей все более приобретает характер личного свидетельства очевидца» [4: 51]. Непрофессионализм подчеркивает подлинность передаваемой информации. Речь в блогах, сохраняя разговорность, все больше становится похожей на публицистику, т. е. автор претендует на убедительность и речевое мастерство [6: 630].

Выявлению жанровой специфики Интернета способствует определение признаков медиатизации [6: 631] и анализ лексико-стилистических маркеров [9: 223]. В ряде жанров интернет-коммуникации важным является нарушение существующих образцов, наблюдается вариативность формы слова, что создает ощущение нестабильности языковой системы. Пример использования мема доказывает связь жанров интернет-коммуникации с живой речью [5: 53–61].

Вопрос о жанровой структуре современной речи актуален для преподавания русского языка в вузе и формирования ценностных установок студентов в отношении коммуникации в различных сферах. Речевые жанры не имеют четких границ, их появление и выделение связано с развитием функциональных стилей, взаимодействием различных видов и форм речи, формированием целевой установки говорящего. Важно целостное представление о жанровой структуре речи, не связанное только с интернет-коммуникацией или другой сферой. Изучение опыта исследователей позволило выявить факторы, активно влияющие на формирование жанровой структуры речи: появление нового коммуникативного пространства и совершенствование (изменение) технических возможностей; неустойчивость языковой системы; размывание системы жанров; сокращение дистанции общения; установка на демонстрацию владения словом (осознание медиатизации текста, стремление создать эмоциональность текста, использование языковой игры).

Реализация языкового жанра связана с характеристиками языковой личности. Развитие жанров интернет-коммуникации показывает стремление говорящих проявить речевое мастерство, экспериментировать с возможностями языковой системы, однако так же сильна тенденция к упрощению и формализации общения.

Литература

1. Барнет В. Проблемы изучения жанров устной научной речи // Современная русская устная научная речь. – Красноярск, 1985. – Т. 1. – С. 89.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров. Собрание сочинений в 7 т. – М., 1996. – Т. 5. – С. 159–160.
3. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: Искусство, 1986. – 445 с.
4. Карасик В.И. Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. – 2019. – № 1 (21). – С. 49–55.
5. Крылов Ю.В., Стеклова Т.И. Новые жанры интернет-коммуникации (на примере демотиватора и мема) // Жанры речи. – 2020. – № 1 (25). – С. 53–61.
6. Маринова Е.В. Траектория развития сетевых жанров // Медиалингвистика. Вып. 9. Язык в координатах массмедиа: материалы VI Международной научной конференции (Санкт-Петербург, 30 июня – 2 июля 2022 г.) / науч. ред. Л.Р. Дускаева, отв. ред. А.А. Малышев. – СПб.: Медиапир, 2022. – С. 629–632.
7. Митягина В.А., Сидорова И.Г. Жанры персонального интернет-дискурса: коммуникативные экспликации личности // Жанры речи. – 2016. – № 2. – С. 105–115.
8. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 20.
9. Шилихина К.М. Лексические маркеры жанров интернет-коммуникации // Жанры речи. – 2018. – № 3 (19). – С. 218–225.
10. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация. – М.: Лабиринт, 2007. – 320 с.
11. Шмелева Т.В. Речевой жанр. Возможности описания и использования в преподавании языка // Russistik. – Berlin, 1990. – № 2. – С. 20–32.
12. Щипицина Л.Ю. Веб-лекция как устный жанр интернет-коммуникации // Жанры речи. – 2019. – № 3. – С. 215–226.

Abstract. The article is devoted to the identification of factors influencing the formation of the genre speech structure. The urgency of the idea of the speech genre and the active process of forming new patterns of communication stimulates approach to the looking for classification of speech phenomena. The article touches upon the problems of analysis and classification of linguistic facts.

Keywords: speech genres, linguistic personality, Internet communication, language system.

АНАЛИЗ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЦЕННОСТЕЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В НАЧАЛЕ 90-х ГОДОВ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПРЕССЫ

Аннотация. Статья посвящена изучению социокультурных особенностей политических ценностей постсоветского общества в 1990-е годы, а также роли средств массовой информации в трансляции и трансформации системы ценностей общества. Исследование было произведено на основе статей газеты «Коммерсантъ», опубликованных в первую половину 1990-х годов. Благодаря анализу были выявлены основные политические ценности, которые представляли значимость для россиян в тот переломный исторический момент.

Ключевые слова: социокультурные ценности, средства массовой информации, политические ценности, аксиологическая функция, система ценностей, 1990-е годы.

Исторический и социокультурный опыт, приобретенный российским обществом в результате распада Советского Союза в 90-е годы XX века, спустя три десятилетия заставляет многих специалистов переосмыслить тот кризисный период. Основная причина заключается в том, что в те годы под воздействием переломных общественно-политических событий и экономического кризиса произошла трансформация существовавшего мировоззрения и сформированной, идеологически окрашенной системы ценностей.

Система ценностей – основа человеческого восприятия окружающего мира. При этом ценности являются относительно устойчивым, социально обусловленным отношением человека к материальным и духовным благам. В. Тугаринов предлагает понимать под этим нечто нужное и полезное людям. «Ценности – это то, что нужно людям для удовлетворения потребностей и интересов, а также идеи и их побуждения в качестве нормы, цели и идеала» [14]. Из этого следует, что ценности – это не только уже существующее, но и то, что требует создания или достижения.

Научное сообщество по-разному классифицирует ценности. Распространенными считаются следующие виды ценностей, которые часто противопоставляются друг другу: материальные и духовные; терминальные и инструментальные; априорные и апостериорные; моральные, эстетические, утилитарные, правовые и пр.

Н. Лапин уделяет социокультурным ценностям стратегическую роль в кризисный период, под которым он понимает, в частности, 90-е годы XX века. «Новая структура обобщенных представлений индивидов и социальных групп о добре и зле, об одобряемых и осуждаемых нормах поведения приобретает функции аттрактанта, своего рода встроенного магнита, или удерживающего общество в хаотической области, или же вытягивающего его из хаоса и влекущего к новому социокультурному состоянию» [5].

Таким образом, основываясь на аксиологическом подходе, под социокультурными ценностями можно понимать жизненные смыслы, позицию и оценки, которыми руководствуется социально активный человек в обыденной жизни. Они предопределяют отношение людей к окружающей действительности, социальным явлениям и взаимодействие между членами социума, передаются из поколения в поколение, обеспечивая таким образом преемственность и инкультурацию. При этом данные ценности не являются статичными, они подвержены трансформациям, которые, в свою очередь, становятся следствием изменений в политической, социальной и духовной сферах общества.

Но ценностная картина, формирующаяся в сознании отдельно взятого человека и общества в целом, является живой системой. Как утверждает Р. Инглхарт, она подвержена трансформациям, которые происходят постепенно под опосредованным влиянием целого комплекса внешних факторов: политических реформ, экономических кризисов, социальных и культурных перемен, происходящих в государстве и мире, и сказывающихся на каждом отдельно взятом обществе. Во второй половине XX века в мире, по мнению команды исследователей, работавшей совместно с Инглхартом, произошел ценностный сдвиг, спровоцированный экономическим развитием и ростом, а также технологическим прогрессом. Один из векторов ценностных трансформаций основан на соотношении ценностных приоритетов и степени удовлетворения потребностей социума.

В России ценностный сдвиг был сопряжен с распадом СССР. Хотя отмечается, что предпосылки для начала социокультурной трансформации советского общества прослеживаются в самом конце 80-х годов. Основываясь на социологических опросах, проведенных в тот период, можно говорить о том, что уже тогда формируется поляризация в оценке самой идеи перемен. А уже с началом 90-х годов под воздействием разрастающегося экономического кризиса это отношение быстро меняется не в лучшую сторону [1].

Распад советского государства спровоцировал разрушение устоявшейся системы ценностей, которая формировалась на протяжении всего XX столетия. Это привело к глубинному общественному кризису, что стало в свою очередь причиной социального расслоения общества, его маргинализации и криминализации (почти в три раза по сравнению с аналогичным периодом 80-х годов) [17], росту националистических настроений при размывании на-

206 | циональной идентичности. Часть граждан вовсе потеряла как гражданскую, так и политическую идентичность. На смену идеологически окрашенной системе ценностей, где во главе угла стояло сильное государство, выступающее одновременно в двух ипостасях: как самоценность и как даритель благ обществу, приходит либеральная ценностная система, свойственная демократически развивающемуся обществу, ориентированному на политический и экономический опыт западноевропейских государств. Поэтому, рассматривая данный период, стоит сфокусировать внимание на политических ценностях россиян, поскольку именно они в последнее десятилетие XX века подверглись значительному внешнему воздействию.

Политические ценности представляют собой устойчивую смыслообразующую основу государственной идентичности, благодаря которой возможно детерминирование и структурирование образно-символического пространства [12]. Они формируют у общества понятие «мы», определяя его границы, а также помогая отличать себя от «других», оказывают влияние на активность граждан в политическом поле.

Политические ценности можно рассматривать как некие ориентиры социальных действий, которые влияют на активность общества. Они выстраивают плотную связь между отдельной личностью и политической властью, поскольку задают определенные правила отношениям между людьми [13]. По мнению А. Селезневой, политические ценности общества определяются благодаря сформировавшейся в государстве политической культуре, а также глобальными социокультурными трендами. «В структуре политической культуры именно ценности являются ее “ядром”, наиболее устойчивым и долговременным элементом» [10]. Специалисты понимают под политическими ценностями такие понятия, как «свобода», «права человека», «справедливость», «демократия», «свобода слова», «патриотизм», «безопасность», «социальное равенство» и др.

Можно полагать, что государство, заинтересованное в лояльности и поддержке социума, будет реализовывать свои стратегии с оглядкой на массовые ценности общества, в частности, политические. Теоретически это может происходить несколькими способами. Во-первых, государство может выстраивать и продвигать свои стратегии с учетом доминирующих в обществе ценностей. Во-вторых, государство может, напротив, целенаправленно формировать в обществе ценности, которые будут соответствовать заданному политическому курсу, таким образом трансформируя имеющуюся ценностную картину. В-третьих, государство может определить актуальные ценности общества и учитывать их при разработке своего политического курса путем организации или поддержания обсуждения ценностей в публичном пространстве [9].

Одними из эффективных проводников либерально-демократических политических ценностей в 1990-е годы могли бы стать политические партии

и общественные движения, которые получили широкое распространение в данный исторический период. Но они не смогли или не были заинтересованы в реализации такой функции, сконцентрировавшись на борьбе за власть и укреплении своего положения. Зато значительную роль в трансляции и формировании новой системы социокультурных ценностей сыграли средства массовой информации.

В XX веке медиа заняли центральное место в человеческом бытии, обозначив свою претензию на роль крупного и мощного инструмента формирования мировоззрения и картины ценностей как отдельного индивида, так и целого общества. СМИ помогают аудитории ориентироваться в действительности, расставлять акценты в информационном потоке, обозначая важное и незначительное, а также упростив и ускорив каналы коммуникации. Как отмечает В. Сидоров, СМИ стали творцами не только информационного сообщения, но и определенной ценностной системы [11]. Наряду с традиционными коммуникативными факторами культуры, синтезирующими общечеловеческие ценности (искусством, литературой и религией), массмедиа заявляют о себе как о полноценном созидателе и трансляторе социокультурных ценностей. Л. Ефимова предлагает характеризовать средства массовой информации как объективно-исторический процесс ретрансляции культурного фонда, который реализуется тремя способами: «материального созидания культурной и социальной информации — пресса, вербального — радио и аудиовизуального — телевидение. <...> Совокупность вышеуказанных методов трансляции образует целостную культурно-связанную концепцию, влияющую на ценностную ориентацию социума с помощью разных типов культурных сообщений: радиотрансляционных, печатных, телевизионных, содержащих ценности различных порядков» [2]. Разумеется, нельзя забывать, что существует угроза подмены реальных социокультурных ценностей «искусственными» — ценностными ориентирами, которые характерны конкретному журналисту или редакции в целом.

Стоит заметить, что кардинальные перемены в политическом и социально-экономическом строе России в последнее десятилетие XX века, в которых одну из ведущих ролей играли средства массовой информации, потребовали от научного сообщества осмысления и переоценки роли медиа и фигуры журналиста в этом процессе. Тогда в отдельную дисциплину была выделена аксиология журналистики.

В данном исследовании для определения политических ценностей, которые транслировались в медиа в 90-е годы, была выбрана газета «Коммерсантъ». Это издание представляет интерес в первую очередь потому, что является одной из первых частных газет. Читатели воспринимали ее как антипод классической советской прессы («Коммерсантъ», 2017).

«Коммерсантъ» появился еще в позднем СССР, пилотный выпуск вышел в конце 1989 года. На регулярной основе газета стала выходить сначала в еженедельном формате, а с 5 октября 1992 года превратилась в ежедневное издание. Говоря о позиции газеты, главный редактор Владимир Яковлев подчеркивал, что «“Коммерсантъ” основывался на том, что он работает всегда и только на читателя» (РИА «Новости», 2013), а не на государственную машину, как это делали советские газеты на протяжении XX века, становясь подчас «рупором» коммунистической партии.

Для выявления политических ценностей был определен период первой половины 1990-х годов, а для более предметного анализа печатных материалов было решено детально изучить выпуски «Коммерсанта», опубликованные в августе каждого года до 1995 года включительно (таких насчитывается порядка 62). Такие параметры были установлены неслучайно. Начиная с 90-х годов, в российском обществе закрепилось понятие «черный август». Это было связано с концентрацией происшествий и драматических событий в последний летний месяц. В 1991 году разразился Августовский путч, в 1994 – рухнула финансовая пирамида МММ, оставив миллионы людей без сбережений, завершился вывод российских войск из Прибалтики и Германии, усилилась активизация сепаратистских настроений в Чечне; в 1992 и 1996 годах произошли авиакатастрофы с Ту-154, а в 1998 году август запомнился началом дефолта. Эта «нехорошая» традиция сохранилась и в нулевые годы: гибель подводной лодки «Курск», авария на Саяно-Шушенской ГЭС, военный конфликт в Южной Осетии.

При анализе материалов газеты «Коммерсантъ» на предмет политических ценностей использовался метод контент-анализа, а также учитывались результаты социологических исследований, проведенных в 1990–2000 годы ВЦИОМ (проект «Человек советский») и Институтом социологии РАН и посвященных изучению системы ценностей россиян.

Учитывая, что газета «Коммерсантъ» априори создавалась как издание для представителей бизнеса и экономической сферы, то объем материалов, посвященных исключительно внутриполитической повестке, не столь велик. В среднем они занимают четверть или треть от всех статей в номере. Основная освещаемая проблематика – это деятельность политических партий и общественно-политических движений, первых лиц государства (Бориса Ельцина, Виктора Черномырдина) и властных институтов (парламента и правительства), законотворчество, а также активизация политической деятельности в российских регионах. В связи с этим удалось выявить следующие политические ценности, которые были объединены в условные подгруппы: государство (суверенитет, права субъектов, целостное и неделимое государство, политическая эволюция, легитимизация выборов, авторитет власти, реформаторство); власть имущие (политическая добродетель, ответственность, объективность

и компетентность); общество (обеспечение порядка, подчинение закону, стабилизация, солидарность, права человека, партнерство, коллективные действия (или коллективизм); общие либерально-демократические ценности (демократия, парламентаризм, свобода слова, правовое просвещение, неприкосновенность, легитимность).

Анализируя ценностные подгруппы «государство» и «общие либерально-демократические ценности», можно сказать, что они обусловлены запросами, сформировавшимися в обществе в начале 90-х годов после смены политического строя в стране: сменяемость легитимной власти в результате свободных выборов, наличие свобод и прав у граждан, а также большая независимость от федерального центра у регионов. Выбор демократического пути развития государства определил ценностные ориентиры российских граждан.

Подгруппа «власть имущие» дает понимание о ценностях, которые связывает постсоветское общество с людьми, приближенными к управлению государством. А вот ценности, вошедшие в подгруппу «общество», во многом связаны с еще одним ценностным понятием – «безопасность». В 1990 годы она особенно остро беспокоила общество как в рамках физической безопасности (крайне неблагоприятная криминогенная обстановка), так и финансовой (высокий уровень коррупции). При этом хотелось бы подчеркнуть, что в материалах фактически не встречается упоминание таких ценностей, как «патриотизм», «государственные интересы», «общественная польза», что говорит о низкой значимости их в сознании общества.

Также стоит отметить, что авторы издания не скатываются в метафизические рассуждения о системе ценностей постсоветского общества. Упоминание об этих понятиях встречается в контексте описания тех или иных социально-политических событий, например, оценки уровня защиты прав человека в России, попытки создания отдельными политиками новых партий, выступления региональных политических деятелей и т. д. Упоминание ценностей в прямом их понимании можно встретить в цитатах политиков, например, Ирины Хакамады, которая во время одного из выступлений говорила об «идеалах свободы, труда и человеческого достоинства» («Хакамада считает, что настало время пожинать плоды», 2.08.1994).

Исследуемый период завершается в 1996 году, когда президент Российской Федерации Борис Ельцин выступает за формирование «универсальной формулы, касающейся общепринятых ценностей и объединяющей всех людей» [18]. С этого момента начинается поиск новой национальной идеи, которая могла бы заменить советскую идеологию и при этом отвечать запросам демократического общества. По мнению же самого Ельцина, российское общество должны сплотить такие традиционные ценности, как государственность, гражданственность, патриотизм и нравственность. «Элемент новизны есть только в трактовке понятия “государственность”, так как, наряду

210 | с проблемой укрепления единого российского государства, здесь речь идет о формировании гражданского общества, развитии культуры политического участия, о государстве “подчиненном обществу”» [4].

Подводя итог, можно сказать, что благодаря выявлению политических ценностей на основе анализа материалов, представленных средствами массовой информации, можно определить нормы, идеалы и принципы, которые регулировали политические отношения в обществе. Это в свою очередь дает возможность составить представление о действиях и поступках акторов политических процессов изучаемого периода, а также оценить уровень развития общества в целом.

Литература

1. Бызов Л.Г. Динамика идейно-политических предпочтений за 25 лет (1992–2017). Три этапа трансформации общественного сознания [Электронный ресурс]. – URL: <https://proz.a.ru/2018/01/13/1187> (дата обращения: 10.09.2022).
2. Ефимова Л.В. Аксиологические проблемы СМИ // Сервис +. – 2014. – № 2. – С. 10–16.
3. Зимин В.А. Политические ценности в постсоветской России // Теория и практика общественного развития. – 2012. – № 10.
4. Инглхарт Р. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С.Л. Лопатиной, под ред. М.А. Завадской, В.В. Косенко, А.А. Широкановой, научн. ред. Э.Д. Панарин. – М.: Мысль, 2018.
5. Лапин Н.И. Изменение ценностей и новые социокультурные структуры // Сборник. Куда идет Россия?.. / под ред. Т.И. Заславской. – М., Дело, 1998.
6. Левада Ю.А. «Человек советский» пять лет спустя: 1989–1994 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг. – 1995. – № 1 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-sovetskiy-pyat-let-spustya-1989-1994-predvaritelnye-itogi-sravnitel'nogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.09.2022).
7. Левада Ю.А. «Человек советский» десять лет спустя: 1989–1999 (предварительные итоги сравнительного исследования) // Мониторинг. – 1999. – № 3 [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/chelovek-sovetskiy-desyat-let-spustya-1989-1999-predvaritelnye-itogi-sravnitel'nogo-issledovaniya> (дата обращения: 10.09.2022).
8. Окунь М.В. Ценностно-идеологические основания стратегии развития современного государства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – 26 (4). – С. 219–231.
9. Пушкарева Г.В. Менеджмент публичных ценностей: государственное управление в поиске новых концептуальных оснований // Политика и управление государством: новые вызовы и векторы развития. Сборник статей / под ред. А.И. Соловьева, Г.В. Пушкаревой. – М., 2019. – С. 109–111.

10. Селезнева А.В. Политические ценности российской молодежи: социокультурные особенности и идентификационный потенциал // Общество. Коммуникация. Образование. – 2020. – Т. 11. – № 3. – С. 20–32.

11. Сидоров В.А. Ценностное осознание журналистики // Медиаобразование: концепции и перспективы: Материалы для дискуссии / ред.-сост. С.Г. Корконосенко. – СПб, 2006. – С. 39.

12. Титов В.В. Национально-государственная идентичность как пространство политических смыслов и образов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2017. – № 1. – С. 42–54.

13. Трегуб В.А., Решетников С.В. Политические ценности в политической системе постсоветской России // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2009. – № 1 (22).

14. Тугаринов В.П. Избранные философские труды. – Л., 1998. – С. 271.

15. Россия в поисках идеологий: трансформация ценностных регуляторов современных обществ / под ред. В.С. Мартынова, Л.Г. Фишмана. – М.: Политическая энциклопедия, 2016.

16. Идеологии и генезис ценностей современного общества: коллективная монография / Р.В. Светлов, Д.К. Богатырев, А.Я. Кожурин и др. – СПб.: РХГА, 2016. – 352 с.

17. Доклад Общественной палаты Российской Федерации. Злоупотребление алкоголем в Российской Федерации: социально-экономические последствия и меры противодействия. – М., 2009. – 83 с.

18. Киселев С. «Георгий Сатаров: Национальная идея – это не больно» // Известия, 19 июля 1996.

19. Федотова Е., Спиридонов Д., группа «Прямая речь». Первый Daily. В 1992 году вышел первый номер ежедневной газеты «Коммерсантъ», 5 октября 2017.

Abstract. The article is devoted to the study of the socio-cultural features of the political values of post-Soviet society in the 1990s, as well as the role of mass media in the transmission and transformation of the value system of society. The research was carried out on the basis of articles of the newspaper «Kommersant» published in the first half of the 1990s. Thanks to the analysis, the main political values that were important for Russians at that crucial historical moment were identified.

Keywords: sociocultural values, mass media, political values, axiological function, value system, 1990s.

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО ОБРАЗА КИТАЯ НА РОССИЙСКОМ БИЗНЕС-ТЕЛЕКАНАЛЕ РБК

Аннотация. Статья посвящена анализу вербальной репрезентации образа Китая на российском бизнес-телеканале РБК. Образ Китая анализируется на материале публикаций, связанных с Китаем. Авторы исследуют лексико-семантические характеристики языковых средств, используемых в экономических и социально-политических медиатекстах.

Ключевые слова: семантика, образ Китая, мягкая сила, речевая манипуляция, языковые средства.

Политический дискурс предлагает новую смысловую систему координат для формирования образа государства. По мнению Э. А. Галумова, у государства есть «несколько объективных имиджей: экономический, социальный, гуманитарный, политический, культурный, экологический и т. д.» [2: 109]. В своем исследовании К. Б. Джагмадзе выделяет пять элементов образа государства: «образ территории (географический образ), образ истории, образ народа (“образ мы”), образ власти, образ политического лидера» [3: 76].

В контексте нашего исследования мы будем рассматривать СМИ как один из инструментов мягкой силы. Значимая заслуга в исследовании понятия «мягкая сила» принадлежит ученому Джозефу Найю (Joseph S. Nye). Согласно его определению, мягкая сила – «это способность получать желаемое путем притяжения, а не принуждения или оплаты. Она возникает благодаря привлекательности культуры, политических идеалов и политики страны. Когда наша политика воспринимается как легитимная в глазах других, наша “мягкая сила” усиливается» [6: 13].

Несомненно, в СМИ всегда присутствует манипуляция сознанием адресата, цель которой заставить адресата действовать так, как выгодно манипулятору, при этом адресат не должен догадаться о планах манипулятора. По мнению Э. А. Китаниной, «манипулируя общественным сознанием, обращаясь к ценностям аудитории, политики используют различные приемы и методы воздействия на адресата» [1: 27]. По словам А. В. Антоновой, языковые характеристики продуцента-манипулятора – это бинаризм мышления и оценки (в речи присутствует четкое разделение на «мы» и «они»,

где «мы» – это хорошо, правильно, полезно; а «они» – плохо, неправильно, вредно) [1: 79–83].

Для того чтобы лучше понять, каков образ Китая в российском политическом и бизнес-дискурсе, необходимо уделить внимание высказываниям политиков и общественных деятелей в ситуативных контекстах. Примеры, приводимые нами, были подготовлены на материале российского бизнес-телеканала РБК. Большая часть собранных примеров представляет собой высказывания известных российских политиков.

Перейдем к анализу способов (назовем их субъективными) формирования образа Китая на телеканале РБК. При анализе текстов, связанных с Китаем, мы обнаружили, что многие политики и журналисты в первую очередь обращают внимание на мощь китайской экономики, которая становится очевидной всему миру. Ср.: «Китайские компании могут заниматься промышленным шпионажем, бизнесменам стоит помнить об этом при принятии решений о партнерстве с ними, хотя *“привлекательность бизнеса с Китаем”* и понятна, заявил директор ФБР Кристофер Рэй на встрече с главой Ми-5 Кеном Маккаллумом в Лондоне» [И.: 1]; «По словам Абрамова, крепкий рубль опасен тем, что производство в стране становится нерентабельным, так как *“легче все привезти из Китая”*, и возникает риск роста безработицы» [И.: 2].

В первом контексте западный политик говорит о шпионаже, во втором контексте российский политик выражает беспокойство о свойствах национальной денежной системы. Одновременно в данных контекстах с помощью лексических средств отмечается мощь китайской экономики и высокий уровень развития китайской промышленности.

На бизнес-телеканале РБК в рамках новостной ленты, связанной с Китаем, происходит оценочное позиционирование Китая как партнера России и как дружественного государства. Ср.: «В начале лета объем торговых операций граждан с китайской валютой подскочил более чем в 16 раз. Банк России объяснил это *“трансформацией сбережений в пользу валют дружественных стран”*» [И.: 3]; «Если получится наладить сотрудничество между странами, то товарооборот может вырасти и до \$300 млрд. Фактически это будет означать, что в длительной перспективе Россия будет находиться с Китаем в *очень интегрированных отношениях*» [И.: 4]; «...российский министр приветствует собеседника, который не решается снять медицинскую маску: *“Не бойтесь”*. После этой фразы его коллега смеется, снимает маску и говорит: *“Мы доверяем друг другу”*. *“Вы среди друзей”*, – отвечает Лавров» [И.: 5]; «Представитель США отметила, что НАТО также собирается отразить в своей доктрине и *сближение* Москвы и Пекина, особенно принимая во внимание февральское совместное заявление президента России Владимира Путина и председателя КНР Си Цзиньпина, в котором говорилось, что дружба между двумя странами *“не имеет границ”*, а в их сотрудничестве *“нет запретных зон”*» [И.: 6].

Стоит отметить, что, следуя принципу целесообразности, российские политики выбирали лексику, непосредственно связанную со взглядами россиян на политику. Слова политиков транслируют тот же смысл, что и много лет назад, в советские времена (1917–1991 гг.), представляя Китай как близкое государство. Политики акцентируют внимание на тесной связи между Россией и Китаем. Сотрудничество с Китаем выступает как правильное и полезное. Если использовать терминологию А. В. Антоновой, Россия и Китай являются тем самым «мы». Подчеркнем, что формирование образа Китая на бизнес-телеканале РБК концептуализируется использованием частотных лексем, ассоциирующихся с понятием дружба двух стран: *интегрированный, друг, дружественный, сближение, доверять*. Таким образом, отношения Китая и России представляются как дружественные, полезные, безопасные, надежные, перспективные.

Итак, исследуя формирующие образ Китая высказывания политиков, мы обнаружили несколько закономерностей. Первая заключается в том, что политики всего мира отмечают экономическую силу Китая, используя выражения *привлекательность бизнеса с Китаем и легче все привезти из Китая*, что подчеркивает экономическую развитость КНР. В контексте китайской экономики, как правило, преобладают позитивные оценочные лексемы. Что касается второй закономерности, которая связана с оценкой Китая как государства, то здесь играет свою роль стабильность взглядов китайских политиков. В высказываниях российских политиков о Китае присутствуют слова, подчеркивающие партнерские и даже дружеские отношения: *сближение, интегрированный, доверять, дружба* и так далее.

В заключение необходимо отметить, что на сегодняшний день вектор манипуляции в СМИ, как и концептуальная модель представлений о каком-либо государстве, во многом задается политическими тенденциями. Речь политиков является одним из средств формирования отношения общества к происходящему в мире, поэтому мы говорим о ней, как о мягкой силе, позволяющей добиваться нужных целей.

Источники

1. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62c62eb99a7947162d61e350?ysclid=188fahp825391452797> (дата обращения: 22.07.2022).
2. <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62db9d109a7947361b0b9775?ysclid=188falxm10999253291> (дата обращения: 22.07.2022).
3. <https://quote.rbc.ru/news/article/62da4bed9a7947487c8d90b3> (дата обращения: 22.07.2022).
4. <https://trends.rbc.ru/trends/industry/62d94d5b9a7947e55c9c1d6c> (дата обращения: 22.07.2022).
5. <https://www.rbc.ru/politics/28/07/2022/62e2848b9a7947bc3d30906e> (дата обращения: 08.10.2022).

Литература

1. Антонова А.В. Свойства массового сознания как мишени речевой манипуляции (на примере текстов предвыборных выступлений британских политиков) [Электронный ресурс] // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/svoystva-massovogo-soznaniya-kak-misheni-rechevoy-manipulyatsii-na-primere-tekstov-predvybornykh-vystupleniy-britanskih-politikov> (дата обращения: 23.09.2022).
2. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. – М., 2003. – 446 с.
3. Джгамадзе К.Б. Влияние психологических факторов на формирование образа своей страны в сознании российских граждан: дис. ... канд. полит. Наук. – Москва, 2017. – 188 с.
4. Китанина Э.А., Куликова Э.Г. Манипуляция в современном политическом дискурсе: Обращенность к массовому адресату // Русский язык за рубежом. – 2019. – № 4. – С. 26–32.
5. Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
6. Joseph S. Nye. Soft Power. The Means to Success in World Politics. – New York: Public Affairs, 2004. – 192 p.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the verbal representation of the image of China in the Russian periodical RBC. The image of China is analyzed on the material of the publications related to China. The authors examine the lexical and semantic characteristics of the linguistic means used in economic and socio-political media texts.

Keywords: semantics, image of China, soft power, speech manipulating, language tools.

МОДНЫЙ БРЕНД КАК СИМВОЛИЧЕСКИЙ РЕПРЕЗЕНТАНТ ЦЕННОСТЕЙ ЖЕНЩИНЫ В НАРРАТИВЕ ФИЛЬМОВ П. АЛЬМОДОВАРА

Аннотация. В статье анализируется функция модного бренда как символического репрезентанта ценностей женщины в нарративе фильмов Педро Альмодовара. В кинонарративе выявляются такие ценности, как женственность и боль, рамки и свобода, самоидентификация, иллюзия и самообман.

Ключевые слова: нарратив, кинематограф, ценности, символическая репрезентация.

Кинематограф – искусство визуальное, поэтому кинонарратив позволяет через визуальные символы транслировать различные смыслы, в том числе и важные для характеристики героя ценности. В. И. Карасик говорит о «нарративном измерении ценностей» [2: 160], Л. М. Гончарова эту идею переносит на рекламный дискурс [1]. Мы попытаемся нашу идею нарративного дизайна («процесса поиска адекватных средств репрезентации драматургических элементов») как этапа создания медиапродукта (кинофильма) [3: 77] связать с функцией модного бренда как символического репрезентанта ценностей женщины в нарративе фильмов Педро Альмодовара.

В фильме Педро Альмодовара «Кожа, в которой я живу» (2011) Вере (Елена Анайя) насильственно изменили пол, превратив из мужчины в женщину. Вера решает принять эту трансформацию. Режиссер для визуализации подобного выбора в финале фильма, для демонстрации откровенной женственности героини, использует платье в цветочек от Dolce&Gabbana. Этой же цели служит платье с геометрическим принтом от DVF, в нем Вера впервые появляется после операции. Что лучше скажет о ее превращении, чем символ женственности в одежде? Еще один модный бренд в этом фильме – Jean Paul Gaultier. В нарративе фильма мы видим самое рациональное творение Готье – трико Веры, похожее на вторую кожу. Строчка на трико – это намек на заживающие шрамы на теле героини. Тем не менее Готье остается собой: в сцене, где мужчина насилует Веру, появляется тигровый костюм. Эта рискованная сцена, абсурдная и сбивающая с толку, воплощает все грани бренда Jean Paul Gaultier.

В фильме «Кика» (1993) П. Альмодовар демонстрирует отношение к меняющейся идентичности с помощью костюмов Виктории Абриль в роли Андреа.

Режиссеру требовалось, чтобы бренд Jean Paul Gaultier представил гламур как катастрофу. Первый наряд Андреа – это костюм в костюме, сенсационное платье, в котором она ведет шоу на телевидении. Платье сшито из черного бархата, у него длинные рукава и манжеты из перьев. Оно покрыто красными пластмассовыми подтеками, имитирующими кровь, которая льется из разрезов на лифе, открывающих накладную обнаженную грудь. Голые груди делают наряд шокирующим, но они отражают то, как действует героиня, показывая шокирующую правду. Вторым костюмом Андреа в шоу – красное с черным платье-бандаж из ПВХ, которое она надевает на «Кровавые церемонии», это воплощение взгляда Готье на Голливуд 30-х годов через призму современного сюрреализма. За пределами шоу Андреа меняет пугающие наряды на практичные. Она носит рабочий комбинезон, превращенный в подобие новостного фургона. Грудь Андреа прикрыта двумя лампами и защитным бампером, а камера прикреплена к шлему на голове. Готье снова концентрируется на области груди, возвращаясь к своим пристрастиям: нижнее белье как верхняя одежда и искажение понятия повседневной одежды. Самый характерный для Готье – это «истинный» наряд Андреа. В нем нет гротеска или неуклюжей функциональности. В этом наряде – обычном полосатом джемпере и жилете – она идет на встречу с бывшим любовником в кафе. Главной темой «Кики» был заявлен вуайеризм, и этот взгляд на Андреа, такой далекий от тех жертв, которых она выбирает для своего шоу, ощущается как настоящее подсматривание.

Вероника Форке, играющая Кики, одета в костюмы из последней коллекции Versace. Андреа, костюмы которой делал Готье, резкая, озлобленная, страдающая навязчивыми состояниями. Она полная противоположность оптимистичной, солнечной Кики. Их одежда подчеркивает это отличие. Кика милая, привлекательная, жизнерадостная. Она хочет быть актрисой, а пока работает визажистом и переходит от одного опыта к другому в своей бурной жизни. Режиссер выбрал для Кики одежду от Versace, потому что в его коллекции чувствовалась зарождающаяся энергия неохиппи. Все костюмы Кики ярких цветов, их сочетание часто режет глаз. Юбки ярусами, цыганские топы в горошек или с цветочным узором, платья с глубоким декольте. Альмодовар намеренно отдает приоритет женским формам. Андреа, злодейка в этой истории (хотя это спорно), скована псевдобандажными нарядами от Готье. Кика – это красиво обнаженный свободный дух.

П. Альмодовар, остро осознающий, какую роль в раскрытии персонажа играет дизайнерская одежда, попросил Карла Лагерфельда создать костюмы для Виктории Абриль в фильме «Высокие каблуки» (1991). В роли ведущей новостей Ребекки В. Абриль носит Chanel практически весь фильм. Ребекка выросла в тени своей матери Бекки дель Парамо, успешной актрисы, брошившей дочь еще в детстве. В начале истории Бекки, которую мучают угры-

218 | зения совести, возвращается к дочери после пятнадцатилетнего отсутствия. Режиссер одел Ребекку в костюм из белого букле с золотыми пуговицами от Chanel – сцена ожидания матери в аэропорту. Камера фиксирует логотип Chanel на темных очках Ребекки и лейбл внутри ее стеганой сумочки – «2.55». Встретившись с дочерью, Бекки с энтузиазмом комментирует: «Этот костюм от Chanel тебе действительно очень идет». Ребекка эмоционально закрыта, она не дает воли ни своим чувствам, ни своему воображению. В ее рутинной жизни нет места для раздумий, она просто открывает шкаф и достает костюм или платье от Chanel.

Например, в маленьком черном платье с зеленой отделкой она идет в ресторан. Лагерфельд создает образ с избыточными фирменными деталями, он наслаждается китчем. Ребекка же покупает этот лейбл, так как для нее китча не существует.

Больше готовых моделей Лагерфельда для Chanel можно увидеть на Пенелопе Крус в фильме «Разомкнутые объятия» (2009). Крус играет Магдалену Ривас, женщину, попавшую в отчаянное положение. Она становится любовницей своего пожилого босса Эрнесто. Новая жизнь Магдалены приносит деньги и возможность воплотить мечты. Теперь она может носить вещи от Chanel. Сменив плотно облегающий тело серый костюм от Аззедина Алая на платье-футляр от Chanel, она попадает в другой мир моды.

Становится очевидно, что героиня попала в ловушку зависимых отношений, и ее преданность Chanel отражает эту закономерность. Когда Магдалена влюбляется в другого мужчину, перемены в жизни демонстрирует твидовый жакет в красную и синюю клетку от Chanel классического силуэта, с золотыми пуговицами и расположенными в самых невероятных местах нефункциональными молниями. Когда Магдалена находит в себе силы уйти от Эрнесто, она одевает ярко-красный костюм и такого же цвета туфли на высоких каблуках. Камера Альмодовара следует за цокающими каблуками. Они помогают Магдалене обрести голос, делают выше, но это всего лишь иллюзия. Каблуки провокационны, потому что они подразумевают доминирование, но ключевое слово здесь «подразумевают». При всей своей внешней уверенности – Магдалена бессильна.

Пуговицы, молнии, цепочки – все эти сугубо декоративные элементы показывают, насколько поработавшим может быть притяжение гардероба от Chanel. Немногие могут купить право на вход в этот мир, но многие об этом мечтают. Деньги дают свободу выбрать лейбл, который, как многие ошибочно считают, требует одеваться в него с ног до головы.

Таким образом, в нарративе фильмов Педро Альмодовара модные бренды являются символическими репрезентантами ценностей женщины: женственность и боль («Кожа, в которой я живу»), рамки и свобода («Кика»), самоидентификация («Высокие каблуки»), иллюзия и самообман («Разомкнутые объятия»).

Литература

1. Гончарова Л.М. Рекламные тексты в контексте ценностных ориентиров национальных культур (на материале сферы туризма) // Общая и русская лингвоаксиология: Коллективная монография. – Ярославль: Канцлер, 2022. – С. 253–290.
2. Карасик В.И. Языковые картины бытия: Монография. – М.: Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. – 477 с.
3. Киуру К.В., Линков С.В. Драматургический дизайн, нарративный дизайн и визуальный сторителлинг как этапы создания медиапродукта // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2022. – № 3 (45). – С. 73–80.

Abstract. The article analyzes the function of a fashion brand as a symbolic representative of a woman's values in the narrative of Pedro Almodovar's films. The film narrative reveals such values as femininity and pain, limits and freedom, self-identification, illusion and self-deception.

Keywords: narrative, cinematography, values, symbolic representation.

ОБРАЗ ПОЛИЦИИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ДИСКУРСЕ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации ценностного компонента образа сотрудника полиции в текстах разных жанров российского дискурса правового просвещения. Рассматриваются причины формирования стереотипизированного отрицательного образа российского полицейского, а также коммуникативные стратегии и вербальные модели, позволяющие модифицировать данный образ в сознании адресата.

Ключевые слова: образ, сотрудник полиции, стереотип, дискурс правового просвещения, аксиосфера права.

Положительный образ правоохранительных органов не только способствует предотвращению преступности в обществе, но и в значительной степени определяет отношение граждан к закону как ключевому феномену аксиосферы права. Неуважительное отношение граждан РФ к сотрудникам полиции, и даже откровенная нелюбовь к ним, препятствуют их успешной коммуникации и серьезно осложняют правовое просвещение членов общества. По результатам недавнего опроса общественного мнения, уровень доверия к полиции в РФ на сегодняшний день составляет 41,9 %, и только 40 % опрошенных считают деятельность сотрудников правопорядка эффективной [11: 65].

Цель данной статьи – рассмотреть репрезентацию ценностного компонента образа сотрудника полиции в текстах современного российского дискурса правового просвещения. В качестве материала исследования послужили медиатексты соответствующей тематики, научно-популярные книги и интернет-лекции о праве.

По наблюдению А. И. Дубняковой, «образ российской полиции – это результат прошлого опыта взаимодействия граждан с этим органом и одновременно показатель существующего в настоящий момент отношения к нему» [3: 19]. Исследователь полагает, что большую роль в формировании стереотипизированного образа полицейского играют как недостаточная информированность населения о деятельности сотрудников правопорядка, так и тенденции СМИ не всегда адекватно освещать те или иные события, акцентируя внимание именно на негативных ситуациях с участием полиции [3: 20]. По нашему мнению, тексты дискурса правового просвещения могут мотивировать российских граждан на рефлексивную и саморефлексивную

деятельность и таким образом способствовать пересмотру сложившихся негативных представлений.

О том, что отрицательный образ полицейского – глубоко укоренившийся стереотип, может свидетельствовать тот факт, что большинство респондентов, принявших участие в вышеупомянутом опросе, не имело личного опыта взаимодействия с полицией, но сформировало свое негативное мнение о ее сотрудниках на основании информации, полученной из СМИ и социальных сетей. Одной из причин подобного отношения исследователи считают устойчивость моделей восприятия, сформировавшихся в кризисные 1990-е годы, когда «оборотни в погонах» совершали преступления под прикрытием своих званий и должностей. Еще одним фактором выступает реализация властных полномочий сотрудниками правопорядка. По мнению И. В. Васильевой и О. С. Возжениковой, чем чаще полицейским приходится реализовывать властный, конфликтный характер своих полномочий для обеспечения безопасности и правопорядка, тем более негативный образ формируется в соответствующих слоях населения [1: 184]. Немаловажную роль в имиджевом восприятии полицейских, к сожалению, зачастую играют недостаточная компетентность, коррумпированность и низкий культурный уровень отдельных сотрудников полиции.

С целью выявления характеристик «идеального образа» полицейского в сознании российских граждан Дубняковой А. И. было проведено эмпирическое изучение (опрос, анкетирование), результаты которого показали, что к характеристикам «идеального» полицейского российские граждане относят следующие качества: тактичность, доброжелательность, уважение к людям, вежливость, богатство словарного запаса, стремление оказать помощь людям, хорошую юридическую подготовку, работоспособность, ответственность, смелость, дисциплинированность, добросовестность, чуткость [3: 20]. Рассмотрим примеры репрезентации образа полицейского в текстах дискурса правового просвещения с целью выявления основных характеристик и сравнения их с характеристиками «идеального» образа.

В своей книге «Правоведение для всех» А. А. Русакович делится с читателями следующими утверждениями о работе и ценностях сотрудников правоохранительных органов:

«Полиции обычно лень во всем этом разбираться <...>» [7: 126].

«Мотивация у них (*полицейских – прим. авт.*) бывает разная – ожидание взятки, скука, ложно понятое служебное рвение, удовольствие от чужого дискомфорта <...>» [7: 155].

«Благодаря этим нормам закон подменяется волей конкретного полицейского, чиновника или судьи: они могут оштрафовать или посадить неугодного человека, освободить от наказания близкого человека, запретить что-то гражданам или присвоить себе полномочия, не прописанные в законе» [7: 169].

В представленных фрагментах автор создает однозначно отрицательный образ сотрудников правоохранительных органов. Акцентируются такие негативные характеристики полицейских, как лень, злоупотребление служебным положением, получение удовольствия от доставления дискомфорта гражданам и т. д. Полицейский воспринимается как «чужой», основной задачей которого является не защита интересов населения, а извлечение максимальной выгоды из тех полномочий, которыми его облекло государство. Подобный имидж сотрудника полиции формирует страх и недоверие граждан к институту власти и его представителям.

Вслед за Золотайко А. И. и Нестеровой В. Е. мы также приходим к выводу о том, что негативная и наиболее широко представленная часть контекстов, посвященных оценке деятельности полицейских, содержит характерные примеры вербализации компонентов «непрофессионализм», «произвол» и «жестокость» [4: 94]. К примеру, публикация информационного портала *RED. MSK / Красная Москва* «Депутаты с ужасом обнаружили, что узаконили полицейский произвол» также способствует формированию необоснованного страха граждан перед служителями закона. В частности, в публикации приводятся мнения экспертов, которые дают самые пессимистичные прогнозы применения резонансного нового закона «О полиции». Например, депутат ГД Алексей Куринный высказывает мысль о том, что «Под маркой необходимости урегулировать эти небольшие недоработки были внесены, на мой взгляд, достаточно существенные изменения, расширяющие полномочия сотрудников полиции – и, к сожалению, не гарантирующие безопасность граждан и возмещение возможного ущерба» [2].

Авторы публикации «Кодекс дяди Степы: что изменит свод этических правил для полицейских» интернет-издания «*Право.Ru*» в целом положительно оценивают введение вышеупомянутого закона, но также высказывают некоторые опасения, связанные с его практической имплементацией: «Но доказать хамство при задержании или допросе будет сложно, потому что суды крайне неохотно принимают и изучают аудио- и видеозаписи <...>» [5].

Заголовок статьи содержит аллюзию к образу милиционера дяди Степы из поэмы Сергея Михалкова. Возможно, этот образ служит реализации иронического замысла автора текста, но тем не менее он вызывает положительные ассоциации в сознании адресата. Как видим, автор указывает на такую отрицательную характеристику полицейских как «хамство». Если вспомнить, что такие качества, как чуткость, доброжелательность и вежливость были обозначены участниками опроса как самые важные для «идеального» полицейского, то напрашивается очередной вывод о несоответствии сотрудников правопорядка представлениям граждан.

Отрицательный образ полицейского актуализируется в том числе и в анекдотах правовой тематики, что подтверждает наличие у российских граждан

глубоко укоренившихся стереотипов о деятельности сотрудников правоохранительных органов. Приведем несколько примеров таких анекдотов из постоянной рубрики национального правового журнала «Человек и закон»: «В целях снижения аварийности на дорогах ГИБДД объявила о новой рекламной акции: При покупке прав книжка с правилами дорожного движения – в подарок» [10: 72].

«Пьяный российский водитель был задержан в Берлине, когда пытался дать взятку лежащему полицейскому» [9: 71].

Будучи феноменом национальной культуры, анекдот представляет собой квинтэссенцию сложившихся представлений народа о том или ином явлении. Коррупционированность сотрудников полиции разных уровней, к сожалению, не только часто освещается в СМИ, но и стала неперенным атрибутом образа полицейского в народном творчестве и национальном бытовом дискурсе.

Хотим обратить внимание на то, что изменение сложившейся ситуации представляется невозможным без моделирования положительного образа полицейского прежде всего в молодежной среде. На наш взгляд, позитивный имидж стража порядка является залогом достойного поведения молодых граждан нашей страны. С сожалением вынуждены отметить, что тексты современного дискурса правового просвещения зачастую способствуют созданию и поддержанию отрицательного образа сотрудников полиции. Так, ранее упомянутый журналист и юрист А. А. Русакович не только пишет научно-популярные книги о праве, но и читает интернет-лекции для молодежи, в которых создает далекий от привлекательного имидж сотрудников правоохранительных органов:

«Социологи провели исследование и выяснили, что российские полицейские в большинстве случаев находят у задержанных ровно тот объем наркотиков, который необходим для возбуждения уголовного дела <...> Тут есть два наиболее вероятных объяснения. Возможно, полицейские очень часто подбрасывают людям наркотики, а зачем зря переводить добро, если двух с половиной граммов вполне хватит для возбуждения уголовного дела. Второй вариант. Возможно, полицейские задерживают настоящих наркоторговцев, но оформляют протокол только на два грамма марихуаны, а остальное воруют <...> В любом случае это говорит о хорошей юридической подготовке полицейских и о том, что они хорошо знают как законы, так и подзаконные акты» [6].

Как видим, популяризатор формирует однозначно негативный образ сотрудников правоохранительных органов, которые в описываемой юридической ситуации либо «подбрасывают наркотики», либо «воруют». В данном контексте даже утверждение об их «хорошей юридической подготовке» не воспринимается как положительная характеристика и доказательство высокого профессионализма. Таким образом, создается образ полицейского прямо

224 | противоположный тем «идеальным» качествам, которые хотели бы видеть граждане в сотруднике правопорядка.

Однако следует отметить, что многие современные СМИ способствуют моделированию положительного образа полицейского, убеждая адресатов в квалифицированности и профессионализме сотрудников института, а также подчеркивая наличие у них наряду с эмпатией и состраданием чувства ответственности за жизни рядовых граждан, готовности пожертвовать собой при необходимости. Приведем некоторые фрагменты публикаций газеты «Петровка, 38» – старейшего в России полицейского издания:

«Рискуя жизнью, Николай Коновалов перелез на балкон, проник в квартиру и обезвредил злоумышленника» [12].

«Надо сказать, что участковый, увиденный нами в кабинете, и участковый, с которым мы работали на участке, – это две большие разницы. На “земле”, на участке Кротов просто “ожил” – повеселел, легко вступал в беседы, демонстрируя умение говорить и договариваться с людьми разного возраста. А как уважительно, по-доброму относятся жители к своему молодому участковому!» [12].

Исследователи А. И. Золотайко и В. Е. Нестерова проанализировали медиатексты таких оппозиционных изданий, как «Новая газета», «Коммерсант», «Эхо Москвы», «Ведомости», и также выявили примеры моделирования положительного образа социального института полиции посредством имплицитной вербализации таких ценностных компонентов, как «профессионализм», «законность» и «гуманность» [4: 98].

«Варю задержали, посадили в автозак и отвезли в отделение. В полиции Варю напоили чаем с печеньем. А маме, которая приехала за ней спустя несколько часов, дали подписать протокол о задержании, провели профилактическую беседу и отпустили домой» [4: 96].

В данном примере полицейские представлены как лица, которые ведут себя профессионально и компетентно, а следование букве закона не мешает им проявлять сострадание к гражданам.

Таким образом, в настоящий момент назрела очевидная экзистенциальная необходимость в преодолении негативных моделей восприятия правоохранительных органов, и дискурс правового просвещения должен быть нацелен на решение данной задачи. Доверительное отношение граждан к институту полиции способствует продвижению в обществе законопослушного образа жизни, основанного на уважении к закону как ключевой ценности аксиосферы права. Моделирование положительного образа полицейского включает использование коммуникативных стратегий и создание вербальных моделей, позволяющих внедрить в сознание адресата необходимый образ, ценностные компоненты которого будут совпадать с характеристиками «идеального» сотрудника полиции.

Литература

1. Васильева И.В., Возженикова О.С. Образ полицейского в общественном сознании // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2017. – № 3 (41). – С. 183–191.
2. Депутаты с ужасом обнаружили, что узаконили полицейский произвол [Электронный ресурс] // Красная Москва. РФ. – URL: <https://red.msk.ru/deputaty-s-uzhasom-obnaruzhili-cto-uzakonili-policejskij-proizvol> (дата обращения: 01.09.22).
3. Дубнякова А.И. Образ сотрудника полиции в сознании граждан // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2013. – № 4 (55). – С. 19–21.
4. Золотайко А.И., Нестерова В.Е. Моделирование положительного образа полиции в российских оппозиционных газетах // Политическая лингвистика. – 2022. – № 2 (92). – С. 92–99.
5. Кодекс дяди Степы: что изменит свод этических правил для полицейских [Электронный ресурс]. – URL: <https://pravo.ru/story> (дата обращения: 06.09.22).
6. Рукавич А. Веселые ролики об основах права [Электронный ресурс]. – URL: http://zakon.ru/blog/2017/12/05/vesyolye_roliki_ob_osnovah_prava (дата обращения: 01.03.2022).
7. Рукавич А.А. Правоведение для всех. – М.: Издатель А.А. Рукавич, 2017. – 446 с.
8. Секунды на принятие решения [Электронный ресурс]. – URL: <https://petrovka-38.com/item/sekundy-na-prinyatie-resheniya> (дата обращения: 25.09.2022).
9. В конце номера // Человек и закон. – 2018. – № 12. – С. 71.
10. В конце номера // Человек и закон. – 2022. – № 8. – С. 72.
11. Чхвимиани Э.Ж., Афаунов А.З., Тарасенко Д.В. Полиция в дискурсе современного российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 9. – С. 63–66.
12. Шерифу и не снилось [Электронный ресурс]. – URL: <https://petrovka-38.com/item/sherifu-i-ne-snilos> (дата обращения: 26.09.22).

Abstract. The article deals with the verbal representation of the value component of the image of a police officer in the texts of different genres of the Russian discourse of public legal education. The reasons for the formation of a stereotypical negative image of a policeman, as well as communicative strategies and verbal models applied to modify this image in the mind of a recipient are analyzed.

Keywords: image, police officer, stereotype, discourse of public legal education, legal axiosphere.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА, ОТРАЖЕННЫЕ В ЮРИДИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЕ

Аннотация. В статье предпринята попытка показать отражение национально-культурных ценностей жителей России в текстах юридической рекламы, на примерах текстов наружной рекламы. Рассматриваются и анализируются лексические средства языка, используемые в текстах юридической рекламы, как инструмент выражения ценностных ориентаций потенциальных клиентов.

Ключевые слова: реклама, юридическая реклама, юридические услуги, ценность.

Запад со своими ценностями, образом жизни, отличными от нашего, оказывает влияние на Россию. Проникновение западных товаров на наш рынок принесло так же и способы продвижения этих товаров. Реклама западных товаров несет с собой культуру и традиции этих стран, поскольку именно реклама как социокультурный феномен отражает ценности нации.

И. А. Левченко отмечает, что наше современное общество существует как рыночное. Товарно-денежные отношения доминируют. «Социокультурным образцом становится предприниматель, “экономический человек”, который имеет специфическую систему ценностей, выстраивает свои отношения с другими, опираясь не на религиозные или нравственные нормы, а ориентируясь на выгоду и нормы права» [3: 15].

Обращение за юридическими услугами, рекламируемыми компаниями, предполагает денежную компенсацию.

Рассмотрим следующие примеры юридической рекламы в России:

Рекламный текст:

Автоюрист

Юридическая помощь автовладельцам
Бесплатная консультация
+7495 771 72 61.

Актуализируемая ценность – безвозмездное предложение оказания услуг: «бесплатная консультация».

Рекламный текст:

Бесплатные консультации

Квалифицированная юридическая помощь: составление процессуальных документов, судебное представительство.

Актуализируемые ценности – безвозмездное предложение оказания услуг: «бесплатная консультация», а также – профессионализм юридической конторы: «квалифицированная юридическая помощь».

Рекламный текст:

AdvoKlad 59 49 47 Бесплатная юридическая консультация

*Отмена судебного приказа
Банкротство.*

Актуализируемая ценность – безвозмездное предложение оказания услуг: «бесплатная юридическая консультация».

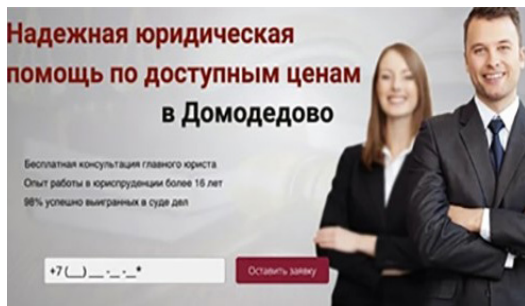
Рекламный текст:

Общественное Объединение ЮРИСТОВ Алтайского края

ВСЕ ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ в т. ч. БЕСПЛАТНО: юридические консультации, защита Ваших прав в суде, иных инстанциях, помощь в подготовке процессуальных документов

г. Барнаул, ул. Попова, 72 тел/факс 43-28-55 моб. 8-905-987-92-31.

Актуализируемые ценности – безвозмездное предложение оказания услуг: «БЕСПЛАТНО», а также – профессионализм юридической конторы: «ВСЕ ВИДЫ ЮРИДИЧЕСКИХ УСЛУГ».

Рекламный текст:
*Надежная юридическая
 помощь по доступным ценам
 в Домодедово*
*Бесплатная консультация
 главного юриста*
*Опыт работы в юриспру-
 денции более 16 лет*
*98 % успешно выигранных
 в суде дел.*

Актуализируемые ценности — безвозмездное предложение оказания услуг: «бесплатная консультация», а также — профессионализм и одновременно качество услуг, предлагаемых юридической конторой: «Опыт работы в юриспруденции более 16 лет 98 % успешно выигранных в суде дел». Еще одна ценность, отраженная в тексте юридической рекламы, с которой мы сталкиваемся — это надежность: «Надежная юридическая помощь». Т. В. Леонтьева говорит о понятии «надежности» как присущем такому человеку, который «выполняет обещания, он помогает, он не бросает в беде, он защищает, он не обманывает» [4: 35].

Рекламный текст:
ЛОГОС

*Юридическая помощь любой сложности:
 юридические консультации, составление
 договоров, составление исковых заявлений,
 ведение дел в суде, списание долгов, взаимо-
 действие с судебными приставами, защита
 прав потребителей, наследственные, семей-
 ные споры, сделки с недвижимостью*

*Нам можно доверять! ЗВОНИТЕ ПО
 НОМЕРУ +7(3812) 63-96-98 Заходите на
 наш сайт logos55.ru*

*приходите на консультацию г. Омск, пр.
 Мира 20/1. Офис 3, этаж 3.*

Актуализируемые ценности — профессионализм юридической конторы: «Юридическая помощь любой сложности», надежность: «Нам можно доверять!».

Исходя из приведенных выше примеров, мы согласны с мнением М. С. Журавлева, который пишет о том, что основной ценностью русской культуры является «примат духовного над материальным» [1: 22].

Обращение за юридической помощью — это не только защита своих прав, но и возможность получения материальной выгоды, что противоречит цен-

ностям общества. В подтверждение данной мысли можно согласиться с Ю. О. Соловьевой, которая говорит о том, что в России одной из культурных особенностей юридической рекламы является употребление слова «бесплатный» при упоминании юридических услуг [5: 70]. Безвозмездность оказания консультации, несомненно, привлекает внимание потенциальных клиентов, что обусловлено низким уровнем правосознания в обществе и отсутствием материального благополучия граждан.

Говоря о рекламе юридических услуг, стоит обратить внимание не только на ценности, но и на правовую систему. Например, в Америке реклама изобилует вербальными и невербальными составляющими, что продиктовано принципом состязательности, который присущ общеправовой системе. В то время как в России – романо-германская правовая система, где такой принцип не применим. Ю. О. Соловьева пишет о том, что основные, ценности, которые мы можем встретить в юридической рекламе в России, – это «опыт, профессионализм, надежность, качество, законопослушание» [5: 70]. Д. Б. Штрикова говорит о том, что в культурно-цивилизационной классификации различные регионы можно разделить на маскулинный или феминный тип культуры [6: 251]. По мнению автора, нашей культуре свойственны характеристики обоих типов, однако, как справедливо отмечает Ю. О. Соловьева, ранее перечисленные характеристики свойственны именно феминному типу [5: 70]. В то время как маскулинному типу, по мнению Н. В. Латовой, свойственна «сосредоточенность на материальном успехе» [2: 161], что характерно для культуры граждан США.

Таким образом, мы можем прийти к выводу о том, что в нашем современном обществе существует примат духовного над материальным. Существование юридической рекламы как феномена, обладающего меньшей креативностью и меньшим спросом в России, обусловлено как историческим развитием, правовой системой, так и наличием феминного типа культуры. Тем не менее наше общество развивается. На него оказывает воздействие культура Запада. Мы видим то, что реклама товаров и услуг весьма разнообразна, что также к нам пришло оттуда. Таким образом, можно предположить, что изменения могут в скором времени коснуться и рекламы юридических услуг.

Литература

1. Журавлев М.С. Функционирование ценностей в современной России // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2015. – № 2. – С. 21–30.
2. Латова Н.В. Культурная специфика россиян (этнометрический анализ на основе концепции Г. Хофстеда) // Вестник Института социологии. – 2016. – № 4 (19). – С. 155–179.

230 | 3. Левченко И.А. Особенности ценностно-нормативной системы современного общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2014. – № 9. – С. 15–19.

4. Леонтьева Т.В. Образные репрезентанты надежности и ненадежности в русской фразеологии // Научный диалог. – 2018. – № 8. – С. 34–48.

5. Соловьева Ю.О. Юридическая реклама как гибридный тип текста: жанровые особенности и национальная специфика // Иностранные языки в экосистеме современного университета. Материалы Международной научно-практической конференции, Архангельск, 25–26 ноября 2021 года / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова». – Архангельск: Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, 2022. – С. 67–71.

6. Штрикова Д.Б. Гендерные стереотипы в профессиональной деятельности // Мир науки, культуры, образования. – 2016. – № 1(56). – С. 250–252.

Abstract. The article is devoted to the reflection of the national values of the citizens of the Russian Federation in legal advertisements. The analysis is carried out on the outdoor advertisements. The lexical units which are used in the texts of the legal advertisements are examined and analysed as ones being the instruments of expressing the value orientations of the potential consumers in Russia.

Keywords: advertisement, legal advertisement, legal aid, value orientations.

СЛОВО НА СЛУЖБЕ У МАРКЕТИНГА: СПОСОБЫ И ВИДЫ ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ОЦЕНКИ В РЕКЛАМНО-ЭТИКЕТОЧНОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье рассмотрены понятия ценности и оценки в этнокультурном сознании людей. На материале текстов, сопровождающих парфюмерную продукцию на российском рынке, сделаны наблюдения и выводы о способах и видах положительной оценки.

Ключевые слова: ценности, оценки, аксиологическая сфера, парфюмерная продукция.

Этнокультурное сознание – результат отражения и восприятия образа мира [2: 122–123] через особую сетку ценностно-смысловых координат, являющихся содержательными контурами той или иной национальной культуры. В каждой этнокультуре существует специфично структурированная совокупность основных духовных ценностей, традиций и обычаев. *Аксиология* лингвокультуры представляет собой триаду: *ценности – оценки (градуальные оценки)* [4–7] – *смысл*.

Ценности определяются как «идеальное образование, представляющее собой важность (значимость, значительность) предметов и явлений реальной действительности для общества и индивида и выраженное в различных проявлениях деятельности людей. Выраженность ценности, возможность ее физического проявления обнаруживает ее объективную сущность. Разновидностью выраженности является языковая выраженность – языковое и речевое воплощение представлений людей о ценностях, словесные модели ценности, создаваемые носителем языка» [1: 93–95]. По мнению А. В. Иванова, духовные ценности выражаются символами культуры (языком, литературными текстами, произведениями искусства, продуктами материальной культуры), подлежащими распределению живым человеческим сознанием [3: 110].

Ценность всегда связана с *оценкой* – определением уместности, целесообразности, полезности, выгоды, удобства и пр., то есть размещением события, факта, явления на градуальной шкале «хорошо – плохо». Другими словами, оценка – это форма существования ценностей. Она может быть 1) эмоционально-вербальной (в качестве реакции на стимул в речи выражаются эмоции: одобрение, восхищение, удивление, негодование и др.); 2) рационально-

232 | вербальной (в речи дается прагматическая оценка факта действительности); 3) поведенческой (в форме поступков, действий как ответной реакции на факт, требующий оценки). Для нас важны первый и второй виды оценки, которые могут быть представлены в семантике языковых единиц, речевых средствах выражения значения [8].

Ценность и оценка как разновидности идеального существуют объективно, независимо от сознания индивида. Человек включается в аксиологическую сферу в процессе выбора способов речемыслительной деятельности, языковых средств. Он всегда оценивает и окружающих людей, и жизненные обстоятельства, и себя и действует на основе этой оценки. И. В. Чеккулай, поддерживая тезис о том, что ценности существуют объективно, независимо от нас, заостряет внимание на том, что они – не сами предметы и явления окружающего мира, а метонимически перенесенные на них ингерентные, или окказиональные, свойства и признаки [9].

Феномен вовлечения потенциальных потребителей в аксиологическую сферу активно используют с рекламно-маркетинговой целью как российские, так и зарубежные производители парфюмерной продукции. На нескольких примерах рассмотрим, на какие ценности и оценки они делают ставку, какие приемы воздействия на людей используют, чтобы убедить в превосходном качестве продукта и склонить к его покупке. В каждом случае подчеркнута одной линией то, что вынесено на «лицевую» часть этикетки.

1. «Гидролат лаванды, розы и ромашки».

Суперувлажнение

Натуральные гидролаты лаванды, розы и ромашки эффективно тонируют и увлажняют, устраняют сухость и шелушение, восстанавливают водно-липидный баланс кожи, повышают ее эластичность. В результате кожа становится мягкой и бархатистой, излучает здоровье и красоту».

В названии продукта перечислены растения-ингредиенты, что уже создает эмотивно-вербальную положительную оценку, свидетельствуя о натуральности состава. Субстантив с префиксом *супер-* усиливает эффект, добавляя к семантике слова коннотацию высокой степени качества.

На оборотной стороне флакона этикетка содержит текст с рационально-вербальной оценкой, описывая высокую эффективность средства (снова с опорой на ингредиенты) и превосходный результат его воздействия на кожу человека.

2. «Гиалурон эксперт. [Гиалуро]восполняющий увлажняющий тоник

Интенсивно увлажняет, разглаживает и освежает

[+НА] Гиалуроновая кислота

Для всех типов кожи, включая чувствительную

Новый Тоник Гиалурон Эксперт от L'Oreal Paris обогащен **Гиалуроно-вой Кислотой**, которая способствует увлажнению и помогает разглаживать

поверхность кожи. Ежедневно Тоник удаляет остатки макияжа, а также возвращает свежий вид лица, заметно увлажняет и разглаживает кожу.

ГИАЛУРОНОВАЯ КИСЛОТА √

Золотой стандарт в уходе за кожей. Помогает восполнить кожу влагой, разгладить и интенсивно увлажнить ее.

Мгновенно Кожа заметно увлажнена. Она выглядит более мягкой и свежей.

День за днем Кожа, восполненная влагой, выглядит сияющей.

ЦЕННОСТИ L'OREAL PARIS

√ **Эффективность и безопасность** наших продуктов протестированы под дерматологическим контролем на всех типах кожи, в том числе на чувствительной.

L'Oreal привержен методам тестирования без животных более 30 лет».

В данном случае на лицевой части этикетки эмотивно-вербальная оценка сочетается с рационально-вербальной: в первой части наименования продукта используется название ингредиента – нашумевшей благодаря парфюмерам гиалуроновой кислоты – с трансформацией, сокращением адъектива и заменой второй части словосочетания на слово «эксперт», что добавляет убедительности в плане потенциально чудодейственного влияния на кожу; тут же, в продолжении наименования, применяется рационально-вербальная оценка, реализующаяся в субстантивно-адъективном словосочетании, в котором каждое слово не только имеет положительную коннотацию, но и сообщает об эффективности своего воздействия на объект. Здесь и далее применяется лексический повтор: «гиалурон», «гиалуро», «гиалуроновая». Эти же приемы смешения эмотивно- и рационально-вербальной оценки используются на оборотной части этикетки. В качестве особо убедительного аргумента в пользу доверия к производителю видим перечисленные в двух распространенных предложениях ценности. Кроме того, с целью воздействия на чувства и разум потребителя применяются различного рода приемы выделения частей текста: жирный шрифт, инициальные заглавные буквы в нескольких следующих друг за другом словах, целиком состоящие из заглавных букв лексемы, различные символы как элементы креолизованного текста.

3. «Мицеллярный ТОНИК-ДЕМАКИЯЖ для лица и кожи вокруг глаз с ДЕТОКС-КОМПЛЕКСОМ

ВИТАМИН C

Коктейль витаминов A, E, F

Micellar MAKEUP REMOVER

With Detox Complex

For face

And Eye Area

биоактивная цитрусовая вода

смузи-комплекс

В основе богатейшей формулы средства – биоактивная цитрусовая вода, ферментированный смузи-комплекс, витамины А, С, Е, F, гиалуроновая кислота и натуральный защитный комплекс, за счет чего тоник-демакияж оказывает тройное действие:

1. удаляет макияж с лица, глаз и губ
2. активно увлажняет, дарит свежесть и сияние
3. обеспечивает коже детокс и защиту

Настрой кожу на витаминный детокс».

Здесь также название средства содержит прежде всего рационально-вербальную оценку: описывается предназначение и состав содержимого флакона. При этом слова «тоник», «детокс-комплекс», «витамин», «смузи-комплекс» содержат положительную коннотацию, добавляя тексту элементы эмотивной оценки. Здесь же применяется шрифтовое выделение – слова, написанные заглавными буквами, – и перевод на английский язык, по-видимому, с целью внушения мысли о международном значении данного продукта. Вторая часть этикетки несет все ту же рациональную с элементами эмоционального воздействия информацию, только в более развернутом и структурированном виде, и завершается императивом, побуждающим к активному действию – использованию данного вещества для получения максимальной пользы.

4. «LIBREDERM

ПЕНКА ГИАЛУРОНОВАЯ ДЛЯ УМЫВАНИЯ ДЛЯ ЛИЦА

способствует восстановлению водного баланса и повышению тонуса кожи

подходит для чувствительной кожи

HYALURONIC CLEANSING FOAM

Гиалуроновая пенка с нежнейшей текстурой мягко, но тщательно очищает Вашу кожу от загрязнений и косметики, одновременно смягчая и увлажняя ее без ощущения пленки на лице. Способствует восстановлению водного баланса. Подходит для чувствительной кожи. За счет содержания гиалуроновой кислоты пенка LIBREDERM максимально насыщает кожу влагой и способствует повышению тонуса кожи».

В этом случае и лицевая, и обратная части этикетки представляют собой текст, содержащий рационально-вербальную оценку: описываются различные положительные эффекты от применения данного продукта. Однако эмотивность здесь снова присутствует за счет слов с ярко выраженной положительной коннотацией: «нежнейшая», «мягко», «насыщает» и др. Название бренда, написанное латиницей и включающее слово «libre» (из французского – «свободный»), перевод на английский язык наименования продукта производят впечатление респектабельности, успешности данного косметического средства на международном рынке.

5. «BIO WORLD

VEGAN

BOTANICA

PINE NUT+BASIL+OLIVE

КЕДРОВЫЙ ОРЕХ+БАЗИЛИК+ОЛИВА

Натуральных компонентов 96 %

RENEWING FACIAL GEL SCRUB

ГЕЛЬ-СКРАБ ДЛЯ ЛИЦА

ОБНОВЛЯЮЩИЙ

Экоскраб обеспечивает мягкое очищение и обновление для сухой, чувствительной или возрастной кожи. Выравнивает ее микрорельеф, ускоряет обменные процессы в клетках, улучшает цвет лица, придает коже упругость.

!*КЕДРОВЫЙ ОРЕХ увлажняет и питает кожу, придает упругость и эластичность.

**БАЗИЛИК обладает очищающим, отбеливающим и противовоспалительным действием. Прекрасно тонизирует кожу.

***ОЛИВА способствует ускорению регенерации клеток и предотвращает преждевременное старение кожи.

КОТиК за разумную урбанистику: один гектар кедровника может избавить город от вредных бактерий!»

В этом тексте в названии преобладают английские слова, отчасти содержащие название продукта и ингредиентов, переведенные затем на русский язык, отчасти не имеющие прямого отношения к веществу во флаконе, а лишь имиджевые, за счет своей интернациональности и положительных коннотаций производящие эмоциональное воздействие. В целом же текст на лицевой и оборотной частях этикетки содержит рационально-вербальную оценку, повествуя о компонентах, воздействии на объект применения и эффективности. При этом использован прием дробления: о влиянии на кожу каждого ингредиента рассказывается по отдельности. В последнем предложении производителем названа ценность – разумная урбанистика – и приведен пример ее проявления. И снова, как и во многих других случаях, используется шрифтовое выделение слов и знаки-символы.

В каждом тексте на этикетках авторы прибегают к одному и тому же морфологическому приему – используют глаголы в настоящем времени, навязывая потребителю эффект реальности происходящего: «удаляет», «увлажняет», «способствует» и др. Парцеллированные предложения – распространенный синтаксический способ дозирования и выделения информации.

Проанализированные нами примеры позволяют сделать следующие выводы. В рекламных текстах на этикетках парфюмерных средств преобладает рационально-вербальная оценка с элементами эмотивно-вербальной, что влечет за собой поведенческую – приобретение товаров людьми, на которых

236 | удалось произвести впечатление. Верифицировать, проверить подлинность изложенной информации перед покупкой для потенциального потребителя не представляется возможным, да и впоследствии тоже весьма проблематично, что и приводит в этом случае к «соревнованию этикеток» по силе воздействия словом на ум и чувства потребителей.

Литература

1. Виноградов С.Н. К лингвистическому пониманию ценности // Русская словесность в контексте мировой культуры: материалы Международной научной конференции РОПРЯЛ. – Н. Новгород: Нижегородский университет, 2007. – С. 93–97.
2. Гурочкина А.Г. Этнокультура и языковое сознание // Филология и культура: материалы III Международной научной конференции. – Тамбов, 2001. – Ч. 3. – С. 122–123.
3. Иванов А.В. Сознание и мышление. – М.: МГУ, 1994. – 229 с.
4. Колесникова С.М. Категория градуальности в современном русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – М., 1999. – 44 с.
5. Колесникова С.М. Показатели градуальности в современном русском языке // Рациональное и эмоциональное в языке и речи: грамматика и текст. – М., 2005. – С. 23–31.
6. Колесникова С.М. Реализация градуальной семантики в тексте // Актуальные проблемы современного языкознания и методики преподавания русского языка. – Липецк – Москва, 2009. – С. 64–67.
7. Колесникова С.М. Функционально-семантическая категория градуальности в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Высшая школа, 2010. – 279 с.
8. Федосеева Л.Н. Категория локативности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 / Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина. – Москва, 2013. – 450 с.
9. Чеккулай И.В. Функционально-деятельностный подход к изучению принципов оценочной категоризации в современном английском языке: монография. – Белгород: БелГУ, 2006. – 236 с.

Abstract. The article discusses the concepts of value and evaluation in the ethno-cultural consciousness of people. Observations and conclusions on the methods and types of positive evaluation are made on the basis of the textual material going with the perfumery products of the Russian manufacturers.

Keywords: values, evaluation, axiological sphere, perfumery products.

Научное издание

**Современная российская аксиосфера:
семантика и прагматика идентичности**

Сборник материалов
II Международной научной конференции
27–28 октября 2022 г.

Электронное издание

Редактор *Н. М. Разумова*
Компьютерная верстка *Е. А. Васюкова*

Гарнитура Таймс. Формат А5.

Редакционно-издательский отдел
Департамента научной деятельности
Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина

Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина
117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6.
Тел.: + 7 495 330 88 01. Факс: + 7 495 330 85 65.
Эл. адрес: inbox@pushkin.institute
Сайт: www.pushkin.institute